

სამეცნიერო ჟურნალი „ხელისუფლება და საზოგადოება“
(ისტორია, თეორია, პრაქტიკა)“

Scientific magazine
“AUTHORITY AND
SOCIETY

(History, Theory, Practice)“

Научный журнал “ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО”
(История, Теория, Практика)“

№ 3 (31) 2014

ლია დიპლომატიის ასოციაციის
სამეცნიერო ჟურნალი

Scientific magazine of
The Open Diplomacy Association

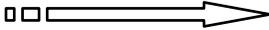
Научный журнал
АССОЦИАЦИИ ОТКРЫТОЙ ДИПЛОМАТИИ

EISSN 1512-4029

ჟურნალი დაარსებულია 2005 წელს
საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის
სახელმწიფო მართვის კათედრის მიერ

UDC 378(479.22)(051.2)

ბ. 402

სარედაქციო კოლეგია:

შოთა დოღონაძე

მთავარი რედაქტორი

ოთარ ქოჩორაძე

მთავარი რედაქტორის მოადგილე

ოთარ ბაღათურია

პასუხისმგებელი მდივანი

ნანა ავალიანი, რუდიგერ ანდრესენი, მეუფე აბრაამი (გარემელია), ევგენი ბარათაშვილი, გიორგი ბაღათურია, ოთარ ბაღათურია, რასა ბელოკაიტე, ანასტასია განიჩი, იური გორიცი, ვახტანგ გურული, შოთა დოღონაძე, ელენ დრაკე, ჰარალდ ვერტცი, გენადი იაშვილი, სერჯო კამიზი, რინარდ მასი, მიხაილო მედვიდი, როინ მეტრეველი, იოშიკა მიცუი, ბადრი ნაკაშიძე, ლიზავეტა ჟახანინა, ბუდი ნურანი რუჩჯანა, რამონ პიეტრო-სუარესი, გერტ სურმიუენი, ქეთი ქოქრაშვილი, ოთარ ქოჩორაძე, რუსუდან ქუთათელაძე, მია ჩხეიძე, ენდრიუ ლენუქს ჰარდინგსი.

ჟურნალი ხელმძღვანელობს თავისუფალი პრესის პრინციპებით.

გამოქვეყნებული მასალების სიზუსტეზე პასუხისმგებელია ავტორი. გამოქვეყნებული მასალები გამოხატავს მხოლოდ ავტორთა პოზიციას და შესაძლოა არ ემთხვეოდეს რედაქციის შეხედულებებს.

რედაქციის მისამართი:

საქართველო, თბილისი, 0175, კოსტავას ქ. 77, VI კორპუსი,

I სართული, ტელ. 236-45-14,

77 Kostava st., 0175 Tbilisi, Georgia.

Tel. [+995 32] 2364514

e-mail: geoandependip@yahoo.com

გარეკანის გაფორმება: დავით ბაღათურია

ჟურნალი გამოდის კვარტალში ერთხელ, 4 ნომერი წელიწადში

ჟურნალის ელექტრონული ვერსია განთავსებულია ვებგვერდზე:

<http://odageorgia.ge/?page=gamocemebi>

ჟურნალის რეფერირებული მასალა განთავსებულია საერთაშორისო სამეცნიერო

ელექტრონულ ბიბლიოთეკაში: <http://www.eLIBRARY.ru>

ს ა რ ჩ ე ვ ი

თეორია

ოლეგ შეპეტიაკი რელიგიისა და ღვთისმეტყველების პრობლემები თანამედროვე კულტურაში-----	5
ნათია ქოიავა XXI საუკუნის საქართველოს საჯარო სფერო – ძირითადი ფუნქციები, მიზნები, გამოწვევები-----	21
ოლეგ იაროცკაია თეოცენტრიზმი და ანტროპოცენტრიზმი, როგორც სხვადასხვა ვექტორიანი საეკლესიო იდენტობები თანამედროვე სეკულარულ სამყაროში-----	40
ხატია მარკოზაშვილი სახელმწიფო და სამოქალაქო საზოგადოება-----	53
ბორის ძიუნძიუკი ვირტუალური გაერთიანებების გავრცელება: პოტენციალური საფრთხე-----	60
თორნიკე ნიორაძე ადგილობრივი თვითმმართველობის შედარებითი ანალიზი ამერიკის შეერთებულ შტატებში-----	73
დომიტრი პოლკოვნიჩენკო სახელმწიფო მართვის თავისებურებები საგანგებო სიტუაციის პირობებში-----	80
ვლადიმერ ლობოჩენკო საჯარო ორგანიზაციებისათვის სტრატეგიის შემუშავების სპეციფიკა-----	89
დავით შამოევი საჯარო სამსახურის ეთიკა-----	99

ნიკოლოზ ორლოვი
ზოგიერთი გაკვეთილი სახელმწიფო ხელისუფლების
ორგანოებისა და სამხედრო მმართველობის
ორგანოებისათვის ევრომაიდანის მოვლენებისა და
უკრაინაში ანტიტერორისტული ოპერაციის ფონზე----- 107

ეკონომიკა

ივანე ოქრიაშვილი
საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის ზოგიერთი
ასპექტი----- 114

მიხაილო მედვიდი, ნიკოლოზ ბაკშევევი
ადამიანური რესურსების სამხედრო რეზერვის
ფორმირების, განვითარებისა და გამოყენების
პრობლემები----- 124

სერგეი ბელაი
სოციალურ-ეკონომიკური ხასიათის კრიზისული
მოვლენების (სიტუაციების) წარმოშობის მონიტორინგის
მექანიზმის ინდიკატორების დასაბუთება----- 136

სამართალი

ელენე სოლოვიოვა
მხარეთა შერიგების ინსტიტუტი უკრაინის სისხლის
სამართლის პროცესში: რეფორმირებისა და სრულყოფის
პრობლემები----- 148

დავით ასლანიშვილი
ტრანსნაციონალური კორპორაციების (ტნკ)
რეგულირების ზოგიერთი ასპექტი----- 160

ანდრეი შერბაკოვსკი
დანაშაულის გამოძიების დროს გამოყენებული
ოპერატიულ-სამძებრო ინფორმაციის შინაარსი და
სახეები----- 167

ალექსანდრე კუშნირენკო
ადამიანის უფლებები პოსტსაბჭოთა უკრაინის
კონსტიტუციური წყობის საფუძვლების კონტექსტში----- 175

საზოგადოება

ალექსანდრე კოტუკოვი
არაფორმალური კომუნიკაცია, როგორც სახელმწიფო
მართვის ეფექტიანობის გაზრდის ინსტრუმენტი
ქსელური საზოგადოების განვითარების პირობებში----- 188

პრაქტიკა

მაქსიმ მუსევევი
დიდი ქალაქების ინფრასტრუქტურული განვითარების
მართვისადმი კომპლექსური მიდგომა----- 199

იგორ შურმა
ინვალიდების სოციალური დაცვის სახელმწიფოებრივი
რეგულირების მოწინავე საზღვარგარეთული
გამოცდილება----- 209

მ ე მ რ ი ს

УДК: 23/28

Олег Шепетяк

Проблемы религии и богословия в современной культуре

В статье проведен анализ современных цивилизационных вызовов христианскому богословию. Проведенный анализ основывается на трудах ведущих немецкоязычных католических богословов К. Ранера, Й. Ратцингера, Р. Гвардини, В. Каспера. В исследовании проблемы, с которыми встретилось богословие раскрывается в сравнении с библейским описанием искушения змеем и первого греха прародителей рода человеческого. Раскрыта проблема секуляризации и свободы как факторов, определяющих современную культуру.

Ключевые слова: *христианство, богословие, секуляризация, грех, современная культура.*

Богословская дискуссия современности проходит под знаком многочисленных вызовов, на которые богословие должно давать непростые ответы. Христианин XX-XXI веков чувствует себя в традиционном для себя мире иначе, чем последователи Христа в XII-XIII веках, но и иначе, чем во II-III веках. Изменения, с которыми столкнулась Церковь, поставила перед христианами новые перспективы, но и новые трудности. Христиане первых веков после Рождества Христова подвергались открытым преследованиям. За проповедование Слова Господа Иисуса рисковали стать жертвами гонений, а также быть жестоко казненными. За отказ от выполнения официального, приписанного имперским правительством, культа они автоматически принимали на себя клеймо преступников, оказывались вне закона. Слово Христово преследовалось как синагогой, так и правительством Римской империи. Апостолы знали, насколько опасно возвещать Евангелие. Но они также знали, что когда изрекут слово евангельского благовестия, его обязательно кто-то услышит. Тогдашнее общество искало истинного Бога, было жаждущим религии, которая могла открыть путь к Нему. Эпоха эллинизма и развитие политических гигантов, вроде царства Александра Македонского и Римской империи, забрали у людей надежду на построение идеального полиса, как это было в античных Афинах, или

обретения истины, как этого хотели античные философы. Увидев призрачность этих надежд, человечество искало Бога. И как бы опасно не было креститься, появлялось много неопитов, которые готовы были рисковать земной жизнью для небесной вечности.

Иной была ситуация после Миланского эдикта, изданного императорами Константином II Великим и Лицинием в 313 году. Этот документ кардинально изменил ситуацию. Христианство получало право свободно существовать на территории Римской империи, а христиане могли без препятствий исповедовать свою веру. А после Эдикта de fide catholica императора Феодосия I Великого 380 года христианство стало официальной религией Римской империи. С тех пор все европейские монархи стремились приобрести славу защитника веры. Титул императора Рима, за модифицированную форму которого боролись правители Западной Европы, стал скорее религиозным, а не политическим. Восстановление титула в 800 году, когда Папа Лев III короновал короля франков на императора Рима, позволило этой короне сохраниться до революций начала XX века. От франков и немцев корона перешла к Габсбургам. Даже Наполеон Бонапарт разрешил себе провозгласить себя императором французов только после того, как снял корону императора Рима с головы своего тестя, австрийского императора Франца II в 1804 году. Франц II, провозгласив себя императором Австрии, фактически впервые в истории создал западноевропейский аналог императорской короны Рима. Корону Бонапартов, которая уже не называлась римской, но сохраняла ее дух и традицию, принял германский император Вильгельм Гогенцоллерн в 1871 году, а его потомки сохранить корону до 1918 года, когда в Германии утвердилась Веймарская республика.

Положение Церкви в то время было доминантным, хотя и не однозначным. Со времени Медиоланского эдикта Церковь неоднократно была вынуждена отстаивать свои права в острой борьбе против светской власти. Примером этого являются такие трагические страницы истории Церкви и европейской цивилизации, как борьба за инвеституру, Авиньонское пленение пап, феномен антипап, политический аспект Реформации, Тридцатилетняя война, Kulturkampf и т.д. Однако в этой ситуации Церковь сохраняла статус высшей духовной власти. Несмотря на трудные моменты прошлого и кроваво окрашенные страницы истории, голос Церкви взывал к сердцам человечества. Переполненные храмы были свидетельством высокого уровня религиозности. Преподавание богословия и уроков религии в школах и университетах стали показателем присутствия религии в жизни народов.

Мировоззренческие изменения, с которыми столкнулись христианские общества в XX веке, создали новую действительность. Ницшеанский лозунг о смерти Бога, просветительские идеи об отделении религии и государства, а также новые политические реалии, сделали когда-то христианский мир арелигиозным. Как следствие, сегодняшний мир пошел по пути развития абсолютного равнодушия. К состоянию упадка движется не только религия, но и все доброе и прекрасное, что может развиваться исключительно на основах закона Божия. Опустошаются не только храмы, но и театры и музеи. Образование с поиска истины превратилось в сферу услуг, в которой продаются образовательные услуги и готовятся узкофункциональные специалисты, которые во время обучения должны получать не мировоззренческие ценности, а знания и умения для выполнения поставленных перед ними профессиональных обязанностей. Человечество направило свое внимание на достижение материальных и приземленных ценностей, и с каждым днем все реже задает себе вопрос о высших ценностях, способных поднять человека сверх его органических потребностей.

Ситуация секуляризации поставила перед Церковью новые вызовы, которых христианский мир не знал доселе, вызовы, которые не могут сравниться не только с борьбой за инвестицию и борьбой против антипап, но и в некоторых моментах даже с преследованиями в Римской империи. Церковь все больше пытаются оттеснить на обочину цивилизационного бытия, нивелируя права верующих христиан, ущемляя их права открытого исповедования своей веры и публичного свидетельствования о своих религиозных убеждениях. Основан в 1925 году "Союз воинствующих безбожников" стал ярким примером эпохи. Сегодня атеизм не столь воинственный и не организовывается в общественные объединения, однако он присутствует в жизни человечества и влияет на общественную жизнь. Шаг за шагом с мыслью и сердцем человечества вытесняется религиозность, а вектор развития с высшего и возвышенного переориентируется на приземленное и животное.

Современный кризис религиозности и духовности стал предметом многочисленных рассуждений многих современных богословов, прежде всего Иосифа Ратцингера. Занимая важные посты в церковной иерархии – архиепископ Мюнхенский и Фрайзинский, префект Конгрегации пропаганды веры и в конце концов Папа Римский под именем Бенедикт XVI – он постоянно встречался с изменением религиозного сознания современного общества. Он посвятил в своем творчестве много внимания проблемам, с которыми

столкнулось современное богословие. По его убеждению, современное богословие переживает проблему трансформации условий и среды своего обитания. Средневековье, которое было периодом плодотворного формирования христианской догматики и основ вероучения, видел мир как постоянную форму, которая, однажды сотворенная Богом, принципиально не меняется. Новое время добавило в понимание мира много нового. Пространство и время уже не понимались как статические единицы. В мировоззрении возродилась старый Гераклитов принцип " *Πάντα ῥεῖν*". Историзм Джанбаттисто Вико показал текучесть истории, а также ее постоянную изменчивость. В Г.В.Ф. Гегеля мир находится в постоянном диалектическом развитии. К. Маркс представлял мир как поле развития материи. И. Ратцингер отмечал, что "мир становится уже не крепким домом бытия, а процессом, постоянное развитие которого и является движением самого бытия" [5, 31].

XIX век создает еще одну мировоззренческую переменную. Мыслители этого времени перестают воспринимать мир не только как постоянное бытие, как это было в Средневековье, но и как динамический процесс. Для них мир становится тем, что человек может конструировать. Речь уже не просто о переменном, а об изменяемом. Бытие сводится к технике. Наибольшую роль здесь сыграл марксизм, для которого вся материя, одновременно является всем сущим, творится человеком. Лозунгом этого времени, по мнению И. Ратцингера, является "*Verum quia faciendum*". Это значит, что "с середины XIX века господство факта все более ослабляется и вытесняется господством "*faciendum*", то есть подлежащего конструированию и того, что можно сконструировать, а тем самым господство истории вытесняется господством "технэ" [5, 32].

Общие представления о мире как постоянной изменчивости переносятся и на религию. Античные и средневековые представления о религиозной истине базировались на том, что они извещают о вечной и неизменной статичности, о той сфере бытия, которая ни при каких обстоятельствах не подлежит изменениям. Сегодня представление о религиозной действительности настолько деформируется, что даже то, что до сих пор воспринималось как абсолютно неизменное, оказывается изменчивым. И. Ратцингер подчеркивает: "Теперь хотят попробовать свести веру уже не на уровень факта, а на уровень "*faciendum*", истолковать ее с помощью "политического богословия", в качестве средника изменения мира" [5, 35].

Религиозная вера, по мнению понтифика, не может занять место дополнительного и второстепенного фактора в общественной и личной жизни. Ни один человек не может уклониться от определения собственной позиции в религиозном вопросе. На вопрос, верить или нет, должен ответить каждый, и тем занять собственную позицию в проблеме веры. "Вера относится не к сфере того, что конструируется, и сконструированного, хотя и касается ее, а к сфере фундаментальных человеческих решений, от принятия которых невозможно уклониться и которые по своей сути могут совершаться только в одной форме. Эту форму мы и называем верой" [5, 38]. Нет абсолютно неверующих людей: нельзя просто не верить в Бога. Можно верить, что Бог есть и принимает участие в нашей жизни, или верить, что Его нет. Но нельзя просто дистанцироваться, и отграничиться от этого основополагающего для человеческой жизни выбора.

Что сегодня означает верить? – это основной вопрос в богословских сочинениях И. Ратцингера. "Традиция выглядит чем-то, отжившим, чем-то исключительно вчерашним, а прогресс – настоящим состоянием бытия, так что человек видит себя, что живет не в традиции, не в прошлом, а в пространстве прогресса и будущего" [5, 20]. Папа подчеркивает неупраздненную ценность религиозной веры. "Христианская вера имеет дело не только с вечным, полностью находящимся вне человеческого мира и вне времени. Христианская вера направлена скорее к Богу внутри истории, к Богу как человеку. Поскольку она словно перекидывает мост между вечным и временным, видимым и невидимым и дает нам возможность встретиться с Богом как с человеком, с вечным как с досрочным, как одним из нас, – она осознает себя как откровение" [5, 21]. И. Ратцингер также критиковал тех богословов, которые не решаются четко выразить веру, а ищут возможности увернуться: "Интерпретации, в результате которых христианство избавляется реального содержания, означают, что нам не хватает смелости отвечать на вопросы, поставленные нехристианами" [5, 20-25].

Похожего убеждения придерживался также Р. Гвардини. Он считал, что культура Нового времени ошибочно воспринимала человека, концентрировалась в нем на второстепенном, а не на основном: "Сегодня становится все яснее, что культура Нового времени: наука, философия, воспитание, учение об обществе, литература, – неправильно видела человека; не только в частях, но и в исходных посылах, а потому и в целом" [2, 132]. Они "говорят о человеке, а на самом деле не видят его. Двигаются в его направлении, но никогда его не достигают. Опериируют ним, но не могут его

охватить" [2, 135]. Источник этой проблемы немецкий мыслитель видел в том, что современная культура проникнута массовостью. Богослов посвятил много внимания критике массовой культуры и отсутствием оригинальности выражения человеческой сущности. В стиле Х. Ортеги-и-Гассета Р. Гвардини считал, что доминирование массовости в современной цивилизации разрушает человеческую личность, нивелирует ее креативность и превращает ее в элемент системы, в которой человек становится несостоятельным чувствовать личную встречу с живым Богом, а лишь стремится не отличаться от широкой общности.

Немецкий богослов Кардинал Вальтер Каспер много внимания посвятил проблемам современного христианства. Как Председатель Папского Совета по содействию единству христиан основной акцент его богословской рефлексии достигает проблемы экуменизма и единства христианского мира. Однако общая ситуация веры и исповедания христианства также не обошли его размышлений. В. Каспер, в контексте Ранерова представления о сверхъестественном экзистенциале, считал, что человеку свойственно постоянно спрашивать. Человек находится в постоянном поиске вечного и непреходящего. "Эта способность задавать вопросы составляет величие человека, основу его трансцендентности, т.е. переступание через себя и превышение самого себя, а также основу его свободы" [3, 7]. Итак, в основе постоянного поиска человеком вечного лежит его природная склонность, его желание находиться в присутствии Бога, Божественное начало, заложенное в человеческую сущность, которое превращает живой организм в разумное и свободное существо. В. Каспер считает, что характеристикой современной культуры является ницшеанский лозунг о смерти Бога: "Слова Ницше о смерти Бога продолжает характеризовать нашу культуру. В аналогичном смысле Хайдеггер говорит (вторя Гельдерлина) об "отсутствии Бога", М. Бубер – о "затмение Бога" в наше время. Находясь в стенах гестапо, протестантский богослов Д. Бонгьоффер и иезуит А. Дельп предчувствовали приближение безрелигиозного, нечестивого века, в котором традиционные ценности становятся бессильными и непонятными" [3, 9]. В. Каспер ссылаясь на Второй Ватиканский Собор, который называл атеизм важнейшим явлением нашего времени. Это явление, на которое Церковь должна реагировать ради спасения человечества и возрождение духовной культуры. В. Каспер также прибегает к анализу "богословия секуляризации", т.е. учение Г.В.Ф. Гегеля, М. Вебера, Э. Трельча и К. Левита, которые считали, что секуляризация является светским

отображением христианства. Секуляризация, по их мнению, возможно только в рамках христианства, ведь именно в христианстве произошло размежевание между *sacrum* и *profanum*. Дохристианские религии воспринимали мир как часть сакрального, божественного. В христианстве это разграничение привело к разделению сфер духовной и светской. Поскольку, по мнению сторонников теологии секуляризации, различения духовной и светской сфер произошло именно в христианстве, секуляризм можно считать светской проекцией христианства. В. Каспер также критикует убеждение немецкого философа Ганса Блюменберга о том, что атеизм эпохи Нового времени был реакцией на средневековое господство религии над сознанием человечества.

Уместно и точно В. Каспер заключает: "Смерть Бога ведет к смерти человека. Поэтому мы констатируем сегодня ужасную пустоту, смысловой вакуум и дефицит ориентации, является глубинной причиной экзистенциальных страхов многих людей. Знаком времени является не атеизм сам по себе, а нигилизм, из него следует" [3, 13].

Вызовы, стоящие перед Церковью сегодня и которые подмечают современные богословы, похожи к соблазнам, которые эдемский змей предложил прародителям человеческого рода. Искушение Адама и Евы змеем, которое состоялось в Эдемском саду, включает в себя несколько аспектов. Змей призывает первых людей съесть с древа познания добра и зла. Первый момент искушения состоит в том, что прародители человеческого рода получают призыв желать и стремиться к чему-то, что является запрещенным, что им не принадлежит. Создатель дарует человеку возможность пользоваться со всех деревьев сада, кроме одного, который Он резервирует для испытания человека. Содержание этого испытания в том, что дав человеку заповедь ограничить свои стремления, Бог дает человеку возможность сделать выбор. Соблюсти заповеди Божьи – значит выбрать добро; нарушить заповедь – значит выбрать зло. Если бы Бог не установил заповедь, человек не имел бы возможности ее нарушить, а, следовательно, был бы вынужден быть хорошим. Без возможности совершить зло человек не обладал бы свободной волей. Отсюда следует два значения искушения – негативный и позитивный. Отрицательным значением искушения является то, что оно толкает человека на грех, а затем делает человека морально злым. Положительным значением искушения является то, что оно устанавливает пространство нравственного выбора. Если бы не было выбора, если бы не было возможности выбирать между добром и злом, тогда не было бы свободной воли. Существовал бы только

დიალექტიკა, ანუ ეს იყო კონტრადიქციული. დიალექტიკა კარგად იხსნება იმით, რომ დიალექტიკაში ყოველი მხარე არის ნაწილი ერთიანი სარკვევისა. დიალექტიკაში ყოველი მხარე არის ნაწილი ერთიანი სარკვევისა. დიალექტიკაში ყოველი მხარე არის ნაწილი ერთიანი სარკვევისა.

ზმეი მოუძრავს ადამიანს დაეპყროს იმს, რას ადამიანს არ ეკუთვნის. სწორედ ეს არის კონტრადიქცია, რას ადამიანს არ ეკუთვნის. სწორედ ეს არის კონტრადიქცია, რას ადამიანს არ ეკუთვნის. სწორედ ეს არის კონტრადიქცია, რას ადამიანს არ ეკუთვნის.

მეორე ასპექტში კონტრადიქცია რას ადამიანს არ ეკუთვნის. სწორედ ეს არის კონტრადიქცია, რას ადამიანს არ ეკუთვნის. სწორედ ეს არის კონტრადიქცია, რას ადამიანს არ ეკუთვნის.

человеке, кроме сверхъестественного экзистенциала, присутствует также в других земных существах. Если человек принимает призыв двигаться согласно собственному сверхъестественному экзистенциалу, тогда человек, и только тогда, реализует в себе и человека, поскольку именно он и есть потенциальностью человеческой сущности, и Божественное начало, поскольку этот сокровенный центр человечности является присутствием самого Бога.

Творец не только дарит человеку свой Образ. Он также стремится, чтобы человек был на Образ и подобие, то есть, чтобы человек не только сохранил возможность уподобиться Богу, но и уподоблялся Ему. Итак, сверхъестественный экзистенциал человека, то есть Образ Божий, является стремлением постижения подобию Божию, а это значит, что подобие Божье является полной реализацией потенциала, содержащегося в Образе Божьем.

Отсюда следует, что человеку естественно быть таким, как Бог. Это сам Бог заложил в него это стремление. И именно это стремление делает человека человеком. Испытание змея касалась самого сокровенного и наиболее глубинным центром человеческой сущности. Змей призвал человека сделать то, к чему его призывал также сам Бог – стать таким, как Бог. Испытание змея заключалась только в том, что человек должен был выбрать ложный путь к самореализации. Создатель хотел, чтобы человек уподоблялся Ему через развитие его свободы и добра. Змей поощрял человека постигать путь к обожествлению через нарушения заповеди, следовательно, через отказ от свободы и добра. Змей представлял зло как добро, ввел человека в заблуждение, а человек не сумел увидеть под покровом добрых намерений злую сущность. Человек захотел сам, собственными силами стать похожим Богу. С тех пор и в дальнейшем человек неоднократно принимал зло за добро. Между злом и добром тонкая грань. Зло – это отсутствие Бога. Зло – это то, что человек считает добром, не соизмеряя его с волей Божьей, а в собственной гордыни провозглашая себя критерием добра и зла.

Третьим аспектом испытания дьявола стал упор змея на том, что человек будет знать добро и зло, станет как бог, знающий добро и зло. Что означает в понимании змея знать добро и зло? Неужели человек еще этого не знал? Безусловно, человек знал добро, зная Бога, который является добром. Человек знал и зло, поскольку слышал заповедь, данную Богом человеку. Когда Бог запретил человеку вкушать с древа познания добра и зла, тогда человек должен был понять, что нарушение этой заповеди и есть зло. Однако зло еще не присутствовало в мире человека; человек его не ощущал. Зло было

известно человеку только потенциально. Он знал, что оно может войти в его жизнь, может стать элементом его мира, может перевернуть его бытие, но он не видел этого. Призыв змея к познанию добра и зла человеком заключался в том, чтобы человек реализовал потенцию зла, ввел зло в мир. Состояние прародителей и их отношение к злу можно приравнять к состоянию здорового человека, который знает о существовании рака или проказы, но сам ими не болеет. Искушение змея приравнять к призыву заболеть раком или проказой, для того, чтобы почувствовать их пагубное воздействие изнутри. Поддавшись искушению, человек впустил зло в свой мир. Он сам стал болен. Его знание зла действительно перешло на новый качественный уровень: до сих пор он знал, что зло возможно, теперь он знает, что оно делает с человеком.

Став порабощенным грехом, человек внес в свой мир дисгармонию, которая проявилась в трех направлениях. Во-первых, человек теряет связь с Богом. Он позволил, чтобы грех вытеснил из своего сердца Бога, как болезнь вытесняет здоровья; он отказался от свободы и добра. Человек захотел познать что-то новое, ощутить на себе то, что до сих пор знал только теоретически. Совершив первый грех, человек использовал свою свободу против нее самой, как наркоман, который делая все, что хочет, вводит себе инъекцию, а после уже не делает, что хочет, становясь рабом собственного греха. Основное значение свободы – это отказ от нее самой. Прародители человеческого рода, нарушив первую заповедь, стремились познать новые горизонты бытия. Они сделали это по ложному пути. Вместо познания Бога, который является Творцом всего, и от которого они могли познать истину о мире, они избрали путь нащупывания сущностей в темноте. Впоследствии человеческий ум постоянно пытается нащупать сущности в темноте, но то, что он познает навсегда останется только вещью для нас; темнота, в которой находится человек, не позволит ему понять "вещь в себе", как ее справедливо назвал Иммануил Кант.

Во-вторых, человек потерял гармонию с миром. Мир стал ему враждебным. Если до сих пор он мог наслаждаться творением Божьим, то теперь он должен бороться с ним за собственное выживание. Если до сих пор человек давал имена творению, т.е. определяла их сущность, то теперь он раб творения, потому сменил свой сверхъестественный экзистенциал естественным экзистенциалом. Человек задуман и создан Богом как существо, которое должно превзойти себя, стать большим, чем его проявления, большим, чем сумма его составляющих. Вместо этого человек минимизировал себя,

растворился в мирах, к которым принадлежит. Изменился вектор его экзистенциальной направленности: от Бога к творению. Вместо того чтобы становиться подобным Богу, стал подобным животным. Теперь человек вместо славить Бога, убивает, как животное, вырывает желаемое, как животное, борется против ближнего, как животное. Это состояние человека Томас Гоббс справедливо описал словами: "Homo homini lupus est". В-третьих, человек потерял гармонию сам с собой. Он стал врагом сам себе. Совершив первый грех, человек нанес вред себе. С тех пор больше проблем и вреда человеку приносит он сам, потому что в его сердце поселяется зло.

Проблематика, поднятая современными богословами, отличалась от вопросов, обсуждаемых их средневековыми коллегами. Современное богословие и религиозная философия больше не занимается доказательствами существования Бога, как это делали Ансельм, Альберт и Тома.

Очевидно, что ситуация, которая сложилась в философии познания и науки, не могла обойти религиозной философии. Она подтолкнула верующих людей, которые не согласны с тем, что их вера нерациональна, а потому лишена содержания, вмешаться в гносеологическую дискуссию, вооружиться ее понятийным аппаратом, и выразить свою веру в таких категориях, в которых сегодня работает философия и наука.

Первый вопрос, который встает перед нами, верующими, касается метода, по которому должна функционировать религиозная философия. В XIII в. значительные средневековые мыслители Альберт Великий и Фома Аквинский выразили убеждение, что постулаты веры должны быть доказанными. В течение долгих веков большинство философов и богословов с ними полностью соглашались. Схема, по которой они действовали, выглядела следующим образом. Используя огромное количество доказательств эмпирического, рационального и других характеров, они пытались аргументировать существование Бога. После этого аналогичным путем доказывали, что именно христианство несет истинное знание о Боге.

Характерной чертой такой схемы мышления было то, что религиозные убеждения были заключительным выводом длинного и запутанного силлогизма. Предпосылки должны иметь два вида. Первая разновидность посылок силлогизма, с помощью которого приходились религиозные положения, составил набор самых разнообразных доказательств (космологический, кинезиологический, каузальный, контингентный, генологический, телеологический,

биологический, эвдаимоничный...). Второй тип посылок составил контраргументы, которые опровергали антирелигиозные тезисы.

Такое построение дискуссии свидетельствовало о том, что религиозное знание понималось как такое, что не является само собой разумеющимся и требует постоянного доказательства на основе данных науки. Верующие должны были всегда кому-то что-то доказывать, отстаивать свое право на религиозные убеждения.

В Средневековье, когда религия стояла в основе общества, и когда секуляризация казалась невероятной, проблема данной позиции не была ощутимой. Однако сегодня ситуация изменилась. Настроения общественности больше не являются однозначными. Отсюда и поднимается мысль о том, что традиционная схоластическая позиция постоянного отстаивания истинности религиозных постулатов не срабатывает. Она скорее кажется заранее проигранной. Если мы, верующие, нуждаемся постоянно себе и кому-то доказывать свою веру, то невольно создается впечатление, что мы сами не являемся убежденными в том, во что верим. Если мы для доказательства своей веры нуждаемся в данных науки, то это свидетельствует о том, что постулаты науки для нас более очевидны, чем постулаты веры.

При таких размышлениях мы четко видим очевидное различие между живой верой и ее теоретическим оформлением схоластическими философами. На самом деле, ни один верующий в повседневной жизни не пытается доказывать свою веру. Когда мы в страхе, в отчаянии, в тяжелые минуты, в момент счастья, достигнув мечты, или в других радостных или трагических мгновениях жизни спонтанно обращаемся к Богу, или когда наше сердце наполняется утешением и мира во время молитвы, нас совсем не интересует, можем ли мы верифицировать наши религиозные убеждения, могут ли они быть сведенными к протокольным суждениям, соответствуют ли они научному критерию. Мы просто верим; и эта вера является основой нашего дальнейшего мышления.

Конечно, мы не имеем права считать, что такие спонтанные выражения нашей религиозности являются научными. Но возникает вопрос: почему они должны быть научными? Или только научное является достоверным? Конечно, нет! Мы постоянно пользуемся множеством убеждений, которые никак не доказываем, не анализируем, не изучаем. Мы верим, что мир существовал больше, чем несколько минут, верим, что мы родились и умрем, верим, что дом, в котором мы находимся в сию минуту, не провалится сквозь землю, верим, что от укуса ядовитой змеи наступает смерть... Таких вещей, в которых мы убеждены множество. Мы их не выверяем. К

тому же большинство из них проверить невозможно. Никто не может проверить, что от укуса ядовитой змеи он умрет, и быть после этого уверенным, что это убеждение истинно. Все мы верим, что это именно так.

Несмотря на то, что эти убеждения не являются проверенными, мы не являемся вправе считать их ложными. Однако, безусловно, что они не являются научными. Отсюда следует, что существуют такие истинные убеждения, которые не относятся к сфере науки. И более того: в человеческом разуме истинных убеждений, которые не относятся к области науки, значительно больше, чем научных суждений; мы пользуемся ими чаще, чем научными суждениями; в отличие от научных суждений, эти убеждения являются жизненно необходимыми. Итак, существуют такие формы, которые хоть и не являются научными, все же своей полезностью и убедительностью преобладают над научными.

Подытоживая вызовы, возникшие перед современным богословием и Церковью в целом, необходимо отметить, что религиозность в сегодняшнем христианском мире оказалась перед проблемой выхолащивание духовной жизни. XX век принес кардинальные изменения в сознание и мировоззрение христиан. Акценты изменились с духовного на материальное, с поисков вечного на поиски временного. Многочисленные богословы обратили внимание на новые реалии, в которых приходится проповедовать Христову благовесть. И. Ратцингер, Р. Гвардини, В. Каспер и многие другие католические мыслители констатируют выхолащивание религиозности среди народов, которые еще недавно считались христианскими.

ლიტერატურა

References:

1. Гвардини Р. Господь. / Романо Гвардини. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1995. – 506 с.
2. Гвардини Р. Конец нового времени. // Вопросы философии. № 4. / Романо Гвардини. – Москва, 1990. – С. 127-163.
3. Каспер В. Бог Иисуса Христа. / [Пер. с нем. Анни Петровой]. – Москва: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2005. – 462 с.
4. Ратцингер Й. Сущность и заданичи богословия: Попытки определения в диспуте современности. / Йозеф Ратцингер – Венедикт XVI. – Москва: ББИ св. апостола Андрея, 2007. – 144 с.

5. Рацингер Й. Введение в христианство: Лекции об апостольском символе веры. / [Пер. с нем.] – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1998. – 318 с.

Рецензент: Профессор Пётр Яроцкий, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии имени Г.С. Сковороды Национальной Академии Наук Украины.

ოლეგ შეპეტიაკი
რელიგიისა და ღვთისმეტყველების პრობლემები თანამედროვე
კულტურაში

რეზიუმე

სტატიაში გაანალიზებულია ქრისტიანული ღვთისმეტყველების თანამედროვე ცივილიზაციული გამოწვევები. ჩატარებული ანალიზი დაფუძნებულია წამყვანი გერმანულენოვანი კათოლიკური თეოლოგების კ. რანერის, ი. რატცინგერის, რ. გვარდინის, ვ. კასპერის შრომებზე. კვლევის პრობლემაში, რომლის წინაშეც აღმოჩნდა ღვთისმეტყველება გასხნილი არის გველის მიერ ცდუნების ბიბლიურ აღწერისა და ადამიანთა მოდემის წინაპრების პირველის ცოდვის შედარებაში. გასხნილია სეკულარიზაციისა და თავისუფლების პრობლემა, როგორც ფაქტორები, რომლებიც განსაზღვრავენ თანამედროვე კულტურას.

საკვანძო სიტყვები: ქრისტიანობა, ღვთისმეტყველება, სეკულარიზაცია, ცოდვა, თანამედროვე კულტურა.

რეცენზენტი: პროფესორი პეტრო იაროცკი, ფილოსოფიურ მეცნიერებათა დოქტორი, უკრაინის მეცნიერებათა ეროვნული აკადემიის ფილოსოფიის ინსტიტუტის წამყვანი მეცნიერ თანამშრომელი.

Oleh Shepetyak
Problems of Religion and Theology in Modern Culture

Summary

In the article the challenges of modern civilization to Christian theology are analyzed. The analysis is based on the writings of the leading

German-speaking Catholic theologians K. Rahner, J. Ratzinger, R. Guardini, W. Kasper. In the study problems which theology encountered are revealed in comparison with the biblical description of the serpent of temptation and original sin of the first ancestors of the human race. The problem of secularism and freedom as determinants of modern culture is disclosed.

Keywords: Christianity, theology, secularism, sin, modern culture

Reviewer: Professor Petro Yarotsky, Doctor of philosophical Sciences, Leading researcher of Institute of Philosophy of The National Academy of Sciences of Ukraine.

ნათია ქოიავა

XXI საუკუნის საქართველოს საჯარო სფერო – ძირითადი
ფუნქციები, მიზნები, გამოწვევები

სტატიაში განხილულია "საჯარო სფეროსა" და "საჯარო პოლიტიკის" კონცეფციები; საჯარო სფეროს არსი, როგორც მოქალაქეების მიერ საერთო მიზნების პრაქტიკული განხორციელების საშუალება; საჯარო პოლიტიკის მთავარი დანიშნულება - გამოხატოს საზოგადოების ინტერესები. საუბარია საჯარო სფეროს ძირითად ფუნქციებზე, მიზნებსა და ამოცანებზე, რომლებიც მდგომარეობს იმაში, რომ საზოგადოებაში უზრუნველყოს თანამონაწილეობისა და სოლიდარობის კლიმატი, გავლენა მოახდინოს სახელმწიფო პოლიტიკაზე და მისცეს მას საჯარო ხასიათი. სტატია ასევე ეხება XXI საუკუნის საქართველოს საჯარო სფეროს ძირითად გამოწვევებს, რომლებზეც ადეკვატური პასუხების მოძებნას საკვანძო მნიშვნელობა აქვს საქართველოში თანამედროვე ლიბერალური დემოკრატიის ფორმირებისათვის.

საკვანძო სიტყვები: საზოგადოება, სახელმწიფო, პოლიტიკა, საჯარო სფერო, საჯარო პოლიტიკა, საზოგადოებრივი ინტერესები, სოციალური პასუხისმგებლობა, საყოველთაო კეთილდღეობა, სამოქალაქო საზოგადოება, ლიბერალური დემოკრატია.

ამერიკელი ფილოსოფოსის, ჯონ დიუის 1927 წელს გამოცემულ ნაშრომში, "საზოგადოებრიობა და მისი პრობლემები" (The Public and its Problems), ავტორი ეხება პოლიტიკური ფსიქოლოგიის ისეთ მნიშვნელოვან კითხვებს, რომლებიც დღეს, 21-ე საუკუნეშიც არ კარგავს აქტუალურობას, კერძოდ: იმუშავებს თუ არა დემოკრატია თანამედროვე ეპოქაში? რეალურად, არსებობს თუ არა "დემოკრატიულ მოქალაქეთა საზოგადოებრიობა" („public of democratic citizens“), თუ საზოგადოებრიობა არის მხოლოდ „ჩრდილი“, როგორც ამას ამტკიცებს ამერიკელი ჟურნალისტი, უოლტერ ლიპმანი, თავის 1925 წელს გამოცემულ ნაშრომში, „საზოგადოებრიობის ჩრდილი“ (The Phantom Public). ფაქტობრივად, "საზოგადოებრიობა და მისი პრობლემები" წარმოადგენს პირდაპირ პასუხს ლიპმანის ამ ნაშრომზე. [1. გვ. 189]

დიუი ერთმანეთისგან განასხვავებს „სახელმწიფოს“, რომელიც წარმოდგენილია არჩეული კანონმდებლების მიერ, და "საზოგადოებას", მოქალაქეთა უწესრიგოდ გაფანტულ მასას, რომელიც ამ სახელმწიფოს ირჩევს. საზოგადოება იქმნება მაშინ, როცა ჩვეულებრივი მოქალაქეები საკუთარ თავზე იწვენევენ მათი კონტროლის ფარგლებს გარეთ მიმდინარე პროცესების, საბაზრო თუ სახელისუფლებო აქტივობების, უარყოფით შედეგებს. ასეთ შემთხვევებში, საზოგადოება ყალიბდება მოქალაქეებისგან, რომელთა საერთო ინტერესი მიმართულია აღნიშნული პროცესების უარყოფითი შედეგების აღმოფხვრისა ან შესუსტებისკენ. „ერთობლივი და ურთიერთმოქმედი ქცევის არაპირდაპირი, ფართო, მდგრადი და სერიოზული შედეგები იწვევს საზოგადოების ჩამოყალიბებას, რომლის საერთო ინტერესი ამ შედეგების კონტროლში მდგომარეობს.“ [2, გვ. 126]

რა ფაქტორები უშლის ხელს საზოგადოებას ფორმირება-განვითარებასა და თავისი ერთიანი საჭიროებების ფორმულირებაში? ეს გახლავთ კერძო ინტერესები, ძლიერი კორპორაციული კაპიტალი, ზოგადი ეგოიზმი, კომუნიკაციის ნაკლებობა, და სხვა. გარდა ამისა, საზოგადოების, როგორც ერთი მთლიანი ორგანიზმის არსებობას ხელს უშლის ის ფაქტი, რომ იგი, თავის მხრივ, შედგება მრავალი სხვა "საზოგადოებისგან", რომლებიც, ხშირ შემთხვევაში, განსხვავებული ინტერესების მქონე და ანტაგონისტურ ჯგუფებადაც კი გვევლინებიან.

სოციალურ ფსიქოლოგიაში, მუზაფერ შერიფისა და მისი კოლეგების მიერ 1954 წლის ზაფხულში ჩატარებულმა ექსპერიმენტმა („The Robbers Cave Experiment“) აჩვენა, რომ “ჩვენ” ჯგუფის დაპირისპირებამ “ისინი” ჯგუფთან, შესაძლოა, სერიოზულ მტრობამდე მიგვიყვანოს. მკვლევარებმა დაახლოებით 12 წლის ასაკის 22 ბიჭუნა ორ ჯგუფად დაყვეს და ოკლაჰომას შტატის სახელმწიფო პარკში წაიყვანეს. ისინი დაეხეტებოდნენ, ცურავდნენ, საჭმელს ამზადებდნენ და ერთი კვირის განმავლობაში არაფერი იცოდნენ მეორე ჯგუფის არსებობის შესახებ. ჯგუფებმა ერთმანეთი სხვადასხვა სპორტულ აქტივობაში შეჯიბრების დროს გაიცნეს. ასეთ დასაწყისს ორ ჯგუფს შორის გამძვინვარებული მეტოქეობა მოჰყვა. დაწვეს ერთმანეთის აღმები, დაარბიეს და გაძარცვეს საცხოვრებელი კოტეჯები და საკვების გამო ნამდვილი ბრძოლა გააჩაღეს.

ამ მტრობის აღმოსაფხვრელად ან შესამცირებლად, ექსპერიმენტატორებმა სცადეს პროპაგანდისტული ხერხი – ერთ ჯგუფს უქებდნენ მეორეს. ამან არ გაჭრა. ამის შემდეგ, შეეცადნენ ჯგუფებისთვის ისეთი გარემო შეექმნათ, რომელიც გამორიცხავდა შეჯიბრს. არც ამან იმოქმედა. მტრობა მაშინაც გრძელდებოდა, როდესაც მაგალითად, ჯგუფები ერთად სადილობდნენ. ბოლოს მეკლევარებმა ჯგუფებს შეუქმნეს ისეთი პრობლემა, რომლის გადაწყვეტაც შესაძლებელი იქნებოდა საერთო მიზნების დასახვითა და თანამშრომლობითი აქტივობით. მაგალითად, მეკლევარებმა შექმნეს ისეთი სიტუაცია, რომ ბიჭებს სასმელი წყალი მოეპოვებინათ ისეთი ქმედებით, რომ საჭირო გამხდარიყო ორივე ჯგუფის ერთობლივი ძალისხმევა. საერთო ამოცანის წყალობით, მტრობა გაქრა და, ფაქტობრივად, ბიჭები საუკეთესო მეგობრებად იქცნენ “ჯგუფების საზღვრების” დარღვევის გარეშე.

ამ ექსპერიმენტმა დაადასტურა მეკლევარების ჰიპოთეზა, რომ მტრულ ჯგუფებს შორის პირდაპირი კონტაქტი ამცირებს ცრურწმენებს. ექსპერიმენტმა ისიც აჩვენა, რომ ცრურწმენებისა და ანტაგონიზმის დასაძლევად წახალისებულ უნდა იქნეს ადამიანების ერთმანეთზე დამოკიდებულება და საერთო მიზნები. [3]

ქართული საზოგადოებრივ-პოლიტიკური აზროვნება დასავლურს ჩამორჩება საჯარო სფეროსა და საჯარო პოლიტიკის შესწავლაში. საქართველოში, პოლიტიკური კვლევები კონცენტრირებულია უპირატესად ან პოლიტიკის ზოგად თეორიაზე, ან პოლიტიკურ ტექნოლოგიებზე, რომლებსაც საარჩევნო პრაქტიკა მოითხოვს. საჯარო პოლიტიკის ფორმირებისა და განხორციელების მექანიზმების შესწავლა აშკარად არასაკმარის დონეზე ხდება.

საბჭოთა რეჟიმის დროს, პოლიტიკური კურსის ფორმირებისა და პოლიტიკური გადაწყვეტილებების მიღების მონოპოლია ერთ პარტიას ეკუთვნოდა. ხელისუფლებას არ სჭირდებოდა საზოგადოებრივი ფორუმი და საზოგადოებრივი აზრისა და პოლიტიკური ნების ფორმირება საჯარო მექანიზმებში. მხოლოდ პერესტროიკის დემოკრატიულმა “გარღვევამ”, 80-იან წლებში, “გაანდო” საზოგადოებას პოლიტიკის ფორმირებისა და მასში სამოქალაქო ორგანიზაციების მონაწილეობის შესაძლებლობის საიდუმლო. თუმცა, 90-იან წლებში ადგილი ჰქონდა “უკუსვლას” და კვლავ

მოხდა პოლიტიკის საზოგადოებისგან გაუცხოვება. დღემდე, ხელისუფლების პოლიტიკა შენდება "პრაგმატულ" საფუძველზე, პოლიტიკის მეცნიერების სპეციალისტების სათანადო ჩართულობის გარეშე, რომლებსაც, ამის გამო, ჯერაც არ უპოვნიათ თავიანთი ადგილი პოლიტიკურ მეცნიერებაში.

საარჩევნო პრაქტიკის მოთხოვნებთან კავშირში, სწრაფად ვითარდება პოლიტიკური ტექნოლოგიები, რომლებიც იქცა თითქმის ყველაზე პოპულარულ და უდავოდ ყველაზე შემოსავლიან საქმიანობად, პოლიტოლოგებისთვის. საჯარო პოლიტიკის ფორმირების თეორია და რეალიზაციის მექანიზმები თითქმის არავის აინტერესებს. პირველ პლანზე რეიტინგების თვლა და იმიჯმეიკერობაა, რომელიც მიმართულია პირდაპირ შედეგის მიღებაზე, ნებისმიერ ფასად. ცხადია, ამ მიზნების მიღწევისას, პოლიტექნოლოგები არც თუ ისე იშვიათად აწყდებიან საჯარო პოლიტიკის ფუნდამენტურ პრობლემებს და იძულებული არიან, თეორიულად გაიაზრონ ისინი. თუმცა, საბოლოო ანგარიშით, ეს ექსკურსები თეორიაში, აღნიშნულ პრობლემებს მხოლოდ ზედაპირულად ეხება.

"საჯარო სფეროსა" და "საჯარო პოლიტიკის" კონცეფციებს სათანადო აღიარება ჯერაც არ მოუპოვებიათ. ჯონ დიუის ნაშრომში, „საჯარო“ განმარტებულია, როგორც რეალურად არსებული ინტერესების საზოგადოების მიერ რეგულირების საშუალება, რომელთა შედეგებიც სცილდება კერძო პირების უშუალო ურთიერთქმედებას და არსებითად ვლინდება სხვა მოქალაქეთა ცხოვრებაში. გარდა ამისა, ავტორი მკაფიოდ მიუთითებს საზღვრების ფარდობითობაზე საჯაროსა და კერძოს შორის. წყალგამყოფი მათ შორის "უნდა გადიოდეს ადამიანის მოქმედების ისეთ მასშტაბურ შედეგებზე, რომლებიც იმდენად მნიშვნელოვანია, რომ საჭიროა მათი კონტროლი აკრძალვის ან ხელის შეწყობის გზით." [4. გვ. 15]

ამრიგად, ამოცანა მდგომარეობს იმაში, რომ ადამიანური ურთიერთდამოკიდებულებების ნაირსახეობიდან გამოიყოს კერძო ინტერესების გადაკვეთის სივრცე, რომელიც დაექვემდებარება საზოგადოებრივ კონტროლს. სწორედ ეს სივრცე წარმოადგენს საჯარო სფეროს. სხვანაირად რომ ვთქვათ, ეს არის საზოგადოებრივი დისკურსის არენა, ფორუმი, ცხოვრების სოციალურ-პოლიტიკურ პრობლემებსა და საზოგადოების განვითარებასთან მიმართებით. უფრო ფართო

გაგებით, საჯარო, კერძოსგან განსხვავებით, გვევლინება რეალიზაციის სფეროდ, რომელიც დამახასიათებელია ნებისმიერი საზოგადოებისთვის, რომელსაც გააჩნია "კომუნიტარული" ინტერესები, რაც მთლიანად საზოგადოების ინტერესებს გულისხმობს. ის არ შემოიფარგლება მოქალაქეთა კომუნიკაციებითა და საზოგადოებრივი რეფლექსიებით, არამედ, ტრანსფორმირდება პრაქტიკულ ქმედებებში, საყოველთაო კეთილდღეობისთვის. ამ სახით, ის წარმოადგენს „ერთობლივ პრაქტიკულ საქმიანობას, რომელიც მიმართულია ყველასთვის საერთო მიზნების მიღწევისკენ.“ [5. გვ. 174]

ყალიბდება საჯარო სფეროს შესაბამისი ინფრასტრუქტურა – საზოგადოების ცხოველქმედების საზოგადოებრივი სექტორი. რამდენადაც საზოგადოებრივი ცხოვრება მრავალწახნაგოვანია, იმდენად მრავალფეროვანია საჯარო სფეროს შინაარსი. ის ოთხ ძირითად კომპონენტს მოიცავს: (1) ეკონომიკური: ეკონომიკის საზოგადოებრივი სექტორი, საყოველთაო კეთილდღეობის შექმნა, შემოსავლების განაწილების სისტემის ჩამოყალიბება საზოგადოების საჭიროებების დასაკმაყოფილებლად; (2) სოციალური: სოციალური უზრუნველყოფის საზოგადოებრივი და სახელმწიფო სამსახურები; (3) სამოქალაქო-პოლიტიკური კომპონენტი: მოქალაქეთა არასახელმწიფო თვითმოქმედი გაერთიანებები და ასოციაციები, საზოგადოებრივი აზრის ფორმირების სამოქალაქო ქსელი, სამოქალაქო სოლიდარობის ცენტრები; (4) სოციოკულტურული: საზოგადოების სულიერი ფასეულობებისა და კულტურული კოდების შენახვისა და რეპროდუქციის ინსტიტუტები.

საჯარო სფეროს გაგებაში ორი ექსტრემალური პოზიცია არსებობს. ერთი დამახასიათებელია ტოტალიტარული მიმართულების საზოგადოებისა და იდეოლოგიისთვის: ეს არის კერძო სფეროს საჯაროს მიერ მთლიანად შთანთქმის პრეტენზია; და პირიქით, რადიკალურ-ლიბერალური ინტერპრეტაციით, საჯარო განზავდება კერძოში, ხოლო საჯარო პოლიტიკა იძენს კერძო საქმიანობის დამხმარე დანამატის ხასიათს.

ქართული საზოგადოებისთვის ორივე უკიდურესობა კარგად ნაცნობია. თუკი, საბჭოთა პერიოდში, კერძო სფერო მთლიანად უარყოფილი და დეფეგითიმიზირებული იყო, 90-იანი წლების რადიკალურ-ლიბერალურმა პოლიტიკამ, პირიქით, მოახდინა გორბაჩოვის პერესტროიკის წლებში

ახლადწარმოქმნილი საჯარო სფეროს „პრივატიზება“, კერძო კორპორაციული და ჯგუფური ინტერესების შესანიღბად. დღევანდელ ქართულ საზოგადოებაში, საჯარო სივრცე, ჯერ კიდევ „კოლონიზირებულია“ ისეთი სისტემით, რომელშიც მნიშვნელოვანი ადგილი უჭირავს სახელმწიფო ბიუროკრატის კლანურ დაჯგუფებებს, რომლებსაც ჯერ კიდევ არ მოუპოვებიათ ოლიგარქიული ჯგუფის სოციალური პასუხისმგებლობის კულტურა.

საჯარო სფეროს ამოცანა მდგომარეობს იმაში, რომ საზოგადოებაში უზრუნველყოს თანამონაწილეობისა და სოლიდარობის კლიმატი, მხარი დაუჭიროს და გააფართოვოს თავად საზოგადოების მონაწილეობა პოლიტიკურ პროცესებში, სტიმული მისცეს საზოგადოებრივი პრობლემების გადაჭრის ისეთი გზების ძიებას, რომლებიც იძლევიან კერძო ინტერესების საჯაროსთან, ანუ საზოგადოების ინტერესების, როგორც ერთი მთლიანის შერწყმის ოპტიმალურ ვარიანტებს. ამოცანა გადაიჭრება დემოკრატის მეშვეობით, რაც თავის თავში წარმოადგენს "მექანიზმს, რომლის საშუალებითაც კერძო ძალაუფლება და პირადი სურვილები საყოველთაო კეთილდღეობასა და საერთო ბედნიერებასთან შესაბამისობაში მოდის." [6. გვ. 167]

საჯარო სფერო წარმოადგენს ამ მექანიზმის უმნიშვნელოვანეს ნაწილს, რომელიც იძლევა კერძო ინტერესების საყოველთაო კეთილდღეობაში გარდაქმნის საშუალებას. [7]

საჯარო სფეროს პირველი ფუნქცია – საზოგადოებრივი ინტერესების არტიკულაცია, რომელთა სრული სისავსით გამოთვლა აპრიორულად შეუძლებელია. ისინი უნდა გაუღერდეს თავად საზოგადოებაში, მკაფიოდ უნდა გაცხადდეს, რათა ხელისუფლებამაც და საზოგადოებამაც ისინი შენიშნოს და სათანადოდ დააფასოს.

ინტერესთა არტიკულაცია საზოგადოებაში გავლენას ახდენს საჯარო პოლიტიკის დღის წესრიგზე: საკითხები, რომლებიც საზოგადოებას აღელვებს, ხდება განხილვის საგანი, გამოიკვეთება მათი გადაწყვეტის პრიორიტეტულობა და რიგითობა. საზოგადოების მხრიდან, საქართველოს ხელისუფლება ხედავს დაუინებულ მოთხოვნას ისეთი საკითხებზე, როგორცაა სოციალური სფეროს სახელმწიფო მხარდაჭერა, ეკონომიკური პოლიტიკის ორიენტაცია ახალ ტექნოლოგიებზე, ფუნდამენტური მეცნიერების დაცვა და

განვითარება, საგარეო პოლიტიკის კორექცია, საქართველოს ეროვნული ინტერესების გათვალისწინებით.

მეორე ფუნქცია – ხელისუფლების საქმიანობის საზოგადოებრივი კონტროლი. უფრო ფართო გაგებით, ეს წარმოადგენს საზოგადოებაში, სახელმწიფოში, ეკონომიკაში, სოცოკულტურულ სფეროში ვითარების, არსებული მდგომარეობის საზოგადოებრივ კონტროლს. ეს ფუნქცია მდგომარეობს იმაში, რომ ხელი შეუშალოს მმართველი ელიტის სწრაფვას, გაემიჯნოს საზოგადოებას. როცა ხელისუფლების საქმიანობაში პოლიტიკური თამაშების კულუარული ინტრიგები დომინირებს, საზოგადოება იძულებულია, გაგრძელებული ხმებითა და ხელისუფლებასთან დაახლოებული ტექნოლოგ–ინტერპრეტატორების ვირტუალური კონსტრუქციებით დაკმაყოფილდეს. საზოგადოებისათვის ასევე ხელმიუწვდომელია ეკონომიკაში ოლიგარქების საქმიანობის, ხელისუფლების კულუარებში საიდუმლო ღობისტური ინტრიგების რეალური სურათი. შესაბამისად, ხელისუფლების საქმიანობის საზოგადოებრივი კონტროლი წარმოადგენს ერთგვარ დაზღვევის მექანიზმს მოვლენების ზემოაღნიშნული სცენარით განვითარებისგან.

საჯარო სფეროს მესამე ფუნქცია – გავლენის მოხდენა სახელმწიფო პოლიტიკის ფორმირებაზე. სახელმწიფო, როგორც საერთო ეროვნული ინსტიტუტი, მოწოდებულია, წარმოადგინოს საზოგადოების საჯარო ინტერესები. როგორც მონტესკიე ამტკიცებს, სახელმწიფოს და პოლიტიკურ წყობას ქმნიან ადამიანები, ისევე ადამიანთა ინტერესებისთვის. ადამიანებმა გააცნობიერეს, რომ სახელმწიფოს გარეშე ვერ შეძლებდნენ ნორმალურად არსებობასა და განვითარებას, შესაბამისად, სახელმწიფო არის ადამიანური გონის პროდუქტი. ამრიგად, სახელმწიფო არსებობს ხალხისთვის და შეესაბამება მის ხასიათს. [8. გვ. 22]

სახელმწიფოს არსებობისა და მოღვაწეობის არსი და გამართლება სწორედ იმაში მდგომარეობს, რომ დადგეს კერძო ინტერესებზე მაღლა, მოახდინოს საერთო ინტერესების ფორმულირება, გამოხატვა და დაცვა. იქ, სადაც კერძო ინტერესები მოიპოვებენ პრიორიტეტულ გავლენას, სახელმწიფოს პოლიტიკა საჯაროს აღარ ემთხვევა. იგი მოჭარბებული კერძო კორპორაციული ან პარტიული მოტივებითაა ნაკარნახევი. სწორედ ეს ხდება ამჟამად საქართველოშიც.

თუმცა, ეს არ ნიშნავს იმას, რომ პოლიტიკაზე საზოგადოების გავლენის არსები მთლიანად დაკეტილია. დემოკრატიული რეფორმის ინერცია კვლავ დიდია. ის ინარჩუნებს სახელმწიფო პოლიტიკაზე გავლენის ინსტიტუციონალურ არსებს, ასევე, სტიქიურად გადაიზრდება (არა იმდენად საზოგადოებრივი აზროვნების, არამედ – საზოგადოების განწყობის დონეზე) რომელიმე პოლიტიკური ძალის ხმათა დიდი უმრავლესობით არჩევაში, პროტესტის ნიშნად, ასევე საპროტესტო აქციებში, თვითნებობისა თუ უსამართლობის წინააღმდეგ.

საჯარო სფეროს მეოთხე ფუნქცია, რომელიც განსაკუთრებით მნიშვნელოვანია დღევანდელი საქართველოსთვის, მოქალაქეთა პოლიტიკური განათლებაა. ჩვეულებრივ მოქალაქეებს ის წარმოუდგენს პოლიტიკური სუბიექტების, პარტიების, მოძრაობების, კოალიციებისა თუ ლიდერების თავისებურებებს, რაც მათ ესმარება პოზიციის გაცნობიერებულ არჩევაში. თავად აქტორები კი, პოლიტიკურ დებატებში მონაწილეობით, უფრო ღრმად იაზრებენ საკუთარი ინტერესების ლოგიკას, სწავლობენ ოპონენტების ინტერესებისა და არგუმენტების გათვალისწინებას, სხვადასხვა პოზიციების თანხვედრის წერტილების პოვნას, შეთანხმების გზების ძიებას და ა.შ.

რეტროსპექტული ანალიზი მოწმობს, რომ საარჩევნო კამპანიებში მონაწილეობის არც თუ ისე დიდი გამოცდილებაც კი ძალიან სასარგებლოა საზოგადოების პოლიტიკური განათლებისთვის. ბინძური ტექნოლოგიები, ტყუილი, ფალსიფიკაცია თუ ადმინისტრაციული რესურსების გამოყენება იწვევს არამართო იმედაცრუებას, არამედ, ამავდროულად, მოქალაქეებს ათავისუფლებს ილუზიისა და გულუბრყვილობისგან, ასწავლის სერიოზული პოლიტიკის გარჩევას დემაგოგიისგან, და საიმედო ლიდერების გარჩევას ე.წ. პოლიტიკანებისგან. მართალია ნელა და არასწორსაზოგადოდ, მაგრამ მაინც ხდება მოქალაქეთა ცნობიერებისა და მოსახლეობის პოლიტიკური კულტურის ამაღლება.

უშუალოდ სახელმწიფო პოლიტიკა ყალიბდება, როგორც საზოგადოებრივ არენაზე მოქმედი სხვადასხვა სუბიექტის რთული პოლიტიკური „თამაშების“ ჯამური შედეგი. თუ უპირატესობა იქნება პოლიტიკური ძალების მხარეს, რომლებიც წარმოადგენენ საზოგადოებას, მაშინ სახელმწიფო

პოლიტიკა იძენს დემოკრატიულ ხასიათს. ხოლო თუ ეს ძალები სუსტია და არ ფლობს ხელისუფლებაზე გავლენის არხებს, მაშინ თავს იჩენს უფრო ძლიერი ჯგუფების ეგოისტური მისწრაფებები და სახელმწიფო პოლიტიკაც ავტორიტარულ ხასიათსღებულობს.

რა მოელის ქართული საზოგადოების საჯარო სფეროს? დასუსტდება ის იმდენად, რომ გაათავისუფლოს სივრცე ავტორიტარული პოლიტიკისთვის, თუ თანდათან გაფართოვდება და შესაბამისად იმდენად გაძლიერდება, რომ შეძლებს, ავტორიტარული ტენდეციებს წინააღმდეგობა გაუწიოს?

ფაქტიურად, საჯარო სფეროს პერსპექტივის საკითხი საქართველოში დემოკრატიის ბედის საკითხის ტოლფასია, იმიტომ, რომ თვით საჯარო სფერო წარმოადგენს დემოკრატიული საზოგადოების ატრიბუტსა და უმთავრეს მახასიათებელს. ამ კუთხით, საჯარო სფეროს პერსპექტივა, უახლოეს მომავალში, ოპტიმიზმის საფუძველს არ იძლევა. 90-იანი წლების პოლიტიკურმა პრაქტიკამ, რომელიც გაჯერებული იყო დემოკრატიული ლოზუნგებით, საზოგადოებას დააკარგვინა ნდობა არა მხოლოდ ხელისუფლების, არამედ – თავად დემოკრატიისადმი. საზოგადოება, რომელიც დაიღალა ცხოვრების წესის რადიკალური დარღვევების მძიმე შედეგებით, მაღალჩინოსნების თვითნებობისა და კრიმინალური განუკითხაობის გამო, აპელირებას ახდენს "ხელიერ ხელზე", რომელსაც საზოგადოებრივი წესრიგის დამყარება ხელეწიფება. დემოკრატიამ ამის უზრუნველყოფა ვერ შეძლო. ამიტომაც, ავტორიტარიზმი მოთხოვნადი გახდა საზოგადოების მხრიდან. ასეთი გადახვევა პოლიტიკურ განვითარებაში საჯარო სფეროს აყვავების იმედს ვერ იძლევა. ავტორიტარული მმართველობა მასში საჭიროებას ვერ ხედავს, რადგან საჯარო პოლიტიკური დისკურსი არყევს მის საფუძველს.

ავტორიტარული საწყისების გაძლიერება შეიძლება მივიღეს მმართველობის მეთოდების გამკაცრებასა და ისეთი პოლიტიკური სისტემის ჩამოყალიბებმდე, რომლის დროსაც ძალაუფლება თავმოყრილია პირთა ვიწრო წრის ხელში. ასეთ შემთხვევაში, საზოგადოებას არ ასცდება ავტორიტარული მმართველობის კიდევ ერთი ახალი წრე, რომელსაც მოჰყვება არაპროგნოზირებადი შედეგები საქართველოს დემოკრატიული განვითარებისათვის. თუმცა, პოლიტიკური პროცესები

შესაძლებელია სხვა სცენარიც წარიმართოს. მმართველობის უფრო სისტი ფორმა შეიძლება დარჩეს მთლიანად ხელისუფლების განაწილების სისტემის ფარგლებში და მთელი მმართველი ელიტის კონტროლქვეშ. გარდა ამისა, ჯერ კიდევ სუსტი ქართული დემოკრატიის პირობებში, შენარჩუნებულია სამოქალაქო საზოგადოების გაძლიერების შესაძლებლობების “დერეფანი” ძლიერი დემოკრატიის ევოლუციონირებისაკენ, რაც თავისთავად გულისხმობს განვითარებული საჯარო სფეროს არსებობას.

საჯარო პოლიტიკის მთავარ დანიშნულებას, გამოხატოს საზოგადოების ინტერესი. ჯანსაღი საჯარო სფერო მოწოდებულია, უზრუნველყოს თავისუფალი სივრცე საზოგადოებრივი რეფლექსიისათვის. მისი არსი მდგომარეობს იმაში, რომ გავლენა მოახდინოს სახელმწიფო პოლიტიკაზე, მისცეს მას საჯარო ხასიათი, რომელიც გამოხატავს საერთო ეროვნულ და არა – ამა თუ იმ კლანებისა თუ ჯგუფების ეგოისტურ ინტერესებს. ამასთანავე, საჯარო სფერო - ეს არის საზოგადოებაში დემოკრატიული კლიმატისა და მოქალაქეების საერთო საქმეში თანამონაწილეობის ხელშეწყობის საშუალება. ის ასრულებს საზოგადოების ხელისუფლებაზე ზეგავლენის მოხდენის უზრუნველყოფის ფუნქციას. ამიტომაც, თამამად შეიძლება ითქვას, რომ საჯარო სფერო საზოგადოების დემოკრატიული განვითარების საკვანძო რგოლია.

ქართული საზოგადოების ტრანსფორმაციამ, გლობალიზაციის პირობებში, საჯარო სფერო და საჯარო პოლიტიკა სერიოზული გამოწვევების წინაშე დააყენა. ამ გამოწვევებს შორის განვიხილავთ სამ ძირითადს: ადმინისტრაციულ-ბიუროკრატიული, ლიბერტიარიული და კორპორატივისტული.

პირველი გამოწვევაა ადმინისტრაციულ-ბიუროკრატიული. ის თავად სახელმწიფოს წიაღიდან აღმოცენდება. მაქს ვებერისეული რაციონალური ბიუროკრატია, გარკვეული თვალსაზრისით, პროგრესულია ქართული საზოგადოებისთვის, რომელიც მწვავედ განიცდის ადგილობრივ ხელისუფალთა თვითნებობას და გარკვეული იმედის თვალთ უყურებს ცენტრალიზებულ ეროვნულ სახელმწიფოებრივ ინსტიტუტს, ბიუროკრატიის სახით.

ბიუროკრატიის კლიუსები კარგადა აქვს აღწერილი მაქს ვებერს. მისი სიტყვებით, ბიუროკრატია „ორგანიზაციის ყველა

სხვა ფორმას აღემატება თავისი სიზუსტით, სტაბილურობით, მკაცრი დისციპლინითა და საიმედოობით.“ თუმცა, ვებერი გარე ძალებისგან დამოუკიდებელი ბიუროკრატიისთვის დამახასიათებელი ბიუროკრატიზაციის საფრთხესაც განიხილავს. როდესაც მთლიანობაში ბიუროკრატია, ბიუროკრატიული აპარატი და ცალკეული ბიუროკრატები მხოლოდ საკუთარი ინტერესებიდან გამომდინარე მოქმედებენ და საზოგადოებრივი ინტერესების იგნორირებას, ხშირ შემთხვევაში კი, სახელმწიფო ინტერესების ტორპედირებასაც კი ახდენენ. ამგვარი საფრთხისგან, მაქს ვებერის აზრით, სახელმწიფოს, საზოგადოებას და მოქალაქეს აზღვევს სისტემა, რომელიც უზრუნველყოფს ხელისუფლების სათავეში პოლიტიკური პარტიების, ანუ ბიუროკრატიული აპარატის მაკონტროლებელთა მონაცვლეობას. ავტორტარულ ან ერთპარტიულ სისტემაში კი ხდება ბიუროკრატიის შერწყმა დიქტატორის კლანთან ან გაბატონებულ პარტიასთან, რაც გარდაუვლად განაპირობებს ბიუროკრატიზაციას.

მაქს ვებერს არა აქვს აღნიშნული ბიუროკრატიასთან დაკავშირებული კიდევ ერთი საფრთხე, რომელმაც სრული სისაყსით იჩინა თავი საბჭოთა და პოსტსოციალისტურ საქართველოში. თავის დროზე ბიუროკრატიის მიერ დამარცხებული ფეოდალიზმი ტრანსფორმირდება კლიენტელიზმში – ეკონომიკურად განვითარებად და პოლიტიკურად არასტაბილურ ქვეყნებში, პოლიტიკური ჯგუფები, ხელისუფლებაში მოსვლის შემთხვევაში, სახელმწიფო სტრუქტურებში დასაქმებით ცდილობენ იმ ხალხის შენარჩუნებას, რომელიც მათ გამარჯვებაში დაეხმარა. გარდა ამისა, სახელმწიფო სტრუქტურებში სამსახურებისა თუ თანამდებობების შოვნა-შენარჩუნება ხელისუფლებაში მყოფ პირებთან სიახლოვეზე, მეგობრობასა თუ ნათესაობაზეა დამოკიდებული, სხვა სიტყვებით რომ ვთქვათ, ადგილი აქვს ნეპოტიზმს.

კლიენტელიზმი და ნეპოტიზმი აღწევს ბიუროკრატიულ სისტემაში და ახერხებს გაბატონებული, ძალაუფლებაში ან ძალაუფლებასთან ახლო მყოფი პოლიტიკური და ეკონომიკური ჯგუფების ინტერესების ღობირებას, მათ საზოგადოებრივ და სახელმწიფოებრივ ინტერესებად წარმოიჩინას, რაც საბოლოო ანგარიშით, ასევე შეიძლება იწვევდეს ბიუროკრატიზაციას.

ზემოაღნიშნულის ილუსტრირებას გორბანოვისეული პერესტროიკის დროს საბჭოთა ბიუროკრატიის მოქმედება

ახდენს. მიხეილ გორბაჩოვისა და მისი რეფორმატორული ჯგუფის მიერ გამოცხადებული ეკონომიკური ცვლილებების პოლიტიკა, ფაქტობრივად დაბლოკილი იყო ტლანქი სახელმწიფოებრივ-ბიუროკრატიული მექანიზმის მიერ, რომელიც ქვეყნის ეკონომიკის ყველა დონეზე დომინირებდა. ამან გორბაჩოვს უბიძგა, რომ რეფორმების პოლიტიკის სიმძიმის ცენტრი ეკონომიკის სფეროდან პოლიტიკური სისტემის შეცვლაზე გადაეტანა. თუმცა, ავტორიტარულ ტრადიციას ფესვები ღრმად ჰქონდა გადგმული არა მხოლოდ სახელისუფლებო სტრუქტურებში, არამედ – საზოგადოების პოლიტიკურ კულტურაშიც.

დამოუკიდებლობისათვის ბრძოლის პროცესში, ზვიად გამსახურდიამ ერთის მხრივ, გაითვალისწინა მიხეილ გორბაჩოვის სავალალო გამოცდილება, და საბჭოთა ბიუროკრატიის მხრიდან რეფორმების ტორპედირების შესაძლებლობა, მეორეს მხრივ კი, ვერ გაითვალისწინა, რომ საბჭოთა ქართული ბიუროკრატია შეიძლებოდა ნებისმიერი გაბატონებული რეჟიმის სამსახურში ყოფილიყო, რის გამოც წარმოიქმნა ურთიერთუნდობლობის და დაპირისპირების რეჟიმი. ზოგიერთი მეცნიერისა თუ პოლიტიკოსის მოსაზრებით, სწორედ განაწილებულმა ბიუროკრატია ითამაშა გარკვეული, ზოგის აზრით, გადამწყვეტი როლი გამსახურდიას ხელისუფლების დამხობაში.

გორბაჩოვის და გამსახურდიას გამოცდილება ”ვარდების რევოლუციის” დროს გაიზიარა „ნაციონალურმა მოძრაობამაც“, რომელმაც ძალაუფლების მოპოვების პროცესშივე, პირველ რიგში, მიზანში შევარდნაძისეული ყოფილი საბჭოთა ბიუროკრატია ამოიღო. შედეგად, 2003 წლის ნოემბრიდან 2004 წლის მაისამდე, განთავისუფლებულ ან ჩანაცვლებულ იქნა სხვადასხვა სტრუქტურის 1 500-მდე თანამშრომელი.

საბჭოთა სისტემის დანგრევის შემდეგ, როდესაც ჩანდა, რომ თითქოს გაიხსნა გზა დემოკრატიული საჯარო პოლიტიკისკენ, მის გარე ფასადს მიღმა დაიწყო ხელისუფლების ისეთი ბერკეტების წარმოქმნის პროცესი, რომლებიც საზოგადოების კონტროლს არ ექვემდებარება და გამოიყენება სახელმწიფო ბიუროკრატიის ვიწრო კლანური ინტერესების დასაკმაყოფილებლად. მიუხედავად ბიუროკრატიის ძალმომრეობისა, შევარდნაძის პერიოდში, სახელმწიფო მართვის სადავეების ასე ძლიერად დასუსტებისას, აღმოცენდა 90-იან წლებში შერყეული

ქართული სახელმწიფოებრიობის გაძლიერების მძაფრი ობიექტური მოთხოვნილება. ძლიერი სახელმწიფო ქართულ საზოგადოებას სჭირდება როგორც ეროვნული კონსოლიდაციის ინსტრუმენტი, როგორც ძირითადი სახელისუფლებო ინსტიტუტი, რომელიც გაატარებს საჯარო პოლიტიკას. სამწუხაროდ, ძლიერი სახელმწიფო ხშირად ასოცირდება ძლიერ ხელისუფლებასთან, ძლიერი ხელისუფლება კი – ავტორიტარულ ლიდერთან.

ვარდების რევოლუციამდე, თავისუფლებამ წესრიგის შენარჩუნების გარეშე, სუსტმა სამართლებრივმა კულტურამ და ეგოისტურმა ელიტამ ქვეყანა ქაოსამდე, უკანონობამდე და ნებისმიერი შეზღუდვისადმი უწყურადღებობამდე მიიყვანა. მისთვის უცნობი თავისუფლებებისაგან დაბნეულმა და გაურკვეველობაში მყოფმა საქართველომ, 2003 წელს, კურსი ისევ წესრიგისაკენ აიღო. ამ იდეით ხელისუფლების სათავეში მოვიდა მიხეილ სააკაშვილი და მას მხარდაჭერა თითქმის მთელმა ქვეყანამ გამოუცხადა.

ამრიგად, წესრიგის აღდგენა ქართულ საზოგადოებაში ბევრი მიზეზის გამო იყო მოთხოვნადი, მათ შორის, საზოგადოების მთლიანობის უზრუნველყოფისა და მისი დემოკრატიული გზით განვითარებისთვის. ამავდროულად, სწორედ ამით შეიქმნა ნიადაგი ავტორიტარული ტენდენციების გაძლიერებისათვის. „ნაციონალური მორაბობის“ დროინდელი ხელისუფლების პოლიტიკა მოიცავს ორ მთავარ შემადგენელ ფაქტორს: პირველი - სახელმწიფოს გაძლიერება და მეორე - ავტორიტარიზმის გაძლიერება. ამასთანავე, ძლიერი სახელმწიფო იგივე არ არის, რაც ავტორიტარული. ეს ორი ფაქტორი აუცილებლად უნდა გაიმიჯნოს. თუმცა იმუჰამინდელი ქართული ხელისუფლების ”მოღვაწეობამ“ და სტრატეგიებმა მათ შორის გამყოფი ხაზი მოშალა.

რა არის პასუხი აღნიშნულ გამოწვევაზე? საკვებით შესაძლებელია სახელმწიფო მექანიზმისა და სახელმწიფო პოლიტიკის გავლენის გაძლიერება, ავტორიტარული ტენდენციების გაძლიერების გარეშე, იმ შემთხვევაში თუ ხელისუფლების გაძლიერებას დაემატება კონტროლისა და ბალანსის სისტემის განვითარება, როგორც თავად სახელმწიფოში, ასევე – საზოგადოებაში. ეს გულისხმობს ჯანსაღი სამოქალაქო საზოგადოებისა და განვითარებული საჯარო სფეროს არსებობას, დაჟინებულ ძალისხმევას სამოქალაქო პასუხისმგებლობისა და მოქალაქეების

პოლიტიკური კულტურის გასაერთიანებლად, მათ ჩასართავად პოლიტიკური გადაწყვეტილებების მიღების პროცესში.

საჯარო პოლიტიკის მეორე გამოწვევაა ლიბერტარიანული. მეთოდოლოგიურად, ის მომდინარეობს კერძო საწყისების აბსოლუტიზაციიდან, რის შედეგადაც, საზოგადოებრივი ინტერესი და საჯარო პოლიტიკა კარგავს თავის რეალურ მნიშვნელობას.

დასავლეთის პოლიტოლოგების მიერ შემჩნეულია, რომ ლიბერტარიანული ტენდენციები საზოგადოებრივი ცხოვრების დეპოლიტიზაციის ფორმით ვლინდება, ახალი პოლიტიკური ტექნოლოგიების ზეგავლენით. ამერიკელი პროფესორის, ტომას მაკარტის მიხედვით, ვრცელდება თავისებური "სამოქალაქო პრივატიზმი", რომელიც "ახრჩობს" საზოგადოებრივ აქტიურობას და სოციალურ პასუხისმგებლობას, ობივატელური კონფორმიზმის, გულგრილობის და მომხმარებლურობის კულტივირებით. [9. გვ. 369]

განუვითარებელი სამოქალაქო საზოგადოების პირობებში, უახლესი პოლიტიკური ტექნოლოგიების ზეგავლენა საზოგადოებრივ აზრზე იმდენად დიდია, რომ კითხვის ნიშნის ქვეშ დგება თავად საჯარო სფეროს, როგორც სამოქალაქო აქტივობის არეალის არსებობა.

გარდა ამისა, პოლიტიკის იგნორირება, სამოქალაქო საზოგადოების სასარგებლოდ, ხშირად ხდება იმ თვალსაზრისით, რომ პოლიტიკური საკითხების განხილვა და მათზე მსჯელობა არ არის სამოქალაქო საზოგადოების საქმე, იგი უნდა იყოს დეპოლიტიზირებული და არ ერეოდეს პოლიტიკურ აქტივობებში, რაც მხოლოდ პოლიტიკოსებისა და სახელმწიფო მოხელეების საქმეა. თუკი საუბარია დემოკრატიის ხელშეწყობაზე სამოქალაქო საზოგადოების მიერ, პოლიტიკური იდეები და ღირებულებები სწორედ რომ სამოქალაქო საზოგადოებაში უნდა იღებდეს სათავეს და მის წიაღში უნდა მწიფდებოდეს. [10. გვ. 11]

„ნიკომაქეს ეთიკაში“ არისტოტელე საკმაოდ მკაფიოდ უსვამს ხაზს იმას, რომ პოლიტიკური ერთობა მორალური ერთობის სინონიმია. მისი აზრით, მხოლოდ სხვა გონიერ, მორალურ არსებებთან ურთიერთობით, ანუ პოლისში ცხოვრებით, პოლიტიკური აქტიურობით შეუძლია ადამიანს სრულყოფილ მორალურ არსებად ჩამოყალიბდეს. “პოლიტიკის მიზანი ყველაზე საუკეთესოდ ჩავთვალეთ, რადგან ის ყველაზე მეტად ზრუნავს მოქალაქეთა გარკვეულ თვისებათა

ჩამოყალიბებაზე და მათ გადაქცევაზე კეთილისა და მშვენიერის შემოქმედებად.“ [11. გვ. 38]

თავდაპირველად, ქართულ რეფორმაციაში ლიბერტიარიანიული ტენდენციები გაჩნდა, როგორც რეაქცია ხისტ საბჭოურ სახელმწიფო ბიუროკრატიზმზე. მკვეთრად გამოვლინდა ლიბერალური მისწრაფებები, პირადი ინტერესების სხვადასხვა საზოგადოებრივი შემზღუდელებისაგან ნებისმიერი საშუალებით განთავისუფლების სახით. იცავს რა შეუზღუდავ თავისუფლებას, კერძო ინტერესებთან ერთად, ლიბერტიარიანიზმი ხელს უშლის სოლიდარობის სოციალური და სამოქალაქო ფორმების განვითარებას, რომელთა საფუძველზეც ყალიბდება სამოქალაქო საზოგადოება, რომელსაც აქვს უნარი, დაუპირისპირდეს ავტორიტარულ-ბიუროკრატიულ ტენდენციებს და იყოს დემოკრატიული საჯარო პოლიტიკის ფორმირების წყარო.

ვარდების რევოლუცია განაპირობა რეალური ლიბერალიზმისა და ღირსეული სახელმწიფოებრივი წესრიგის აღდგენის საზოგადოებრივმა მოლოდინმა, თუმცა, სწორედ „ნაციონალური მოძრაობის“ რეჟიმი იქცა ნამდვილ ოლიგარქიულ ლიბერტიარიანულ რეჟიმად, რაც ქმნიდა მრავალმხრივ საფრთხეებს საზოგადოების სხვადასხვა ფენისთვის. სწორედ ლიბერტიარიანიული მიდგომა გახდა ლიბერალური რეფორმების წარუმატებლობის ერთ-ერთი მთავარი მიზეზი. „ნაციონალური მოძრაობის“ მაღალჩინოსნების მხრიდან თვითნებობის, ზეწოლისა და დაშინების წინააღმდეგ პროტესტის გრძნობამ, აგრეთვე უკანონო გზებით შელახული ადამიანის უფლებების, თავისუფლებებისა და სამართლიანობის აღდგენის მძაფრმა მოთხოვნამ და მოლოდინმა განაპირობა კოალიცია „ქართული ოცნების“ გამარჯვება 2012 წლის 1-ლი ოქტომბრის საპარლამენტო არჩევნებში.

საჯარო პოლიტიკის მესამე გამოწვევა არის კორუპორატივისტული. 90-იან წლებში, საქართველოში სახელმწიფო საკუთრების პრივატიზაციამ განაპირობა მსხვილი კორუპორაციებისა და, შესაბამისად, მძლავრი მონოპოლიური ჯგუფების წარმოქმნა, რომელთა საქმიანობაც განისაზღვრებოდა ჯგუფური ეგოისტური ინტერესების უპირატესობის მიხედვით. მიაღწიეს რა საკუთარი პოზიციების

გადღიერებას, ეს ჯგუფები ძლიერ ზეწოლას ახდენდნენ სახელმწიფო ხელისუფლებაზე.

რამდენადაც სასარგებლო არ უნდა იყოს კორპორატივიზმი ფუნქციონალურად, მისთვის დამახასიათებელია ანტიდემოკრატიული თვისებები. კორპორატიული თემატიკის ცნობილი მკვლევარი, ფილიპ შმიტერი მიიჩნევს, რომ კორპორატივიზმისთვის დამახასიათებელი მიდრეკილება იერარქიისა და იძულებისადმი აქცევს მას "პოტენციურად არალიბერალურად" და ეს „არ მოდის თანხმობაში აქტიური პერსონიფიცირებული მოქალაქეობის სამოქალაქო იდეალთან“.
[12. გვ. 266-267]

მიუხედავად ამისა, ჯანსაღი სამოქალაქო საზოგადოების არსებობისას, კორპორატივიზმს შეუძლია მიაღწიოს საერთო ეროვნულ შეთანხმებასა და პოლიტიკურ სტაბილურობას. ის შედის საზოგადოებრივი ინტერესების მრავალფეროვანი ჯგუფების უფრო ფართო დისკურსში, რომელიც ხდება დემოკრატიული სისტემის შემადგენელი ნაწილი. ეს აძლევს მას საშუალებას, რომ მიიღოს მონაწილეობა საჯარო პოლიტიკის ფორმირებაში და ამავე დროს, ზღუდავს მისგან გამომდინარე ანტიდემოკრატიულ იმპულსებს.

სხვა ვითარებაა საქართველოში. აქ კორპორატივიზმი ექსპანსია არ არის შეზღუდული განვითარებული სამოქალაქო საზოგადოებით, მდგრადი დემოკრატით, სამართლებრივი სახელმწიფოთი და მოსახლეობის მაღალი პოლიტიკური კულტურით. ეგოისტური საწყისი პირად ინტერესებში გუნდურ სოლიდარობას სჭარბობს. ძნელად მოსალოდნელია, რომ საქართველოში კორპორატიული ინტერესების დემოკრატიული პლურალიზმის ჩარჩოებში მოქცევა და „გაკეთილშობილება“ ადვილად და სწრაფად მოხდება.

რა თქმა უნდა, ტრანსფორმირებად ქართულ საზოგადოებაში, მსხვილი ბიზნესი არის და იქნება ერთ-ერთი მთავარი მოთამაშე საჯარო პოლიტიკის ფორმირების სფეროში. მიუხედავად იმისა, რომ ქართულმა კორპორაციებმა დაიწყეს სოციალური პასუხისმგებლობის ნიშნების გამოვლინება საზოგადოების მიმართ, გარკვეული ტიპის საქველმოქმედო აქციებისა თუ კამპანიების სახით, არ უნდა გვქონდეს იმის ილუზია, რომ კორპორაციებს შეუძლიათ, საკუთარ თავზე აიღონ საერთო ეროვნული სოციალური პოლიტიკის გატარება.

პასუხი კორპორატივისტულ გამოწვევაზე უნდა მდგომარეობდეს არა მათი საჯარო პოლიტიკის სფეროდან

მოშორების ან სოციალური აქტივობის შეზღუდვისადმი მისწრაფებაში, არამედ მათ მოქცევაში თამაშის დემოკრატიული წესების ჩარჩოებში, რომელთა დაცვასაც სახელმწიფო და სამოქალაქო საზოგადოება აკონტროლებს. [13]

ჩამოთვლილი გამოწვევების შედეგების ნეიტრალიზაციისთვის, რომლებიც საჯარო პოლიტიკისთვის დამღუპველია, საჭიროა ქართულ საზოგადოებაში საჯარო სფეროს, როგორც საერთო ეროვნული ფორუმის შენარჩუნება და განვითარება, საზოგადოებრივი ძალების დისკურსისთვის, რომლებიც მრავალფეროვანი ინტერესების ფართო წრეს წარმოადგენს. რა თქმა უნდა, სრულყოფილი სამოქალაქო საზოგადოების ჩამოსაყალიბებლად, საჭიროა ხანგრძლივი პროცესი და საქართველოს ამისთვის, შესაძლოა, არაერთი ათწლეული დასჭირდეს. მიუხედავად ამისა, მიმდინარე მდგომარეობაშიც კი, მთელი თავისი სისუსტეებით, სამოქალაქო ინსტიტუტებს შეუძლიათ, სერიოზული წინააღმდეგობა გაუწიონ საჯარო სფეროზე გავლენის მოხდენის ავტორიტატულ ზრახვებს, რადგან ასეთი წინააღმდეგობის გარეშე, შეუძლებელია თავად მათი გადარჩენა და განვითარება.

თანამედროვე ქართული საზოგადოების საჯარო სფერო, ჯერჯერობით, ფორმირების საწყის ეტაპზე იმყოფება. ის არ არის კონსოლიდირებული საერთო ეროვნულ დონეზე, დაყოფილია ერთმანეთთან სუსტად დაკავშირებულ რგოლებად. ის დეფორმირებულია სახელმწიფო ბიუროკრატის ვიწრო ჯგუფური ინტერესებისა და კორპორაციული კაპიტალის ზეწოლის ქვეშ და მისი გავლენა სახელმწიფო პოლიტიკაზე საკმაოდ შეზღუდულია. საბოლოო ჯამში, თავად სახელმწიფო პოლიტიკა ყოველთვის სულაც არ აკმაყოფილებს საჯარო პოლიტიკის კრიტერიუმებს, რომელიც მიზნად საზოგადოების საჯარო ინტერესის გამოხატვას ისახავს. თუმცა, ამასთანავე, საჯარო სფერო არსებობს და ფუნქციონირებს. ავტორიტარული ტენდენციების გაძლიერების ფონზე, მისი პერსპექტივები ქართულ საზოგადოებაში არც ისე მიმზიდველია, თუმცა, მას საკუთარი თავის დაცვა სავესებით შეუძლია. საჯარო პოლიტიკის მიმდინარე გამოწვევებზე ადეკვატური პასუხების მოძებნას საკვანძო მნიშვნელობა აქვს საქართველოში თანამედროვე ლიბერალური დემოკრატის ფორმირებისათვის.

ლიტერატურა

References:

1. *Argumentation and Advocacy*. Winter 2003, Vol. 39. Issue 3. pg. 189;
2. Dewey J. *The Public and Its Problems*. Athens (Ohio), 1954. Reprint N.J., 1927. Pg. 126;
3. <http://mentalfloss.com/article/52787/10-famous-psychological-experiments-could-never-happen-today> ukanasknelad gadamowmebulia: 08.06.2014;
4. Dewey J. *The Public and Its Problems*. Athens (Ohio), 1954. Reprint N.J., 1927. Pg. 15;
5. Gould C. *Diversity and Democracy: Representing Differences*, in „*Democracy and Difference*“. Princeton, 1996. P. 174;
6. Barber B. *Fear’s Empire. War, Terrorism, and Democracy*. N.J., 2003. Pg 167;
7. Edwards A. Scientific expertise and policy-making: the intermediary role of the public sphere, "Science and Public Policy“, Vol. 26. № 3. June 1999;
8. Charles de Secondat, Baron de Montesquieu. *The Spirit of Laws*. 1748. Translated by Thomas Nugent. 1752. Batoche Books/Kitchener. 2001;
9. Mac Carthy Th. *The Critical theory of Jurgen Habermas*. Cambridge, 1982. P. 369
10. m. musxeliSvili. samoqalaqo sazogadoeba: SedarebiTi analizi. saleqcio kursi socialuri mecnierebebis magistraturisaTvis. Tbilisi, 2006 gv. 11;
11. aristotele. nikomaqes eTika. Tbilisis universitetis gamomcemloba, 2003. gv. 38;
12. Lehmbruch G. and Schmitter Ph. (Ed.). *Patterns of Corporatist Policy Making*. London, Beverly Hills, 1982. Pg. 266-267;
13. Dobbin M. *The Myth of The Good Corporate Citizen*, Toronto, 2003.
14. Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении. //Публичная политика в России. Сб.статей под общей редакцией Ю.А.Красина. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 15-32.

Natia Koiava

Public Field of 21st Century Georgia – Main Functions, Goals, Challenges

Summary

The article introduces concepts of “Public Field” and “Public Policy”; the essence of public field as a means of practical implementation of common goals by citizens; as well as the main purpose of public policy - to

express public interests. It is referred to main functions, goals and purposes of public field, which include providing climate of cooperation and solidarity in the society, making influence on the state policy giving it a public nature. The article also refers to the main challenges of public field of Georgia in the 21st Century, finding adequate answers on which is of significant importance in order to form modern liberal democracy in Georgia.

Keywords: public, state, policy, public field, public policy, public interests, social responsibility, general welfare, civil society, liberal democracy.

Reviewer: Professor Otar Kochoradze, Georgian Technical University

ნათია კოიავა

Публичная сфера Грузии XXI века – основные функции, цели и вызовы

Резюме

В статье анализируются концепции «публичной сферы» и «публичной политики», публичная сфера как средство практического решения гражданами общих целей, основное назначение публичной политики – выражение общественных интересов. Рассматриваются основные функции, цели и задачи публичной сферы: обеспечение в обществе климата соучастия и солидарности, влияние на государственную политику и придание ей публичного характера. Также проанализированы основные вызовы для публичной сферы Грузии в XX веке, поиск адекватного ответа на которых имеет ключевое значение для формирования либеральной демократии в Грузии.

Ключевые слова: общество, государство, политика, публичная сфера, публичная политика, общественные интересы, социальная ответственность, всеобщее благоденствие, гражданское общество, либеральная демократия.

Рецензент: Профессор Отар Кочорадзе, Грузинский технический университет.

УДК 260.1:281.5:282(477+456.31)

Ольга Яроцкая

Теоцентризм и антропоцентризм как разновекторные церковные идентичности в современном секулярном мире

В начале XXI в. религиозные организации все чаще стали заявлять о себе как активные участники общественных процессов, декларируя свои позиции по широкому кругу актуальных общественно-политических проблем. Католическая и Православная церковь, а также отдельные протестантские церкви в своих социальных учениях или более-менее систематизированных социально-этических доктринах отражают своё видение тенденций общественного развития в условиях глобализации, евроинтеграции и секулярного гражданского общества. В результате имеем разные церковные идентичности, отражающие католический авангардизм, православный консерватизм и протестантский реализм в отношении к широкому кругу социальных, политических, правовых, этических, культурологических проблем. Богословско-философской доминантой оценки развития общества и роли в нем человека как личности является определение приоритетности одной из составляющих конфессиональной парадигмы теоцентризм – антропоцентризм.

Ключевые слова: *теоцентризм, антропоцентризм, гуманизм, секуляризм, достоинство человека, свобода совести, глобализация, евроинтеграция.*

Антропоцентризм имеет ключевое значение в содержательном наполнении понятийно-категориального аппарата социального учения Католической церкви, в котором доминируют антропоцентричны и гуманистические дефиниции: "достоинство человека как личности", "развитие", "солидарность", "субсидиарность", "органическая концепция общественной жизни", "общество свободного труда, предпринимательства и соучастия", "качество жизни", "культура жизни". Все эти дефиниции содержательно направлены на формирование гуманистического общества.

Необходимо отметить, что почти до конца 50-х годов XX ст. Католическая церковь не находила какого-либо позитивного содержания в гуманизме, поскольку считала его светским философско-этическим учением, которое своим содержанием соответствует материалистическим взглядам на природу человека и сферу его потребностей. Гуманизм развивался как

ანтропоцентрическое течение, независимое от теологии, в частности, моральной теологии и социально-этической доктрины католицизма, как течение, которое выдвинуло на первый план проблему человека и его жизни, как система взглядов на мир, основанная на приоритетности ценностей человека как личности, его права на счастье в земном мире и на свободное развитие.

Основные принципы антропоцентрического гуманизма с самого начала имели четкую направленность против христианского теоцентризма, которому традиционно были присущи ценности потустороннего мира и принижение, а то и полное отрицание, ценностей посюстороннего, земного существования человека. Именно поэтому в "Силлабусе" ("Полном перечне главных ошибок нашего времени"), изданном в 1864г. Пием IX, вместе с осуждением таких течений и идей нового времени, как рационализм, пантеизм, социализм, отрицалась не только какая-либо этика, свободная от влияния религии, но и гуманизм. Последний раз Католическая церковь официально исключила гуманизм и его проблематику во время понтификата Пия XII. В его энциклике "Humani generis" (1950), осуждающий "ошибочные взгляды, угрожающие основам католического вероучения", значатся теория эволюции, диалектический материализм, экзистенциализм и др. Пий XII не выделил гуманизм специально, но в сущности отбросил его.

Категория "гуманизм" в позитивном отношении к нему появляется в официальных документах II Ватиканского собора (1962 – 1965 гг.), в частности, в Конституции "О Церкви в современном мире". Линия на гуманизацию католического социально-этического учения получила дальнейшее развития в энцикликах Иоанна Павла II "Redemptor hominis" ("Искупитель человека") – 1979г.; "Dives in misericordia" ("Богатый милосердием") – 1980г.; "Laborem exercens" ("Занимаясь трудом") – 1981г.; "Sollicitudo rei socialis" ("Забота о социальной действительности") – 1988г.; "Centesimus annus" ("Столетие") – 1991г. По сути, в этих энцикликах основательно изменяется установка на "поиск пути к спасению" от теоцентризма к антропоцентризму. Постепенно в католическом социальном учении гуманизм приобрёл чёткую аргументацию и эмплементацию в целом ряде концептуальных антропоцентризмов: "теология освобождения человека" [1,§26]; "теология преодоления отчуждения" [1,§41]; "теология трансцендентности прав человека" [1,§47]; "теология человеческой экологии" [1,§37]; "теология бедных" [1,§57]; "теологии брака и семьи" [1,§49,50]; "теологи культуры жизни против культуры смерти" [2,§56,57].

Сущность человека как личности, права и достоинство человека, его роль и место в гражданском обществе, взаимоотношение государства и церкви, гражданского общества и церкви как общинной религиозной организации, действующей в гражданском обществе, а не клерикальной надстройкой гражданского общества, – эти проблемы по-разному осмысливаются католической, православными и протестантскими церквями.

Русская православная церковь (РПЦ) определяет гуманизм, антропоцентризм и теоцентризм как онтологически несовместимые, разновекторные понятия. Гражданское, в современном европейском демократическом понимании, общество не приемлет РПЦ, которая видит развитие своей "канонической территории" исключительно как регион "православно-славянской цивилизации". Украинская православная церковь, которая находится в "каноническом и молитвенном единении" с РПЦ и фактически подлежит юрисдикции Московского патриархата, полностью и безоговорочно принимает все положения и выводы социального учения РПЦ.

"Форма и методы правления во многом обуславливаются духовным и нравственным состоянием общества", – такой вывод обосновывается в "Основах социальной концепции Русской Православной Церкви". Исходя из такой предпосылки, образцом "духовного и нравственного состояния общества" для РПЦ представляется "судейство" – общественный строй, описанный в библейской "Книге Судей", где "власть действовала не через принуждение, а силой авторитета, причем авторитет этот сообщался Божественной санкцией" [3,III – §7]. К сожалению, прочтение "Книги Судей" оставляет мрачное впечатление о моральном состоянии библейского судейского общественного строя и о "весьма сильной вере" в этом обществе. В связи с этим критически воспринимается и такая предпосылка: "Право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере" [3,IV – §2]. Поскольку "форма власти в секулярном обществе не ищет божественной санкции" [3,III – §7], то она, как полагают духовные авторитеты РПЦ, "как и всякая система права, создаваемая человеческим обществом", "несет на себе печать ограниченности и несовершенства" [3,IV – §2].

Принцип свободы совести как один из основополагающих принципов человеческих отношений, утвержденный Всеобщей декларацией прав человека, гарантирует каждому человеку иметь право на свободу мысли, совести и религии, что "включает свободу менять свою религию и убеждение" [10, 656]. "Основы социальной

концепции Русской Православной Церкви" представляют иную точку зрения, считая, что "появление свободы совести в современном мире <...> свидетельствует о распаде духовных ценностей, потере устремленности к спасению <...> а утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и к победе над грехом" [3,III – §6].

На этой основе декларируется "приоритетность религиозного установления над светским", поскольку "христианское право принципиально надсоциально" [3,IV – §5]. РПЦ категорически отвергает и принципиально не приемлет "секуляризации высоких принципов неотчуждаемых прав человека" и "автономной свободы человека", составляющих фундамент демократического правосознания в гражданском обществе.

Секулярное гуманистическое общество богословами РПЦ подвергается критике именно потому, что оно является демократическим, а не теократическим, антропоцентрическим, а не теоцентрическим. В связи с этим делается вывод: "В системе современного светского гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Однако вне Бога существует лишь человек павший, весьма далекий от чаемого христианами идеала совершенства, явленного во Христе" [3,III – §7].

Секулярный гуманизм как феномен неконфессионального гражданского общества категорически не воспринимается современными богословами РПЦ, поскольку "православие и секулярный гуманизм принципиально несовместимы", а "принципы, которые должны исповедовать православные верующие, и принципы, которые исповедуют "строители Царства Божьего без Бога" (т.е. адепты гражданского общества), "постоянно вступают в противоречие". Именно на таких позициях стоит такой авторитетный в РПЦ богослов как Всеволод Чаплин: "Вытеснение последовательно религиозного мировоззрения и замена его на секулярный гуманизм производится не только путем информационной экспансии, образовательных программ и так далее. Есть опасность утверждения обезбоженного гуманистического мировоззрения в качестве элемента права – международного и национального – обязательного для исполнения. Между прочим, в российской Конституции уже содержится идеологизированное гуманистическое утверждение: "Человек, его права и свободы являются высшей ценностью" (статья

2). Для православных христиан, полагающим высшей ценностью свою

веру и возможность спасения, такое утверждение выглядит более чем странно" [4,12].

Исходя из таких религиозных позиций неприятия гуманизма как основы построения гражданского общества, В. Чаплин отмечает: "В центре православного миропонимания стоит Бог и Церковь, а в основе секулярного гуманизма лежит антропоцентризм, то есть поставлении греховного, непретворенного человека в центр Вселенной". Православных В. Чаплин ставит перед почти апокалиптической дилеммой: "Глобализационные процессы ставят перед человечеством вопрос: какие ценности возобладают. Будет ли разрушена почти абсолютная монополия гуманистических идей на право быть основой державного, общественного и международного устройства? Или религиозные начала миропонимания все-таки станут одним из источников формирования международного права?" [4,12].

Поскольку УПЦ Киевского патриархата пока не имеет системно обработанного, целостно осмысленного и соборно принятого социального учения, квинтэссенцией ее оценок социального и духовного развития украинского общества правят доклад патриарха Филарета на Поместном Соборе 9-10 января 2001 г., а также материалы Поместного Собора УПЦ Киевского патриархата, который состоялся в июле 2004 г., в частности, Декларация "О духовном возрождении украинского общества в условиях глобализации мира".

Характеризуя современные тенденции развития европейской цивилизации, патриарх Филарет сделал свой вывод о том, что XX век завершился секуляризацией общественной жизни, из которой религию окончательно вытеснено на частную периферию. "Религия как мировоззрение и институт, – считает патриарх Филарет, – окончательно потеряла свою роль в политической, социальной и культурной сферах. Современное общество ориентировано прежде всего на материальные ценности, а профессиональная деятельность не зависит от мировоззрения, религиозной веры, нравственных устоев" [7,104]. Современное состояние религии в европейской цивилизации патриарх Филарет характеризует как кризисное, а европейскую цивилизацию как сформированную на основе нехристианского гуманизма, а потому переставшую быть христианской. Поскольку христианская цивилизация "передала вопрос веры и свободы в сферу свободного волеизъявления граждан", то, по мнению патриарха Филарета, это "привело к политеизму или к религиозному полиформизму, которого мир еще не знал". Глава УПЦ Киевского патриархата обвиняет секулярную культуру и секулярную европейскую цивилизацию в том, что она "открыла двери восточным

რელიგიამ", "вытеснила из общественной жизни христианство", "провозгласила не христианскую, а общечеловеческую мораль основой гражданского общества" [7,105]. Следовательно, выводы патриарха Филарета о возможных духовных и культурных последствиях евроинтеграции для Украины обозначены библейским эсхатологизмом и апокалиптическим алармизмом, ассоциируются с последствиями библейского описания строительства Вавилонской башни.

В Декларации Поместного Собора УПЦ Киевского патриархата "О духовном возрождении украинского общества в условиях глобализации мира", которая была соборно принята 15 июля 2004г., отмечается, что Украина не может находиться в стороне общеизвестных процессов так называемой глобализации, под которой понимается создание в мировом масштабе однородного духовного, экономического, информационного пространства. В Декларации констатируется, что "Церковь не может не выразить своей обеспокоенности тем, что глобализация сопровождается процессами, которые входят в противоречие с христианством" [8].

Что же беспокоит Церковь, с чем она не может согласиться, против чего категорически выступает?

Во-первых, Церковь обеспокоена тем, что "глобализация ведет к становлению в общественном сознании равнозначности всех религий" (следовательно, Церковь не может согласиться с основополагающим принципом международных, в частности европейских, правовых актов, касающихся свободы совести, религии и убеждений).

Во-вторых, Церковь полагает, что произошла "подмена христианства эклектичной внеконфессиональной духовностью" (следовательно, Церковь не приемлит того, что свою духовность, свою культуру, свое сознание человек XXI века уже не связывает только с религией или принадлежностью к какой-либо церкви).

В-третьих, в связи с перспективой интеграции Украины в европейское сообщество, Церковь предостерегает "от попытки в русле общемировых процессов вытеснить христианство и Церковь как социальный институт общественной жизни" [8].

Действительно, в современной Европе (Германии, Италии, Франции, Испании, Португалии, Австрии, Бельгии и других странах) нет такого публичного единения власти и религии, государства и церкви, как, скажем, в постсоциалистических странах, в частности в Украине, России и Беларуси, когда, например, президент, премьер-министр и другие высокопоставленные лица демонстрируют свое определенное конфессиональное единодушие, общность или

причастность к какой-либо конфессии во время публичных, церковных или государственных акций, событий, мероприятий.

Религия и церковь в "старой" Европе заполняет определенную "нишу" общественного пространства (действуют христианские партии, общества, ассоциации, профсоюзы, женские, молодежные, детские организации), но государство пытается держать определенную дистанцию от церкви, а церковь, в свою очередь, не пытается демонстрировать свою конфессиональную привязанность, или зависимость, чтобы получить какие-либо преференции от государства. Церковь в Европе, начиная от Реформации, лишилась своей экономической мощи и духовной монополии, потеряла возможность осуществлять тотальный контроль над общественной сферой, в частности культурой, образованием, наукой. Даже в частной жизни она постепенно теряет традиционное доминирование. Такова реальность современной Европы. Именно поэтому Католическая церковь еще в 1962 – 1965гг. во время II Ватиканского собора, провозгласив новый курс – "аджорнаменто" (открытость миру, вхождение в мир), нашла смелость заявить о немедленной необходимости "сначала евангелизировать церковь, а потом мир" и переместила рычаги своего воздействия в социальную сферу, постоянно обогащая, уточняя и дополняя свою социальную доктрину как приоритетное направление евангелизации.

Угрозу духовного кризиса украинского общества Поместный Собор УПЦ Киевского патриархата видит в том, что экономическая и политическая интеграция Украины в европейские структуры "приближает украинский народ к европейскому духовному пространству". Поскольку "европейское и украинское общество проходят через кризисный период своего развития", то опасность для Украины состоит в том, что "для христианской цивилизации присущий глубокий духовный кризис, который способен углубить духовный кризис в Украине". Поскольку, как записано в Декларации Поместного Собора, "украинский народ переживает тенденцию к духовному возрождению", то благодаря евроинтеграционным процессам не только украинское общество может обогатиться достижениями европейского опыта, но и западное общество может обогатиться духовными сокровищами украинского народа [8]. Это было бы замечательно! Но украинскому народу нужно прежде получить это "духовное возрождение", которое в условиях затяжного кризиса православия в Украине является слишком проблематичным.

В Декларации Поместного Собора УПЦ Киевского патриархата сконцентрировано внимание на "свободе и правах человека"

(европейская модель свободы), с одной стороны, и "ответственности перед Богом" (православная модель свободы), – с другой стороны. Церковь видит в неадекватной постановке этой проблемы причины духовного кризиса общества, а значит и опасность от евроинтеграции. Поскольку в Объединенной Европе свобода и права человека занимают приоритетное место в развитии демократии, то Церковь видит опасность в том, что "пропаганда безответственной свободы, борьба за права человека, соединенная с замалчиванием или отвержением ее обязанностей, является одной из основных причин общественных неурядиц" [8]. "Свобода и права человека без ответственности перед Богом не имеют смысла, – отмечается в Декларации Поместного Собора, – поскольку таким способом человек ставит себя и свои интересы в центр жизни, считая получение удовольствия главной целью своего существования" [8]. Здесь имеется ввиду прежде опасность потребительского общества, поэтому Поместный Собор УПЦ Киевского патриархата считает, что "Вселенная и человек в нем существуют не для того, чтобы потреблять материальные богатства и удовлетворять временные потребности, а для того, чтобы приготовить себя к вечной жизни" [8].

Итак, исходя из онтологических основ православия, которые приобретают ригористический эсхатологический смысл, секуляризация для Украины грозит духовной опасностью. Дальнейшее движение европейской цивилизации, а за ней и украинского общества в направлении обретения людьми потребительского мировоззрения неизбежно, считает Поместный Собор, "приведет к их разрушению, которое будет ускоряться экологическими катастрофами и углублением противоречий между европейской и другими цивилизациями" [8]. Следовательно, такая интерпретация приобретает характер апокалиптического алармизма. Хотя следует отметить, что для подавляющего большинства украинского (для 90%) устрашения опасностью потребительского общества является нонсенсом: им бы выбраться из пропасти нищеты. К европейским стандартам жизни, которые, надо признать, очень привлекательны для большинства украинцев, еще очень далеко и долго идти. Возможно, такие соборные оговорки пригодятся для будущих поколений украинского народа, если церковь будет способствовать его духовному и национальному возрождению.

И все же главная опасность для Украины видится в другом, более существенном. Церковь беспокоит, что уже сейчас в среде ведущих европейских наций ощущается усиленное желание отказать христианству в общественном влиянии, замкнуть его в рамках частной

жизни. И поэтому ставится такой диагноз духовного кризиса христианской церкви в связи с перспективой Украины интегрироваться в Европу: "Отказ от сложившихся христианских духовных и культурных традиций европейской цивилизации, ярким примером которой является упорное нежелание зафиксировать в основополагающем документе Европейского союза его христианские корни, толкает эту цивилизацию еще ближе к глубокому кризису и распаду" [8].

Необходимо отметить, что в последнее время почти все конфесии в Украине – православные, католические, протестантские, а также иудаизм, ислам – демонстрируют свое единодушие в поддержке евроинтеграционных устремлений украинского народа. Постепенно страх перед секулярной Европой уступает место европейским ценностям свободного и равновозможного развития любого человека. Эти идеи особенно привлекают украинскую молодежь.

Протестантские церкви в Украине свое видение современного секулярного гражданского общества утверждают на антропоцентрической парадигме, предоставляя приоритетное значение внеконфессиональному обустройству Украины, отделению церкви от государства и школы от церкви, равноценному и равноправному развитию в Украине всех церквей и религиозных организаций [9,2 – 10].

Протестантские церкви считают, что будущее Украины – это развитое гражданское общество. В связи с такой перспективой христианская этика не противопоставляется светскому праву, а секулярный гуманизм как основа гражданского общества не отождествляется с "обезбоженным гуманистическим мировоззрением", как это делает православный богослов В.Чаплин. Протестантские церкви считают, что сегодня, когда Украина переживает ответственный период политической, культурной и духовной трансформации, церкви должны помочь обществу "приобрести новое, творческое лицо своей перспективы, которое охватывает и законодательную сферу". Решение этой проблемы протестантские церкви видят в том, чтобы достоинство человеческой личности не мыслилось вне этических норм, источником которых является христианская этика. Одновременно современное секулярное, светское право оценивается, как "законодательно закрепленный минимум этических норм, необходимых для человеческого общежития" [5,212].

Поддерживая становление правового демократического государства и развитого гражданского общества, в котором

"гармонизируется единство демократического права, правотворчества, правосознания и правоприменения", познепротестантские церкви в Украине (баптисты, адвентисты, пятидесятники и свидетели Иеговы) выступают за обеспечение основных прав личности в светском секулярном правосознании, против абсолютной свободы государства и против неограниченной свободы личности, за политический и мировоззренческий плюрализм в неконфессиональном гражданском обществе, за равенство граждан в своих конфессиональных волеизъявлениях [6,626].

Позиция протестантских церквей в Украине в оценке глобализационных процессов и соответственно евроинтеграции отмечается гибкостью, реализмом, а не узкоконфессиональным взглядом на проблемы современного мирового развития. В этом смысле четко и последовательно сформулирована она в социальной концепции Церкви АСД: глобализация и евроинтеграция рассматриваются как новое явление в мировой истории, как новый этап мирового сообщества. Такая объективная оценка основывается на том, что глобализация охватывает все сферы человеческой жизни, объединяя политические, экономические и социальные процессы мирового социума. Создание единого информационного пространства, расширение экономических, научных и культурных связей – все это, считает Церковь АСД, "ускоряет ход истории, подталкивает род человеческий к объединению", чтобы преодолеть негативные факторы – угрозу глобального экологического кризиса, международную преступность и терроризм, новые опасные болезни, которые угрожают целым континентам, и многое другое [5,272; 6,624]. Все это, как сказано в "Основах социального учения Церкви АСД в Украине", "свидетельствует о необходимости срочных скоординированных усилий всех народов и государств".

Таким образом, оценивая объективные и общеполезные факты глобализации, протестантские церкви обращают внимание и на негативные тенденции: растущую материализацию интересов современного человечества; моделирование интересов и запросов населения с помощью средств массовой информации, попытки реконструкции религиозно-государственных союзов [5,274].

Свою задачу в условиях глобализации и евроинтеграции протестантские Церкви в Украине видят в укреплении таких мировоззренческих и морально-этических основ, как: активная жизненная позиция и участие верующих во всех творчески значимых процессах современного общества; молитва о даровании мудрости и успехов украинским государственным деятелям в сфере глобальной, в

частности евроинтеграционной политики с учетом национальных интересов Украины [6,625].

Выводы. Разновекторность церковных идентичностей, воспринимающих теоцентризм или антропоцентризм как доминантное отражение культурно-цивилизационного выбора, непосредственно сопряжено с такими ценностными понятиями как гуманизм, достоинство человека, свобода совести. Культурно-цивилизационные стандарты развития современного мира, в частности Европы, неоднозначно воспринимаются и оцениваются различными церквями и религиозными организациями в Украине – православными, католическими, протестантскими. У каждой из них свое видение проблем и вызовов современного глобализированного и секуляризированного мира. Однако ценностные рефлексии, доминирующие в межрелигиозном и культурно-цивилизационном диалоге, объединяют христианские и нехристианские конфессии в Украине и способствуют заинтересованному и толерантному обсуждению этих проблем.

Литература

References:

1. Encyklica Centesimus annus (1/05/1991): AAS 84, Roma, 1991.
2. Encyklica Evangelium vitae. – Roma, 1995.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви// <http://www.russian-orthodox-church.org.ru//s2000r01.htm>.
4. Всеволод Чаплин. Глобализация и «глобализм»: новые возможности, новые угрозы. – М., 2004.
5. История христиан адвентистов седьмого дня в Украине. – Киев, 2003.
6. История религии в Украине: в 10-ти томах. – Редкол.: Колодный А.Н. (председатель) и др. – Том.6. Поздний протестантизм в Украине. – К., 2007.
7. Православный церковный календарь 2002г. Издание патриархии Украинской православной Церкви.
8. Голос Православья. – К., 2004, №15 [135].
9. Протестантизм в Украине: динамика изменений // «Людина і світ». – К., 2004. – № 11.
10. Свобода религии и убеждений. Основные принципы. – М., 2010.

Рецензент: Профессор Евгений Харьковщенко, заведующий кафедрой религиоведения философского факультета Киевского национального университета имени Т.Шевченка, доктор философских наук.

ოღვა იაროცკაია
თეოცენტრიზმი და ანტროპოცენტრიზმი, როგორც სხვადასხვა
ვექტორიანი საეკლესიო იდენტობები თანამედროვე
სეკულარულ სამყაროში

რეზიუმე

XXI საუკუნის დასაწყისში რელიგიურმა ორგანიზაციებმა სულ უფრო ხშირად დაიწყეს საკუთარი თავის გამოცხადება საზოგადოებრივი პროცესების აქტიურ მინაწილეებად, საკუთარი პოზიციების დეკლარირება აქტუალური საზოგადოებრივ-პოლიტიკური პრობლემების ფართო სპექტრში. კათოლიკური და მართლმადიდებელი ეკლესია, ასევე ცალკეული პროტესტანტული ეკლესიები თავიანთ სოციალურ მოძღვრებებში და მეტნაკლებად სისტემატიზირებულ სოციალურ-ეკონომიკურ დოქტრინებში ასახავენ საზოგადოებრივი განვითარების ტენდენციის თავისეულ ხედვას გლობალიზაციის, ევროინტეგრაციისა და სეკულარული სამოქალაქო საზოგადოების პირობებში. შდგად ვიღებთ ახვადასხვა საეკლესიო იდენტობებს, რომლებიც ასახავენ კათოლიკურ ავანგარდიზმს, მართლმადიდებლურ კონსერვატიზმს და პროტესტანტულ რეალიზმს სოციალური, პოლიტიკური, სამართლებრივი, ეთიკური, კულტუროლოგიური პრობლემების ფართო სპექტრის შესახებ. საზოგადოებრივი ზრდისა და მასში ადამიანის, როგორც პიროვნების, როლის შეფასების თეოლოგიურ-ფილოსოფიურ დომინანტს წარმოადგენს თეოცენტრიზმი-ანტროპოცენტრიზმის კონფესიონალური პარადიგმის ერთ-ერთი შემადგენელის პრიორიტეტულობის განსაზღვრა.

საკვანძო სიტყვები: თეოცენტრიზმი, ანტროპოცენტრიზმი, ჰუმანიზმი, სეკულარიზმი, ადამიანის ღირსება, სინისის თავისუფლება, გლობალიზაცია, ევროპული ინტეგრაცია.

რეცენზენტი: პროფესორი ევგენი ხარკოვშჩენკო. ტარას შევჩენკოს სახელობის კიევის ეროვნული უნივერსიტეტის ფილოსოფიის ფაკულტეტის რელიგიათმცოდნეობის კათედრის გამგე. ფილოსოფიის მეცნიერებათა დოქტორი.

Olga Iarotskaya

Theocentrism and Anthropocentrism as a Diversity of Church Identity in the Modern Secular World

Summary

At the beginning of the XXI century religious organizations increasingly began to declare themselves as active participants in social processes, declaring their positions on a wide range of social and political problems. Catholic and the Orthodox Church, as well as some Protestant churches in their social teachings or in more or less systematic socio-ethical doctrines reflect their vision of trends of social development in the context of globalization, European integration and secular civil society. As a result, we have different religious identity, reflecting the Catholic avant-garde, Orthodox conservatism and Protestant realism in regard to a wide range of social, political, legal, ethical, cultural problems. Theological and philosophical evaluation of the dominant development of society and the role in it as human beings is definition of priority one of the components of the confessional paradigm theocentrism – anthropocentrism.

Keywords: Theocentrism, anthropocentrism, humanism, secularism, human dignity, freedom of conscience, globalization, European integration.

Reviewer: Professor Eugene Harkovschenko, Doctor of philosophical Sciences, Head of the Department of Religious of Philosophy Faculty of Taras Shevchenko National University of Kyiv

ხატიია მარკოზაშვილი
სახელმწიფო და სამოქალაქო საზოგადოება

ურთიერთმიმართება სამოქალაქო საზოგადოებასა და სახელმწიფოს შორის საკმაოდ დიდი ხნის განმავლობაში დიდ ადგილს იკავებს პოლიტიკურ და სოციალური მეცნიერებებში თუ საზოგადოებრივ დისკურსში, განსაკუთრებით განმანათლებლობის პერიოდიდან.

თავდაპირველად სამოქალაქო საზოგადოება და სახელმწიფო ერთიან მოვლენად მოიაზრებოდა, მიიჩნეოდა რა, რომ სახელმწიფო არის საზოგადოების ორგანიზების უმაღლესი ფორმა, რომელიც მოიცავს თავის თავში საზოგადოების, რომელიც შედგება მოქალაქეებისგან და მათი ყველა ფორმის, სახის და დონის გაერთიანებებისგან.

თუმცა დღევანდელ სოციალურ და პოლიტიკურ მეცნიერებაში საზოგადოების ორგანიზების თუ თვითორგანიზების ეს ორი ფორმა უპირისპირდება ერთმანეთს და მოწოდებულია ერთმანეთი აკონტროლოს რატა დაცული იქნას რაციონალური ბალანსი სახელმწიფოსა და საზოგადოებას შორის, რათა ერთი მხრივ სახელმწიფოს დომინირების შედეგად არ მოხდეს დიქტატურის ჩამოყალიბება, ხოლო მეორე მხრივ სახელმწიფოს სრული იგნორირების შედეგად არ მოხდეს საზოგადოების დეზინტეგრაცია

საკვანძო სიტყვები: სამოქალაქო საზოგადოება, სახელმწიფო, საზოგადოების და სახელმწიფოს ურთიერთმიმართება.

საკმაოდ დიდი ხანი პოლიტიკურ მეცნიერებაში “სამოქალაქო საზოგადოების” და “სახელმწიფოს” ცნებები არ განიხილებოდა ცალ-ცალკე ანუ არ განსხვავდებოდნენ, გამოიყენებოდნენ, როგორც ივივობრივი, ერთმანეთის შესატყვისი. პრინციპული განსხვავება საზოგადოებასა და სახელმწიფოს შორის არ არსებობდა, მათი განცალკევება უბრალოდ არ შეიძლებოდა, რადგან სახელმწიფო – ეს არის ორგანიზაციული ფორმა საზოგადოებისა. ამ საკითხთან დაკავშირებით საუბრობდნენ ჯერ კიდევ კანტი, ჰეგელი, მარქსი, ენგელსი და სხვა ფილოსოფოსები, მაგრამ რეალური თეორია სამოქალაქო საზოგადოებასთან დაკავშირებით ჯერ კიდევ არ არსებობდა. თვალნათლივი იყო ქრონოლოგიური არდამთხვევა აღნიშნული კატეგორიებისა. თუ სახელმწიფო

წარმოიშვა სულ რაღაც ექვსი ათასი წლის წინ, საზოგადოება ითვლის უკვე ნახევარ მილიონზე მეტ წელს. მაგრამ საქმე ეხება პერიოდს, როდესაც საზოგადოება და სახელმწიფო არსებობდნენ ერთად და იქმნებოდა წარმოდგენა, თითქოს ეს უკანასკნელი (სახელმწიფო და საზოგადოება) ერთი და იგივე იყო. საკმაოდ დრო დასჭირდა იმას, რომ თეორეტიკოსებს დაენახათ განსხვავება მათ შორის და დარწმუნებულიყვნენ, რომ ერთი მხოლოდ და მხოლოდ მეორის ნაწილია. (1, გვ. 10)

"სამოქალაქო საზოგადოების" კონცეფციის ერთ-ერთი შემქმნელი, ბრიტანელი სოციალური მეცნიერი ჯონ ლოკი, ასე წერდა: "სახელმწიფოს უზენაესი მიზანი საზოგადოების მართვაა. სამოქალაქო საზოგადოების მიზანს კი საზოგადოების წევრთა შორის კავშირების ორგანიზაცია და განვითარება წარმოადგენს, სამართლიანობის პრინციპების საფუძველზე და როგორც ერთობლივი, ასევე ერთი მეორის ინტერესთა გათვალისწინებით".

ზოგადად რომ ვთქვათ, "სახელმწიფო" და "სამოქალაქო საზოგადოება" წარმოადგენს სოციალური ცხოვრების ორ მხარეს (გარკვეულწილად, ანტაგონისტურ მხარეებსაც კი): სახელმწიფო იცავს (ან უნდა იცავდეს) მთლიანად საზოგადოების ინტერესებს, სამოქალაქო საზოგადოება კი იცავს კერძო ინტერესებს. სახელმწიფოში მოქმედებს უმეტესწილად სამართლებრივი ნორმები (ძალაუფლება და იძულება), სამოქალაქო საზოგადოება ეყრდნობა ზნეობრივ ნორმებს, ტრადიციებს, მეცნიერებას, ხელოვნებას, საზოგადოებრივ აზრსა და ა.შ. სამოქალაქო საზოგადოება ახდენს სოციუმის სტაბილიზაციას, და მისი სისუსტე თუ არასაკმარისი განვითარება შესაძლოა მიზეზი გახდეს სოციალური დეზინტეგრაციისა. მეტიც, განვითარებული, დახვეწილი სამოქალაქო საზოგადოების გარეშე თითქმის შეუძლებელია სამართლებრივი დემოკრატიული სახელმწიფოს აგება, რამდენადაც მხოლოდ თავისუფალსა და გათვითცნობიერებულ მოქალაქეს ძალუძს თანაცხოვრების ოპტიმალური ფორმების შექმნა-დახვეწა, საზოგადოების ინტეგრაცია როგორც სახელმწიფოს დონეზე, ასევე რეგიონისა და მსოფლიო მასშტაბებშიაც კი.

ყოველივე ამის შუქზე, სამოქალაქო საზოგადოებისათვის არსებობს ორი უმთავრესი საფრთხე: პირველი დაკავშირებული არის სახელმწიფოს არაპროპორციულ (ჰიპერტროფირებულ) როლთან - ანუ დიქტატთან სახელმწიფოს მხრიდან; მეორე

საფრთხე კი, პირიქით, ზედმეტი ლიბერალიზაციის შედეგი შეიძლება გახდეს - მან შეიძლება გამოიწვიოს ანარქია (სხვადასხვა ფორმით).

აგრეთვე უნდა გვახსოვდეს, რომ ნებისმიერ სახელმწიფოში არსებობს გარკვეული სექტორები, რომელთაც სჭირდება დაცვა "ზედმეტი ლიბერალიზაციისაგან". ერთ-ერთი ასეთი სექტორი, რომლის დაცვა სწორედ სახელმწიფოს ეკისრება, არის თავისუფალი პრესა, პლურალისტური და კონკურენტუნარიანი წიგნის ბაზარი. ეს უკანასკნელი კი წარმოადგენს სამოქალაქო საზოგადოების ქვაკუთხედს - მაგრამ შეიძლება მისი სუსტი წერტილიც იყოს. სახელმწიფოს მხრივ ზომიერი რეგულაციის გარეშე, წიგნები და ჟურნალ-გაზეთები შეიძლება გადაგვარდეს "ყავისფერ ხმაურად", სახელმწიფოს მხრიდან მეტისმეტი ცენზურის დროს კი - "რუხ ხმაურად" (თუ ვისარგებლებთ თანამედროვე ფიზიკის ტერმინებით).

სხვა სიტყვებით რომ ვთქვათ, ბარიერი სამოქალაქო საზოგადოების აშენების გზაზე შეიძლება გახდეს არამართო სახელმწიფოს, არამედ ბაზრის დიქტატიც. თუ საბაზრო ეკონომიკას ვერაფერი არეგულირებს, თუ იგი სტიქიურ და უკონტროლო ძალად გადაიქცა, მაშინ მისთვის უცხო გახდება როგორც სახელმწიფოს, ასევე მოქალაქის ინტერესები და სულისკვეთებაც. ხშირად ვახსენებთ ხოლმე "პიროვნების კულტას" თუ "კლასის დიქტატურას" - ჯერ-ჯერობით კიდევ გვახსოვს ეს საბჭოთა ცნებანი. მაგრამ ბაზრის დიქტატურა, ან კიდევ, ასე ვთქვათ, "საბაზრო ტოტალიტარიზმი" ვერაფრითაა უკეთესი ე.წ. "პროლეტარიატის დიქტატურაზე"!

ერთი სიტყვით, სამოქალაქო საზოგადოების დაუღალავი მტერი არის ტოტალიტარიზმი: ერთპიროვნული, ერთპარტიული, "მონოპოლისტური" მმართველობა მოქალაქის მტერიც არის და თანამედროვე პროგრესული საზოგადოებისაც!

ზოგჯერ ხდება, რომ თავად სახელმწიფო ჩაიფიქრებს ხოლმე სამოქალაქო საზოგადოების შექმნას, თავისი ინსტრუმენტებითა და მეთოდებით - ცენტრალიზებურად, "ვერტიკალურად". ამგვარი "კვაზი-სამოქალაქო" საზოგადოება იქცევა ანტიუტოპიად.

დროთა განმავლობაში საზოგადოებაში გაგებული იქნა განსაკუთრებული სფერო ურთიერთობებისა, პირველ ყოვლისა, ქონებრივი, საბაზრო, ოჯახური, მორალური ურთიერთობები,

რომლებიც სახელმწიფოსაგან დამოუკიდებლად უნდა ჩამოყალიბებულიყვნენ. მე-17 საუკუნის შუა ხანებიდან იწყება საზოგადოების სხვადასხვა სფეროებად დიფერენციაციის პროცესი, დაიწყო ასევე საზოგადოების გათავისუფლება საზოგადოებრივი ძალაუფლებისაგან.

სახელმწიფო "გამოეყო" საზოგადოებას მისი მომწიფების ეტაპზე. მუხავეის აზრით, საზოგადოება სახელმწიფოს დედაა, და შესაბამისად, სახელმწიფო საზოგადოების – შვილი, საზოგადოებრივი განვითარების პროდუქტი. როგორც არის საზოგადოება, ისეთივეა სახელმწიფოც. სახელმწიფო ზრუნავს საზოგადოებაზე ან პირიქით პარაზიტირებს მასზე, ანგრევს საზოგადოებრივ ორგანიზმს. იმის მიხედვით, თუ როგორ გადადის საზოგადოება მისი განვითარების ეტაპზე ერთი ფორმაციიდან მეორეში, დაბალი საფეხურიდან მაღალზე, იცვლება საზოგადოებაც. ის ასევე ხდება უფრო სრულყოფილი და ცივილიზებული.

სახელმწიფოსა და სამოქალაქო საზოგადოების შეფარდების კანონზომიერებების გამოვლენა სწორად აანალიზებს კაცობრიობის მიერ განვლილ მთელ გზას, ახდენს სახელმწიფოებრიობის თანამედროვე პრობლემების გაგებას, პოლიტიკური და საკუთრივ სახელმწიფოებრივი ფორმების პერსპექტივების დანახვას, რომლებშიც ვითარდებიან სხვადასხვა ქვეყნების ცოცხალი საზოგადოებები. თავად საზოგადოება არ წარმოადგენს ინდივიდების უბრალო ერთიანობას. ეს რთული სოციალური ორგანიზმია, ხალხის ურთიერთქმედების პროდუქტი, პირველ რიგში, წარმოებასთან, გაცვლასთან და სასიცოცხლო რესურსების მოპოვებასთან დაკავშირებული. საზოგადოება რთული დინამიური სისტემაა კავშირის მქონე ხალხისა, რომლებიც გაერთიანებულნი არიან ჯგუფური, გეაროვნული, კლასობრივი ურთიერთობებით. ეს ისეთი ერთობლიობაა ინდივიდებისა, სადაც მოქმედებს უკვე არა ბიოლოგიური, არამედ სოციალური კანონები.

ჰეგელის აზრით, სამოქალაქო საზოგადოება ეს არის ყველაზე მეტად მოთხოვნილებათა სისტემა, დამყარებული კერძო საკუთრებაზე. ამასთან, სამოქალაქო საზოგადოებაში მოიაზრებოდა რელიგია, ოჯახი, სახელმწიფოებრივი მოწყობა, სამართალი, მორალი, ვალდებულება, კულტურა, განათლება, კანონები და ამ ყოველივედან გამომდინარე, იურიდიული ურთიერთობები სუბიექტებისა. სწორედ ამიტომ, ჰეგელი ხაზს უსვამდა იმას, რომ ასეთი საზოგადოების არსებობა

შესაძლებელია მხოლოდ “თანამედროვე მსოფლიოში”. სხვანაირად რომ ვთქვათ, სამოქალაქო საზოგადოება ეწინააღმდეგება განუვითარებლობას, გაუნათლებლობას, არაცივილიზებულობას.

ჰეგელის (1816) შრომაში სამოქალაქო საზოგადოების უმთავრეს ელემენტად გვევლინება ადამიანი – მისი როლი, ფუნქციები, მდგომარეობა. მისი აზრით, ცალკეული პიროვნება წარმოადგენს ღირებულებას, ფასეულობას.

ერთი შეხედვით შეიძლება ჩანდეს, რომ მარქსიზმში არაფერია ნათქვამი სამოქალაქო საზოგადოებაზე, მაგრამ სინამდვილეში ეს ასე არ არის. მარქსი თავის ნაშრომებში ძალზე ხშირად იხსენიებდა სამოქალაქო საზოგადოების იდეას, იგი მას თვლიდა ადამიანის რეალურ ცხოვრებად. “აიღეთ გარკვეული საფეხური წარმოების განვითარებისა და თქვენ მიიღებთ განსაზღვრული საზოგადოების მშენებლობას, განსაზღვრულ ორგანიზაციას ოჯახისას, კლასებისას, განსაზღვრულ სამოქალაქო საზოგადოებას. აიღეთ განსაზღვრული სამოქალაქო საზოგადოება და თქვენ მიიღებთ განსაზღვრულ პოლიტიკურ მშენებლობას, რომელიც გვევლინება ოფიციალურ გამოხატულებად სამოქალაქო საზოგადოებისა” – წერდა იგი. “ინტერესი – აი რა აკავშირებს ერთმანეთთან სამოქალაქო საზოგადოების წევრებს. რეალურ კავშირად მათ შორის გვევლინება არა პოლიტიკური, არამედ სამოქალაქო ცხოვრება. სახელმწიფო არ აკავშირებს ერთმანეთთან სამოქალაქო საზოგადოების ელემენტებს. მხოლოდ პოლიტიკურ ცრურწმენას შეუძლია წარმოგვადგენინოს ჩვენს დროში, რომ სახელმწიფომ უნდა განამტკიცოს მოქალაქეთა ცხოვრება, სინამდვილეში კი, პირიქით – სამოქალაქო ცხოვრება განამტკიცებს სახელმწიფოს.”

მეტად საინტერესოა საკითხი სახელმწიფოს როლის შესახებ სამოქალაქო საზოგადოებაში. ვეთანხმები რა პროფესორ თამარ გარდაფხაძის აზრს, იურისტთა გარკვეული ნაწილის მტკიცება სამოქალაქო საზოგადოების საქმიანობის სფეროში სახელმწიფო ხელისუფლების სრული იგნორირების შესახებ მიუღებლად მიმაჩნია, რადგან სწორედ სახელმწიფო ხელისუფლებამ უნდა შექმნას ის სამართლებრივი კანონი, რომელიც ხელს შეუწყობს სრულფასოვანი სამოქალაქო საზოგადოების ჩამოყალიბებას სახელმწიფო სამოქალაქო საზოგადოების საქმიანობაში არ უნდა ჩაერიოს

არასამართლებრივი, არაკანონიერი გზით. სწორედ კანონით უნდა იყოს აკრძალული სახელმწიფო ხელისუფლების მოქმედება, რაც არასამართლებრივად მიიხსნება საზოგადოების მხრიდან. სახელმწიფოს განცალკევება საზოგადოებისაგან, რა თქმა უნდა, მიუღებელია.

ყოველივე ზემოაღნიშნულიდან გამომდინარე, სამოქალაქო საზოგადოება ეს არის, თავისუფალი, დემოკრატიული, სამართლებრივი, ცივილიზებული საზოგადოება, რომელშიც ცენტრალური ადგილი უკავია ადამიანს. ეს არის საზოგადოება, სადაც არ არის პირადი ძალაუფლების რეჟიმი, ტოტალიტარიზმი, ხალხის წამება. აქ უმაღლეს დონეზეა აყვანილი კანონი და მორალი, ჰუმანიზმისა და პატიოსნების პრინციპები. სამოქალაქო საზოგადოების უმთავრესი ღირებულებებია: საკუთრება, თავისუფლება და კანონიერება.

Литература

References:

1. TezeiSvili, s. saxelmwifosa da samarTlis Teoria. Tbilisi 2008.
2. nakaSiZe g. (2012, 18 noemberi), „samoqalaqo sazogadoeba: misi miznebi da misi mtrebi”
<http://24saati.ge/index.php/category/society/2012-11-18/33815.html>
10.11.2013:

Khatia Markozashvili **A State and a Civil Society**

Summary

Relationship of civil society and the state is of great importance in political and social sciences - especially since the time of enlightenment.

Initially, civil society and the state were considered like identical concepts, while the state is regarded as the highest form of social organization, which includes a society that consists of citizens, as well as civil and / or social unions and/or associations of all types, shapes and / or levels.

However, in modern social and political sciences, these two forms of social organization or self-organization opposed to each other in the sense of control of each other in order to create and maintain a reasonable balance between the state and civil society. At the one hand this avoids possibility of nascence of dictatorship (supposing domination of the state over

society), and the other full of anarchy and disintegration of society, nation and state (quite likely, given the predominance of private over a general and complete disregard for the state).

Keywords: Civil society; State; Interrelationship between state and society

Reviewer: Professor Otar Bagaturia, Georgian Technical University

Хатია Маркозашвили

Государство и гражданское общество

Резюме

Взаимоотношения гражданского общества и государства приобретает большое значение в политических и социальных науках - особенно со времён Просвещения.

Первоначально, гражданское общество и государство считались идентичными понятиями, при этом государство рассматривается как высшая форма организации гражданского общества, которая включает в себя общество, которое состоит из граждан, а также гражданских и/или общественных объединении всех типов, форм и/или уровней.

Тем не менее, в современных социальных и политических науках, эти две формы социальной организации или самоорганизации противопоставляются друг другу в смысле контроля друг друга ради создания и поддержания разумного баланса между государством и гражданским обществом. Это позволяет избежать с одной стороны образования диктатуры (неизбежной в условиях доминирования государства над обществом), а с другой анархии и полной дезинтеграции общества, народа и государства (вполне вероятной в условиях преобладания частного над общим и полного игнорирования государства).

Ключевые слова: Гражданское общество, государство, взаимосвязь между государством и обществом

Рецензент: Профессор Отар Багатурия, Грузинский технический университет.

УДК 35.073.534

Борис Дзюндзюк
**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ:
 ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА**

В статье проведен анализ виртуальных сообществ с точки зрения их влияния на появление новых субкультур, которые несут потенциальную угрозу для общественной и национальной безопасности. Также рассмотрена проблема роста влияния виртуального пространства на жизнь современного человека.

Ключевые слова: виртуальное сообщество, информационное общество, национальная безопасность, общественная безопасность, угроза.

Наличие хакерских сообществ несет несомненную угрозу для национальной безопасности, причем явную. Но хакеры – это лишь один из видов виртуальных сообществ, «населяющих» киберпространство, поэтому, на наш взгляд, сам феномен наличия и развития виртуальных сообществ, исповедующих во многом новые ценности, представляет ряд потенциальных угроз.

Виртуальные сообщества принадлежат к тем новеллам, которые Интернет привносит в систему общественных связей в целом, это то, что может, по мнению многих авторов, изменить определенным образом жизнь также и вне виртуальной реальности. Вообще, концепция сообществ имеет достаточно длительную историю в социологическом анализе. Считается, что ее основы заложил Ф. Тоннис в своих работах, посвященных рассмотрению отличий между *Gemeinschaft* (сообщество) и *Gesellschaft* (общество) [1]. По мнению Тонниса, сообщество определяется как появившаяся естественным образом и имеющая собственные ценности ассоциация, в то время как общество является сознательно сформированной структурой, в основе которой заложена рациональная логика.

В дальнейшем взгляды Тонниса были развиты многими известными социальными теоретиками, в частности, А. Этzioni и А. Макинтайром. Об актуальности проблемы понимания сущности современных сообществ свидетельствует, например, тот факт, что Белл и Ньюби в результате своих исследований нашли девяносто четыре определения понятия «сообщество», хотя все они, наряду с отличиями, имеют и нечто общее. С точки зрения этого общего весьма удачным представляется определение, данное Б. Уэллманом:

«Сообщества – это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [2]. Однако современные сообщества, в том числе и виртуальные, нельзя рассматривать как «клубы по интересам», поскольку многие исследователи, например, Дж. Кларк [3], отмечают устойчивую тенденцию превращения современного «общества» в «сообщество» (совокупность сообществ).

Эту тенденцию значительно усилил переход к информационной культуре, явившийся следствием развития информационного общества, который связан не только с внешними факторами – созданием человеком новых информационно-коммуникативных систем и технологий, обладающих способностью формировать интерактивные информационно-коммуникативные среды. Но он также вызвал трансформацию сущности всей культуры, ее духовно-ментальных кодов и языков, появление новой системы социализации и формирования идентичности личности. Постиндустриальный мир с его тотальной технологизацией бытия, виртуализацией социокультурного пространства, расширяя каналы передачи социокультурного опыта, одновременно «исключает» ряд традиционных для социализации личности социокультурных технологий, что обеспечивает не только решение задач адаптации человека к новым жизненным условиям, но и к новому пониманию окружающего мира и новому выстраиванию возможностей самореализации в этом мире.

По этому поводу Р. Карнейро, как и многие другие современные культурантропологи, отмечает, что развитие новых информационных, коммуникационных и генетических технологий трансформирует содержание терминов «информация, сети, личность». При этом он задается вопросами, которые также тревожат многих: Что ждет человека в мире, опутанном информационными сетями? Будет ли это общество познания или общество организованной секретности? Будут ли сети способствовать демократии или углублению социальных связей? Заменят ли личности гражданственность или будут участвовать в ее возрождении? [4]

Следует заметить, что подобные сомнения имеют под собой веские основания. Действительно, наряду с явными техническими и технологическими достижениями человечества наблюдаются и последствия появления в жизни человека в течение короткого промежутка времени огромного числа инновационных средств, особенно в сфере коммуникаций (в том числе и межличностных).

Особенной эффективностью по силе своего воздействия на человека отличаются самоорганизующиеся пространства компьютерных информационно-символических миров (виртуальные пространства), которые оказывают влияние на отдельного человека, сообщества, общества и человечество в целом.

Виртуальная реальность в зависимости от контекста и цели создания может выступать для человека в разных своих ипостасях: быть информационно-коммуникативной средой и художественно-эстетическим пространством; создавать игровую ситуацию и при этом включать в нее фрагменты реальной жизни, усиливая сложность понимания и оценки происходящего; формировать особое психологическое состояние, раскрывающее в человеке мир новых эмоций и ощущений, стирающее грани между реальным и ирреальным; являться особой образовательной средой; и, наконец, выступать квазисоциумом – особым типом «нереально существующего» социокультурного пространства, своего рода бытийным модусом «человека виртуального» [5].

И это нельзя оценивать однозначно, поскольку, с одной стороны, современный этап информационного общества открывает широкие перспективы развития человека, допускающего множественность реальностей, использующего информационно-культурные ресурсы посредством различных технических и технологических форм, но при этом осознающего свою «относительную» включенность в эти реальности и признающего первичность реального бытия в физическом и социокультурном пространстве. С другой стороны, существует опасение того, что формирующиеся с помощью технических средств компьютерные информационно-коммуникативные среды (в том числе виртуальная реальность) со временем все больше будут подменять собой обычную реальность, уменьшая осознание «относительности» включенности в них, все больше будут влиять на формирование личности и ее идентичность. И бурное развитие виртуальных сообществ, на наш взгляд, является ярким примером тому.

Термин «виртуальное сообщество» (Virtual Community) предложил Г. Рейнгольд, который дал ему следующее определение: «Виртуальные сообщества являются социальными объединениями, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно, для того чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве» [6]. Следует отметить, что сам Г. Рейнгольд является одним из основателей старейшего виртуального сообщества The Whole Earth

‘Electronic Link (WELL).

Активному формированию виртуальных сообществ способствует развитие новых информационно-коммуникативных сред, которые посредством уникальных технологий, основанных на интерактивности, мультимедийности, глобальности, анонимности, асинхронности, низких предельных издержках обеспечивают коммуникации индивидов. Такие «социальные» объединения формируются по мере того, как возникают точки пересечения пользователей, имеющих общие интересы (дискуссии, конференции и пр.) или проявляющих интерес к определенной теме и т.д. На этих базовых тезисах выстраиваются дальнейшие «зоны взаимного интереса», способствующие взаимопониманию и готовности принять новые ценности.

Современные виртуальные сообщества можно разделить на несколько основных категорий:

- сообщества интересов, которые собирают людей с одинаковыми интересами (такими, как политические, социальные, культурные, экономические и т.п.) или являются специализированными (сообщества молодых родителей, клубы любителей определенных марок машин и т.п.);

- игровые сообщества, которые дают своим пользователям возможности создавать собственную среду, истории и персонажи в придуманных мирах (ярким примером является сообщество игроков известной онлайн-игры Second Life);

- географические сообщества, основанные на географическом расположении или местности (часто такие сообщества объединяются посредством локальных сетей);

- сообщества взаимоотношений, которые сформированы вокруг определенного жизненного опыта, такого как потеря любимого/ой, диагноз заболевания раком, преодоление алкогольной и наркотической зависимости или другие важные события, где люди могут делиться своим опытом и обмениваться мнениями;

- коммерческие сообщества, где отношения построены на купле и продаже товаров и услуг онлайн. У таких сообществ имеются три отличительные черты: надежная коммерческая и социальная среда, взаимная поддержка и полномочия на совершение сделок, что позволяет сделать особо сгруппировано-специализированные товары привлекательными для продавцов, распространяя, таким образом, базу уже существующих товаров.

- виртуальные государства, – отдельно стоящий вид виртуальных сообществ, о котором речь пойдет ниже.

Посредством создания виртуальных сообществ в киберпространстве создается уникальная ситуация, формирующая определенные субкультуры, в которых «утрачивают свое значение многие социальные стереотипы, предрассудки и статусно-ролевые условности, играющие роль коммуникативных преград в реальной жизни, поскольку пользователь Интернета не может видеть собеседника в киберпространстве – знать его пол, возраст, национальное и расовое происхождение, его профессию, внешность, уровень дохода. Автор может придать этим характеристикам публичный характер, если только сам того пожелает» [7].

Это приводит к тому, что формируется новое поколение людей, которые идентифицируют себя с другими людьми, одновременно «сосуществующими» в двух пространствах – социальном и виртуальном, но предпочитающими в большей степени работать и отдыхать, общаться и развлекаться в сетевом пространстве. Причем, этих людей нельзя отнести к подавляемым меньшинствам или игнорируемым социумом группам. Виртуальная культура постепенно формирует особый тип личности, становление и развитие которой во многом определяется системой сетевых взаимодействий.

Несомненно, особое влияние виртуальная культура оказывает на детей и подростков с еще несложившейся психикой, для которых создание виртуальных двойников и частая «смена» ролей еще больше могут усилить потерю интереса к реальной жизни [8]. Но люди других возрастов также проводят время в виртуальном пространстве, общаясь в воображаемой реальности, которая может восприниматься ими в качестве подлинной социокультурной реальности. При этом, чем дольше длится их пребывание в виртуальном пространстве Интернета, тем *понятнее, ближе и приемлемее* становятся законы информационно-коммуникативной среды. Возможно, именно поэтому программисты всего мира сегодня работают не столько над достижением большей реалистичности изображений, сколько над повышением «когерентности» среды, усилением эффекта присутствия в другой реальности [9].

В связи с вышеизложенным важными являются ответы на два вопроса: Каковы негативные последствия распространения виртуальных сообществ могут быть для общества? Каковы негативные последствия распространения виртуальных сообществ могут быть для государства, в том числе для национальной безопасности?

Ответы на эти вопросы имеют «две стороны медали». Так, отвечая на первый вопрос, можно отметить две точки зрения:

პესსიმისტურსა და ოპტიმისტურს. «პესსიმისტები», მაგალითად, რეინგოლდი [10] და მაიროვიცი [11] მიიჩნევენ, რომ ვირტუალური საზოგადოებები აშორებს ხალხს, რადგან მათ აღიარებენ მათთვის უშუალო კავშირს, ა, გარდა ამისა, იწვევს მორალური ნიშნების და ეთიკური ნორმების დაშლას. თუმცა ეს შეხედულება უფრო რეაქციულია ახალი საზოგადოების მიმართ. «ოპტიმისტები» კი მიიჩნევენ, რომ ვირტუალური საზოგადოებების გაჩენა ნaturalური რეაქციაა «საზოგადოებო შიმშილზე», რომელიც დაინტეგრაციის ტრადიციული საზოგადოებების მთელს მსოფლიოში.

ეს დროს მკვლევარები ხშირად მიმართავენ იდეას «მესამეი სივრცის», რომელიც აღიარებულია როგორც ადგილი, რომელიც გამოყოფილია სახლიდან, ისევე როგორც სამუშაოდან, ანუ ეს არის რამდენიმე საზოგადოებრივი ადგილი, მაგალითად კაფე, კლუბები, ბარები და სხვა. რადგან ვირტუალური საზოგადოების «მესამეი ადგილები» დაკარგეს თავიანთი მნიშვნელობა, მაშასადამე ტრადიციული საზოგადოებები, რომლებიც დაკავშირებულია მათთან, დაშლას განიცდის. თუმცა საზოგადოებებში საჭიროება დარჩენილია, და ის შეძლოდა რეალიზაციას მადლობა ვირტუალური ქსელების განვითარებას და ვირტუალური საზოგადოებების, რომლებიც ახალი ფორმები და მეთოდები საზოგადოებრივი ექსკლუზიის, მაგალითად, რასობრივი, რელიგიური, ეთნიკური ან კლასური მიკერძობის, დაკარგეს თავიანთი მნიშვნელობა.

რეალურად, ვირტუალური საზოგადოებები არის ადგილი, სადა ინდივიდუალური თავისუფლება საზოგადოებრივი ბარიერებისგან, რომლებიც შეიქმნება შედეგად «ფიზიკური კონკრეტული» იდენტურობის. თუმცა უნდა აღინიშნოს, რომ ყოველი წევრი ვირტუალური საზოგადოების უნდა აკმაყოფილებს მისი საზოგადოების წესებს, მინიმუმ ის იქნება მისიგან «გამოაყენებული», მაგრამ ეს საზოგადოებები რეალურად პრაქტიკულად არარეგულირებადიდან მხარეს არის მიმართული და მათი წევრები წარმოადგენს, ისინი განვითარდა პრინციპის მიხედვით ავტორგანიზაციის ქსელების სივრცეში. ეს არის – ახალი ტიპის აკრძალვის ხალხს. მგონია, რომ ხალხს აკრძალვის მათი ინტერესები და რეგულარული კავშირი, მაგრამ ეს მათი კომუნიკაციები არის დადებული მკაცრად ფარგლებში (რადგან განსაზღვრულია აუცილებელი წესები, რომლებიც აღინიშნება ზემოთ, და არსებობს), და, მათი საკუთარი სახელი საზოგადოებრივი რეალურობაში, ისინი მიიღობენ ვირტუალური სივრცეში ახალი სახელი («ნიკ»), ახალი-ახალიდან განაწილებს როლებს და დამყარებს კავშირს, რომელიც შეიძლება არის ან არის არის ვირტუალური სივრცეში საზოგადოებრივი.

არადასადა, ეს მიზნობრივად, არ არის შემთხვევითი რომელიც ვირტუალური საზოგადოებები ითვლებს უკვე მილიონებს ხალხს, მაგრამ ეს ამ დროს მოხდება და განსაზღვრულია საფრთხე.

Однако при этом часто виртуальность становится характеристикой человека, постепенно утрачивающего способность к самореализации в социуме; человека, теряющего свою свободу взамен доступа к информационно-коммуникативным средам, у которого происходят принципиальные, глубинные изменения в градации информации (смещение жизненно важной информации с фоновой информацией, достоверной и недостоверной и т.д.), когда социокультурное пространство начинает восприниматься им как виртуальная среда, насыщенная сильным, нерасчленным потоком разной по своей ценности информации. И это огромное увеличение разнородной информации в культурном поле индивида, которое при этом катастрофически снижается за счет сокращения каналов социальной коммуникации (прежде всего, общения) не способствует социализации и развитию личности.

Это может быть опасным. Не случайно в настоящее время внимание исследователей привлекает как негативный фактор желание все большего числа людей проводить все больше свободного времени в виртуальном пространстве, а не в реальном мире, где они могут и должны (не только для общества, но и для самих себя) реализовать собственные желания и проявить свои возможности, потому что культура любого общества всегда держится на свободе и творчестве индивидов. Однако для многих «людей сети» это становится непосильной задачей, – как известно, среди наиболее распространенных деструктивных явлений, обусловленных влиянием компьютеризации и виртуализации социокультурной среды на молодых пользователей, выделяется явление «Internet Addiction Disorder» (Интернет-аддикция, Интернет-зависимость), которая проявляется в чрезмерном увлечении компьютерными играми, программированием, киберобщением посредством электронной почты, коммуникациями в ICQ, чатах, web-форумах, телеконференциях и т.п. [12].

Уже сегодня виртуальное время для многих людей становится временем анонимной социальности, ибо у них происходит совмещение социального и виртуального времени. Так, проводя время в виртуальном пространстве, человек становится как бы а-социальным в «реальности». Но это утверждение справедливо лишь отчасти, ибо в информационно-коммуникативной сети усложняется общая картина процессов взаимодействия любого уровня, они переводятся в режим нелинейности и человек в одно и то же время может участвовать в виртуальной конференции, общаться в чат-руме, оставлять сообщение в форуме, отсылать письмо по электронной почте или SMS-

сообщение на мобильный телефон, т.е. взаимодействовать и с реально существующими членами общества, и с виртуальными образами. Однако по сути происходит подмена реального на виртуальное: *присутствие* сменилось *посещением*, а экзистенция – анонимностью. «Маскарад – диагноз информационного общества, где что, а не как сказанное становится наиболее значащим, где локутивное превалирует над иллокутивным, где коммуникационное – информация значимее коммуникативной информативности», – заключает С.В.Лещев [13].

Поэтому общество и государство должны осознавать весь спектр опасностей и рисков длительного нахождения человека в квазисоциуме, брать на себя ответственность за тиражируемые в информационно-коммуникативных системах культурные формы и практики, модели поведения, учитывая, что качественные характеристики искусственных сред «задают» социокультурную программу развития современного человека.

Необходимость ответа на второй из обозначенных вопросов связана с дискуссией о влиянии виртуальных сообществ и киберпространства в целом на политику. Представители так называемого «радикального лагеря», например, В. Вристон [14], считают, что *виртуальные сообщества облегчают возможность объединения личностей, ставящих перед собой задачу захвата власти, в том числе и незаконного*. Это действительно может представлять угрозу, что продемонстрировала деятельность уже «новых» террористических организаций, которые используют виртуальное пространство как место общения, разработки и обсуждения преступных планов. Такое общение намного безопаснее «физических» встреч в оффлайне, поскольку может вестись из самых различных концов мира, что делает невозможным акции «накрытия» членов террористических организаций в момент их сбора. Подобный опыт вполне может использоваться другими группами, ставящими перед собой непосредственно задачу захвата власти.

Также виртуальные сообщества могут незаметно подрывать некоторые государственные основы. Уже сейчас существуют так называемые «виртуальные государства», имеющие почти все атрибуты государственности (герб, флаг, правительство, законы и т.п.), за исключением территории. Но если предположить, что граждан какого-то из таких государств станет достаточно много, то они при желании смогут совместно купить, например, какой-нибудь остров, создав таким образом «традиционное» государство. Или купить участок на Луне, поскольку, кто сказал, что территория

государства должна быть только на Земле? А представим, что подобных виртуальных государств будет становиться все больше, причем граждане этих государств будут отказываться от своего реального гражданства в пользу виртуального.

Т.е. традиционные государства могут вполне вероятно столкнуться с тем, что многие их граждане уже не являются их гражданами, живут по другим законам, а главное подчиняются другому «правительству». Причем, не следует забывать, что формой правления виртуальных государств, как и виртуальных сообществ вообще, обычно является то, что можно назвать «демократической теократией», – во главе находится «бог», т.е. главный модератор виртуального пространства, слово и решение которого является обязательным к беспрекословному выполнению (иначе член сообщества просто может быть из него исключен), но все остальные «граждане» абсолютно равны в своих правах и возможностях, независимо от своего «реального» социального статуса, имущественного положения и других характеристик. Опять же представим, что «богом» окажется человек, преследующий антигосударственные цели и имеющий в своем распоряжении целую «армию» послушных граждан. Примеры так называемого «флешмоба» показывают, что можно очень быстро и эффективно организовать большую группу людей для совершения какого-то действия.

Ведь что такое флешмоб? Это, по сути, когда множество *незнакомых*, по крайней мере, в реальной жизни, людей откликаются на *чей-то* призыв прибыть куда-то и *совершить что-то*. Важно отметить, что *подобное возможно только в рамках виртуальной культуры*, поскольку для людей, далеких от нее, подобное поведение, скорее всего, покажется неприемлемым. Для людей же, разделяющих ценности виртуальной культуры, это вполне нормально.

Сам флешмобинг, как движение, непосредственной угрозы, конечно же, не представляет, поскольку по правилам его организации он не должен преследовать политических целей и создавать угрозы общественной безопасности. Но опасна сама технология подобной организации множества людей в одно время, в одном месте и с общей *кем-то определенной* целью. Применение этой технологии можно было видеть во время последних парламентских выборов в Молдове, когда множество молодых людей пришло протестовать под стены Парламента, получив соответствующий призыв по SMS. Закончилось это все разгромом здания молдавского парламента и серьезными общественными беспорядками.

Флешмобинг является очень *эффективной технологией организации общественных беспорядков в реальном пространстве посредством использования виртуального и эксплуатации ценностей виртуальной культуры*. В качестве примера можно придумать такую ситуацию. Представим, что кто-то организовал флешмоб «Поклонение футбольному богу», идея которого состоит в том, чтобы на площади перед правительственным зданием собралось несколько сотен людей в форме одной из футбольных команд, которые стали бы возносить молитву футбольному мячу. Вместе с этим среди наиболее агрессивных настроенных фанов футбольной команды-соперника распространяется информация о данном действе, с призывом не допустить его. С очень высокой степенью вероятности это приведет к массовой драке, на которую, несомненно, отреагируют власти, отдав приказ правоохранительным органам пресечь беспорядки. А тем временем к месту событий придут журналисты из наиболее критически настроенных по отношению к правительству СМИ, которые в нужный момент по электронной почте получили сообщение о том, что «власть избивает своих граждан» и соответствующий пресс-релиз. А теперь представим, что подобное организовано не в одном городе страны, а во всех крупных городах. После такого вполне возможна волна беспорядков, связанная с протестом в отношении действий властей.

Таким образом, развитие виртуальных сообществ и виртуальной культуры может представлять существенную потенциальную угрозу для национальной безопасности, тем более, что в скором будущем с большой долей вероятности появятся и другие технологии организации людей, как в виртуальном, так и реальном пространстве, которые, подобно флешмобингу, будут базироваться на ценностях и нормах поведения, обусловленных виртуальной культурой.

В связи с этим представляется важным, чтобы государства стали принимать непосредственное участие в жизни виртуальных сообществ, не отмахиваясь от них, как от чего-то несерьезного. Понятно, что прямое государственное регулирование деятельности виртуальных сообществ является неприемлемым, да и невозможным. Однако государственные органы могут выступать *как партнеры* в создании и обеспечении функционирования данных сообществ. На практике это может быть предоставление виртуального пространства на государственных порталах (например, по типу yahooogroups), проведение различных акций и конкурсов для членов сообществ, размещение социальной рекламы, создание мест бесплатного доступа для людей, которые самостоятельно не могут позволить себе этого и

т.п. Необходимо, чтобы осуществлялся постоянный мониторинг деятельности виртуальных сообществ, а также чтобы была создана специальная группа правительственных сотрудников – «агентов влияния», имеющих специальную техническую и психологическую подготовку, обязанностью которых было бы активное участие в жизни виртуальных сообществ в качестве их постоянных членов. Это позволит, по крайней мере, минимизировать те угрозы, которые могут исходить от самого существования и развития виртуальных сообществ.

ლიტერატურა

References:

1. Roszak, T. The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking. – Cambridge: Lutterworth Press, 1986.
2. Wellman, B. Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community — London: Allen and Unwyn, 1998.
3. Clarke, J. Public nightmares and communitarian dreams: the crisis of the social in social welfare //in S. Edgell, K. Hetherington and A. Warde (eds) Consumption Matters. — Oxford: Blackwell, 1996.
4. Карнейро Р.Обучение для всех в течение всей жизни и новые программы // Ключи от XXI века: Сб.статей / Пер с фр.яз. – М.,2004. С.170.
5. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. – М.,2002. С. 175-290.
6. Кремлева С.О. Сетевые сообщества. [Электронный ресурс]. – <http://www.follow.ru/print.php?id=116&page=1>.
7. Туронок С.Г. Субкультура Интернет-сообществ // Культура России как ее стратегический ресурс. Тетради Международного университета (в Москве): Сб.научных трудов. Вып.2. – М.,2004. С.211.
8. Скородумова О.Б. Культура информационного общества. – М.,2004. С.67-68.
9. Дойч Д. Структура реальности / Пер. с англ. – М.-Ижевск, 2001. С.102-144.
10. Rheingold, H. A Slice of Life in My Virtual Community. 1992. [Электронный ресурс]. – <http://www.informatik.uk/gnomic/rheingold.html>.
11. Meyrowitz, J. No Sense of Place: The Impact of Electronic Media on Social Behaviour. — New York: Oxford University Press, 1985.
12. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию

социокультурных процессов: возможности и пределы. – М.,2002. С..228-288.

13. Лещев С.В. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное. – М.,2002. С.117.

14. Wriston, W. The Twilight of Sovereignty — New York: Charles Scribner, 1992.

Рецензент: Виталий Соловых, доктор наук по государственному управлению, доцент, профессор кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

ბორის ძიუნძიუკი

ვირტუალური გაერთიანებების გავრცელება: პოტენციალური საფრთხე

რეზიუმე

სტატიაში გაანალიზებულია ვირტუალური გაერთიანებები ახალი სუბკულტურების წარმოშობაზე ზეგავლენის კუთხით, რომლებიც არიან პოტენციალური საფრთხის მატარებლები საზოგადოებრივი და ეროვნული უსაფრთხოებისათვის. განხილულია აგრეთვე თანამედროვე ადამიანის ცხოვრებაზე ვირტუალური სივრცის ზეგავლენის ზრდის პრობლემა.

საკვანძო სიტყვები: ვირტუალური გაერთიანება, ინფორმაციული საზოგადოება, ეროვნული უსაფრთხოება, საზოგადოებრივი უსაფრთხოება, საფრთხე.

რეცენზენტი: პროფესორი ვიტალი სოლოვიხი, სახელმწიფო მართვის დოქტორი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრა.

Boris Dziundziuk

THE SPREADING OF VIRTUAL COMMUNITIES: POTENTIAL THREAT

Summary

The virtual communities in terms of their impact on the emergence of new subcultures that can be a potential threat to public and national security are analyzed in the article. Also the problem of growing influence of the virtual space on the life of modern people is considered.

Keywords: virtual community, information society, national security, public security, threat.

Reviewer: Vitaly Solovih, doctor of sciences, professor of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine.

თორნიკე ნიორაძე
ადგილობრივი თვითმმართველობის შემდგომი ანალიზი
ამერიკის შეერთებულ შტატებში

ადგილობრივი ხელისუფლების ეფექტიანი მუშაობის საწინდარს წარმოადგენს მართვის ორგანიზაციული სტრუქტურის სწორად შერჩევა.

არსებობს ადგილობრივი თვითმმართველობის ორგანოების და ზოგადად თვითმმართველობის ინსტიტუტის ორი განმსაზღვრელი ფაქტორი: არჩევითობა და უფლებათა განსაზღვრული კომპლექსი. თვითმმართველობის ადგილობრივ ორგანოებს უნდა გააჩნდეთ საკუთარი კომპეტენცია, ფლობდნენ საკმაოდ რეალურ უფლებებსა და შესაძლებლობებს.

საკვანძო სიტყვები: ადგილობრივი თვითმმართველობა, რეალური უფლებები, შესაძლებლობები.

ჯერ კიდევ 1788 წელს ჯეიმს მედისონი წერდა, რომ ... „თუკი კრიტიკიკის ძიებისას ჩვენ მივმართავთ სხვადასხვა პრინციპებს, რომლებზეც დაფუძნებულია მართვის სხვადასხვა ფორმები, მაშინ რესპუბლიკა, ან სახელმწიფოებრივი მოწყობა რომელიც იმსახურებს, რომ ასეთი ერქვას, შეიძლება განვსაზღვროთ როგორც მმართველობა, რომლის დროსაც მთელი ძალაუფლება, პირდაპირ ან ირიბად, ამოდის ხალხის მთელი მასიდან, ხოლო ხორციელდება ცალკეული პირების მიერ, რომლებიც აღასრულებენ თავიანთ თანამდებობებს გარკვეული დროის განმავლობაში, ან ვიდრე გამოირჩევიან უზადო ქცევით. რესპუბლიკური მმართველობის ფორმისათვის ძალიან მნიშვნელოვანია, რომ იგი მოდიოდეს მთელი საზოგადოებიდან, და არა მისი უმნიშვნელო ნაწილის ან პრივილეგირებული კლასებიდან. ამგვარი მმართველობისათვის საკმარისია, რომ თანამდებობის პირები, პირდაპირ ან ირიბად, ინიშნებოდნენ თვით ხალხის მიერ და აღასრულებდნენ თავიანთ თანამდებობებს ნათლად აღნიშნულ პირობების შესაბამისად“.[3]

ამერიკის შეერთებული შტატების ადგილობრივი თვითმმართველობის ორგანიზაციის სისტემის ანალიზმა საშუალება მოგვცა გავგეგოთებინა შემდეგი დასკვნები:

ამერიკის გამოცდილებაში დაგვანახა, რომ ადგილობრივი თვითმმართველობა ზეგავლენას ახდენს ფედერალურ

ურთიერთობებზე პარტიული მექანიზმის მეშვეობით, ასევე დაწოლის ჯგუფების მეშვეობით, რომლებიც წარმოადგენენ ადგილობრივი ხელისუფლების ინტერესებს ფედერალურ დონეზე და შტატების საკანონმდებლო ორგანოებში. შეერთებულ შტატებში, ისევე როგორც ზოგადად ყველა დემოკრატიულ სახელმწიფოში, ადგილობრივი თვითმმართველობა, როგორც დაწოლის ჯგუფი, კარგად არის ორგანიზებული ნაციონალურ მასშტაბში. საკმაოდ დიდი პოლიტიკური წონის მატარებლები არიან საგრაფოების, მუნიციპალიტეტების მერების და ა.შ. ასოციაციები, რომლებსაც ჰყავთ საკუთარი წარმომადგენლები ვაშინგტონში, ადგილობრივი თვითმმართველობის საწყისი სტადია შეერთებულ შტატებში დაფუძნებულია შემდეგ ფუნდამენტალურ შემადგენლებზე:

-სახელმწიფოს ვალდებულება უზრუნველყოს ადგილობრივი თემების თვითმმართველობა, რომელზედაც მათ აქვთ პოლიტიკური უფლება. ეს კი პრაქტიკულად იმას ნიშნავს, რომ პრობლემათა უმრავლესობა, თუ ყველა არა, უნდა გადაწყვიტონ იმ ადამიანება, რომლებიც მათ შეეჯახნენ. ადგილობრივი საკითხების გადაწყვეტა მსგავსი მიდგომით წარმოადგენს ყველაზე ეფექტიანს.

-თვითმმართველობის პოლიტიკური უფლების სრული გამოყენებისათვის აუცილებელია ძლიერი საკანონმდებლო ბაზა. კანონმა უნდა უზრუნველყოს ადგილობრივი ავტონომიის მაღალი ხარისხი, ადგილებზე გადაწყვეტილებების მიღების პროცესში მოსახლეობის დემოკრატიული მონაწილეობა და მყარი ფინანსური საფუძველი.

-ამერიკის შეერთებულ შტატებში არსებობს ადგილობრივი მმართველობის 5 ძირითდი ფორმა, რომლებსაც აერთიანებენ ზემოთ ჩამოთვლილი ფუნდამენტალური შემადგენლები. ეს ფორმები ასახავენ ქვეყნის გამოცდილებას ადგილობრივ დონეზე დემოკრატიის მისაღწევად და იმის გაკეთების აუცილებლობას, რომ დემოკრატიამ ადგილებზე უნდა უზრუნველყოს ადგილობრივი თვითმმართველობის ქმედითუნარიანობა.

ამერიკის შეერთებული შტატების მუნიციპალური მმართველობის ფორმების კომპარატივისტულმა კვლევამ გამოავლინა მისი შემდეგი ღირსებები და ნაკლოვანებები:

ღირსებები:

- ძველი ისტორიული ტრადიციის თანახმად არჩევითი წარმომადგენლობითი ორგანო აკმაყოფილებს ამომრჩეველთა მოთხოვნილებებს;

- კარგად გამოავლინა თავი პატარა ქალაქებსა და სოფლად;

- ძლიერი ლიდერობა ცენტრალიზებული პასუხისმგებლობით ხელს უწყობს პოლიტიკის რეალიზაციას, მაგრამ ამავედროულად პოლიტიკაზე კონტროლს ინარჩუნებს საბჭო;

- ქალაქს მართავს პროფესიონალური ხელმძღვანელი და ქალაქის ხელმძღვანელობა ხორციელდება კომპანიის მართვის მსგავსად;

- უბრალო ორგანიზაციული სტრუქტურა საშუალებას იძლევა პოლიტიკის სწრაფი და მტკიცე განხორციელებისათვის;

- დემოკრატიის „სუფთა“ (Pure) ფორმა გარანტიაა იმისა, რომ ყველა ამომრჩეველს აქვს შესაძლებლობა მონაწილეობა მიიღოს ქალაქის მართვაში.

- კარგად მოქმედებს საგანგებო სიტუაციებში;

ნაკლოვანებები:

სუსტი მერი

- უფლებამოსილებისა და პასუხისმგებლობის გაფანტვა;

- ძლიერი ლიდერის ნაკლებობა;

- პოლიტიკურმა ვაკუუმმა შეიძლება გამოიწვიოს პოლიტიკურ ცხოვრებაში „ბოსების“ გაჩენა და ერთ-ერთი პარტიული მანქანის გაბატონება;

ძლიერი მერი

- პასუხისმგებლობა ძალიან დიდია ერთი ადამიანისათვის;

- მერი შეიძლება რომ არ იყოს პროფესიონალური მმართველი.

საბჭოს ხელმძღვანელი

- მიღავრი და ეფექტიანი პოლიტიკური ხელმძღვანელობის ნაკლებობა;

- ხელმძღვანელი ცდილობს მოახდინოს პოლიტიკური ფუნქციების უზურპირება;

- ხელმძღვანელი შეიძლება იყოს ქალაქისათვის „უცხო“, და ცდილობდეს მხოლოდ კარიერის გაკეთებას.

კომისია

- ერთი ორგანიზაცია ასრულებს როგორც საკანონმდებლო ასევე პოლიტიკურ ფუნქციებს;
 - შეკავებისა და დაბალანსების ნაკლებობა;
 - არავინ არ არის საერთო ადმინისტრაციული პასუხისმგებლობის მატარებელი;
 - ძნელია ისეთი კანონმდებლების შერჩევა, რომლებსაც გააჩნიათ მართველობითი უნარ-ჩვევები.
- საქალაქო კრება/წარმომადგენლობითი საქალაქო კრება
- ძნელია გრძელვადიანი დაგეგმარების განხორციელება;
 - რთულია ყველა მოქალაქის საკმარისი ინფორმირებულობის დონის უზრუნველყოფა;
 - დოკუმენტების მომზადება შეიძლება გართულდეს;
 - ხშირია დაბალი დასწრება ყოველწლიურ კრებებზე.

დასკვნა

ადგილობრივი თვითმმართველობის ნაციონალური და ზენაციონალური სისტემების ფორმირებისას ურთიერთმოქმედებს სამი ძირითადი ფაქტორი:

სამართლებრივი პრინციპები, რომლებიც განსაზღვრავენ ამა თუ იმ სამართლის ოჯახისადმი კუთვნილებას;

სახელმწიფოებრივი მოწყობა და მასთან დაკავშირებული ძალაუფლებრივი უფლებამოსილებების ტერიტორიული განაწილების პრინციპები;

ადგილობრივი მმართველობის ორგანიზაციის ისტორიული ტრადიციები, რომლებიც ვლინდებიან სამართლის კონკრეტულ ნორმებში და მართვის ინსტიტუტების მექანიზმებითობაში (უპირველეს ყოვლისა – მათი ორგანიზაციული სტრუქტურების და უფლებამოსილების).

სამივე ფაქტორი ყალიბდება როგორც შიდა ისტორიული განვითარების საფუძველზე, ასევე მრავალრიცხოვანი გარე ზეგავლენის ხარჯზე.

ამგვარად, დასავლურ დემოკრატიულ სახელმწიფოებთან მიმართებაში ჩვენ შეგვიძლია ვიმსჯელოთ ადგილობრივი მმართველობის ხუთი მაკროსისტემის არსებობაზე: ბრიტანულ, რომანულ, ამერიკულ, გერმანულ და საკანდინავურზე. ეს არ არის ამომწურავი ტიპოლოგია: სპეციფიკური ნიშნები გააჩნია ადგილობრივი თვითმმართველობის ორგანიზაციას ლათინურ ამერიკაში, აღმოსავლეთ ევროპაში და მით უმეტეს აზიურ და აფრიკულ სახელმწიფოებში.

ადგილობრივი თვითმმართველობის ამერიკული სისტემისათვის დამახასიათებელია შემდეგი სამართლებრივი კონცეფციები: ადგილობრივი თანამეგობრობა ცალკეული სოციალური წარმონაქმნია, რომელსაც გააჩნია თვითმმართველობის უფლება საკუთარი ინტერესების გამოსახატავად; სახელმწიფოებრივი ინტერესები (შტატის ინტერესები) უნდა დომინირებდნენ ადგილობრივ ინტერესებზე; ინტერესთა ბალანსი მიიღწევა მოლაპარაკებებითა და შეთანხმებებით, შტატების წამყვანი როლის გათვალისწინებით; ხელისუფლების ადგილობრივი ორგანოები ემორჩილებიან არა ცენტრს, არამედ მოსახლეობას და კონტროლის დამოუკიდებელ ორგანოებს (კონტროლი საჯარო მმართველობის სისტემის პოზიციიდან მთლიანობაში).

სამართლის ნორმებს კი ახასიათებს: ხელისუფლების ორგანოების არჩევითობის აუცილებლობა, რომლებსაც გააჩნიათ სრული უფლებამოსილება ადგილობრივ დონეზე; შტატებს უფლება აქვთ დეტალურად არეგულირონ ხელისუფლების ადგილობრივი ორგანოების სტატუსი და უფლებამოსილებანი; ხელისუფლების ადგილობრივი ორგანოების სტატუსი წარმოადგენს შტატის ელისუფლებასა და მათ შორის მიღწეული კომპრომისის შედეგს; ხელისუფლების სხვადასხვა დონის ორგანოებს შეუძლიათ დადონ ფინანსური შეთანხმებები; ამომრჩევლების მიერ კონტროლის განვითარებული ფორმები (ხშირი არჩევნები, გაწვევა, რეფერენდუმი და სხვა), არჩევითი ორგანოებისა და სასამართლოების კონტროლი.

მართვის ორგანოებისათვის დამახასიათებელია უამრავი დარგობრივი სამსახურების არსებობა, რომლებიც არ არიან დაკავშირებული არც მთავრობასთან და არც ადგილობრივ თვითმმართველობასთან. ამ სამსახურების უმადლესი რანგის თანამდებობის პირები, ხშირ შემთხვევაში არჩეულები არიან.

ადგილობრივი ხელისუფლების კარგი მუშაობის საწინდარს წარმოადგენს მართვის ორგანიზაციული სტრუქტურის სწორად შერჩევა.

ლიტერატურა

References:

1. amerikis SeerTebuli Statebis konstitucia. Tbilisi 1993.
2. melqaZe o. konstitucionalizmi. Tbilisi 2008.
3. James Madison. Conformity of the Plan to Republican Principles. The Federalist No. 39. Independent Journal Wednesday, January 16, 1788. <http://www.constitution.org/fed/federa39.htm>
4. Местное самоуправление (управление) в зарубежных странах: учеб.пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» /А.С.Прудников, Л.А.Ларина, М.В.Максютин, и др.,; под ред. А.С.Прудникова. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007.
5. Фененко Ю.В. Муниципальные системы зарубежных стран: правовые вопросы социальной безопасности/Ю.В. Фененко.М.: МГИМО-Университет, 2004.

Tornike Nioradze

Comparative Analysis of Local Government in the United States

Summary

Proper selection of organizational structure of management is a precondition of efficient operation of local government.

There are two main principles of local self-government bodies and self-government in general. These principles are: electivity and a definite complex of rights. Local self-government bodies shall have their own competences, possessing quite real rights and opportunities.

Keywords: local self-government, real rights, opportunities.

Reviewer: Professor Nunu Ovsianikova, Georgian Technical University

Торнике Ниорадзе

Сравнительный анализ местного самоуправления в США

Резюме

Правильный выбор организационной структуры управления является необходимым условием эффективной работы органов местного самоуправления.

Есть два основных принципа органов местного самоуправления и института самоуправления в целом: выборность и определенный комплекс прав. Органы местного самоуправления должны иметь свои собственные полномочия, обладая вполне реальными правами и возможностями.

Ключевые слова: местное самоуправление, реальные права, возможности.

Рецензент: Профессор Нуну Овсянникова, Грузинский технический университет.

УДК 355.58. 477.61

Дмитрий Полковниченко

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В статье рассмотрена специфика государственного управления в условиях чрезвычайных ситуаций; определены факторы, влияющие на надежность функционирования системы государственного управления в условиях чрезвычайных ситуаций; детально рассмотрен процесс государственного регулирования в сфере рисков в условиях чрезвычайных ситуаций и процесс разработки эффективной стратегии управления рисками чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: государственное управление, чрезвычайная ситуация, эффективность, надежность, риск.

Чрезвычайная ситуация (ЧС) является сложным явлением, возникает на определенной территории в результате негативного влияния природных, социально-политических и техногенных процессов на окружающую среду, население и на созданные человеком технические объекты, несет угрозу человеческих и материальных потерь. Поэтому ЧС требуют особого внимания со стороны органов государственного управления и всестороннего изучения учеными. Это связано с тем, что государство в лице органов государственного управления может влиять на ЧС только путем предотвращения их возникновения и ликвидации последствий, что возможно только на базе научных исследований в области естественных, инженерных наук, социологии, экономики, права, государственного управления. Кроме того, существует проблема однозначности в определении термина «чрезвычайная ситуация» среди отечественных и зарубежных ученых, а также его различные толкования в действующем законодательстве Украины, которые в недостаточной степени учитывают ЧС социально-политического и военного характера.

Под государственным управлением в условиях ЧС следует понимать целенаправленное организующе-регулирующее воздействие государства (через систему его органов и должностных лиц, которые ответственны за осуществление управления в условиях ЧС), направленное на обеспечение нормальных условий жизнедеятельности человека и общества, функционирования государства, объектов экономики и инфраструктуры, недопущение

(или уменьшение) материальных потерь и ущерба окружающей среде в случае возникновения ЧС и ликвидации их последствий [1; 2].

Несмотря на это, государственное управление в условиях ЧС имеет определенные особенности. Его специфика обусловлена сложностью и многовариантностью сценариев развития ЧС, их уникальностью, быстрыми темпами изменений и способностью негативно влиять на жизнь и деятельность человека и окружающей среды, различными масштабами ущерба (от отдельной личности до глобальных последствий для всего человечества). Следует также принять во внимание существование нескольких режимов (повседневного, повышенной готовности, ЧС, чрезвычайного положения, военного положения), в которых вынуждены функционировать органы государственного управления в условиях ЧС, и необходимость оперативного перехода в них в зависимости от сложившейся ситуации. Вследствие этого сокращается время на разработку, принятие и реализацию адекватных ситуации управленческих решений; возрастает вероятность ошибок и просчетов из-за быстрых изменений обстановки, рост неопределенности и уменьшение достоверности информации и времени на ее обработку; возникает необходимость привлечения дополнительных ресурсов из резервов, а также дополнительных сил и средств для ликвидации последствий ЧС; увеличивается объем и интенсивность работы; возникает дополнительная психологическая нагрузка на управленческий персонал; появляются проблемы, решение которых не регулировано законодательно.

В связи с этим действие некоторых принципов государственного управления в обычных условиях отличается от их действия в условиях ЧС. В частности, это касается общих управленческих принципов ритмичности (нарушается равномерность выполнения процессов во времени), распараллеливания (исчезает резерв времени) и снижение интенсивности работ (интенсивность растет). Усиливается влияние принципа ограничения информации. Снижается влияние принципа федерализма и делегирования полномочий (растет централизация) и адаптации (требует времени, которого мало). В ряде принципов принятия решений фактор времени приближается к критическому при снижении достоверности информации. Появляются дополнительные требования к управленцам (в частности к профессиональной и психологической подготовке), которые невозможно игнорировать.

В свою очередь, основной акцент при определении «эффективности» в моделях оценки эффективности государственного управления делается на определении так называемой экономической

эффективности, основу которой составляют расходы и доходы. А учет других факторов, в частности социальных и экологических, при использовании таких моделей усложняется из-за того, что оценить их в денежном выражении не всегда возможно [3].

Провести оценку эффективности государственного управления в условиях ЧС по таким критериям затруднительно, поскольку главной целью этой деятельности является не приумножение общественных и частных благ, а предотвращение потерь, уменьшение и по возможности их избежание (человеческие жертвы, потеря людьми здоровья, материальные и другие убытки) в результате ЧС различного характера сегодня и в будущем. Это связано с тем, что результатом такой деятельности является предотвращение возникновения ЧС, локализация и ликвидация их последствий. Поэтому оценивать эффективность государственного управления целесообразно с помощью одной из ключевых его характеристик, которой является *надежность*, так как именно надежность функционирования системы государственного управления в условиях ЧС обуславливает его эффективность.

Смысл, место и значение надежности в различных сферах управления техническими системами, в биологии, психологии, философии дают основания утверждать, что она важна и для государственного управления. Как отмечает советский исследователь В.Г. Пушкин [4], надежность является фактором, который объективно присущ системам и благодаря которому можно установить объективную меру соотношения действительных актов системы с ее функциональным назначением и описать ее эффективность. Надежность функционирования системы государственного управления в условиях ЧС можно определить как вероятность своевременного и качественного выполнения возложенных на нее задач, направленных на достижение определенной цели управленческого влияния на объекты управления в рамках выделенных ресурсов. При этом очевидно, что принятие своевременных и адекватных управленческих решений в условиях ЧС позволяет свести к минимуму возможные человеческие, материальные и другие потери и снизить риск недостижения цели управленческого воздействия.

На наш взгляд, основными факторами, которые влияют на надежность функционирования системы государственного управления в условиях ЧС являются: риск, информация, время, персонал, ресурсы, структура системы.

Внедрение на государственном уровне управления рисками на основе интегральной оценки опасностей и нормативное закрепление приемлемого уровня риска с учетом ресурсных ограничений и экономических возможностей страны, а также присваивание приоритетного значения предотвращению ЧС по сравнению с ликвидацией их последствий способствует снижению вероятности их возникновения, а, следовательно, и масштабов ущерба.

Снижение негативного влияния информационного фактора заключается в максимально возможном снижении уровня неопределенности, обеспечении системы управления достоверной информации, предотвращении возникновения ошибок при ее передаче и обработке, учете всех важных данных при разработке управленческих решений.

Особенностью фактора времени является то, что он не подвергается воздействию со стороны человека и его недостаток невозможно компенсировать никакими ресурсами. Уменьшить отрицательное влияние этого фактора на подготовку, принятие и реализацию адекватной ситуации управленческого решения можно с помощью четкой отработанной процедуры принятия решений), а также введения одновременного параллельного выполнения задач (при условии их независимости друг от друга и от последовательности выполнения).

Управление в условиях ЧС выдвигает дополнительные требования к управленческому персоналу: наличие знаний по анализу и управлению рисками и антикризисному управлению, умение принимать обоснованные безошибочные решения в условиях быстрых изменений и недостатка достоверной информации о ситуации, а также определенные личные качества (психологические, физиологические, моральные).

Ресурсы являются источником достижения всех целей государственного управления. Но они всегда ограничены, поэтому используемый для предотвращения возникновения ЧС и повышения надежности функционирования системы размер ресурсов не должен превышать размер убытков, которые могут повлечь ЧС и недостаточный уровень надежности. Кроме того, следует отметить, что при формировании законодательной базы для регламентации управленческой деятельности в условиях ЧС заранее невозможно урегулировать все проблемные вопросы из-за того, что в процессе развития общества, науки и техники возникают новые виды угроз и рисков.

Организационная структура системы является материальным воплощением ее функций. От рациональности построения системы зависит четкость выполнения поставленных перед ней задач. Поэтому надежность функционирования системы государственного управления в условиях ЧС зависит от качества структурных элементов, экономически обоснованной избыточности особенно важных из них, способности к адаптации в новых условиях и выполнению новых функций, рациональности и контролируемости связей между элементами структуры.

Рассмотрим более подробно процесс государственного регулирования в сфере управления риском. Он должен включать: оценку убытков, прогноз рисков, снижение их уровня до приемлемого. Управление рисками – это необходимое условие эффективного управления современными сложными системами и сложный процесс принятия решений и осуществления соответствующих мероприятий, направленных на обеспечение минимально возможного уровня риска, при этом целью управления рисками должно быть обеспечение устойчивого развития вообще и экологической и природно-техногенной безопасности в частности.

В более узком смысле целью управления рисками в контексте ЧС является уменьшение количества и минимизация социально-экономических последствий ЧС техногенного и природного происхождения в стране путем внедрения современных механизмов регулирования в этой сфере на основе риск-ориентированного подхода и обеспечения приемлемого уровня безопасности населения и территорий. В Украине, например, система управления в ЧС построена в виде структурной схемы, которая определяется в соответствии с методическими рекомендациями МЧС «Организация управления в чрезвычайных ситуациях» [5]. Она, в частности, включает в себя управление рисками возникновения ЧС и в настоящее время требует совершенствования и развития:

- системы предупреждения и механизмов государственного регулирования управления рисками ЧС;
- системы ликвидации ЧС, включая оперативное реагирование, технические средства и технологии проведения аварийно-спасательных работ, первоочередного жизнеобеспечения и реабилитации пострадавшего населения;
- системы подготовки руководящего состава органов управления, специалистов и населения в сфере снижения рисков возникновения ЧС и уменьшения их масштабов.

Таким образом, стратегический подход к управлению рисками ЧС, должен быть введен в каждом отдельном регионе и осуществляться на основе профилактических мероприятий по его снижению. Заложенные в его основе принципы заключаются в том, что человеческие потери наравне с экономическим ущербом от катастроф можно уменьшить путем предварительного планирования и осуществления капиталовложений, которые оправданы с экономической точки зрения и это должно быть приоритетной задачей правительства. Разработку эффективной стратегии управления рисками ЧС можно условно разделить на следующие этапы [6]:

Определение и оценка риска. На этом этапе определяется, в какой степени страна подвержена риску, возможный экономический и социальный ущерб от него, на что приходится основной риск.

Уменьшение риска. Здесь определяются подходящие и осуществимые структурные и неструктурные меры для уменьшения физического вреда, необходимые механизмы реагирования на ЧС, каким образом лучше осуществлять финансирование и поддержку мероприятий по уменьшению риска.

Готовность к ЧС. Определяется в достаточной ли мере страна готова к реагированию на ЧС в организационном и техническом отношении, способен ли существующий механизм координации и реагирования функционировать в условиях нагрузки во время ЧС, насколько эффективно интегрированы в систему реагирования на ЧС государственные и негосударственные, двусторонние и международные организации по оказанию помощи.

Финансирование риска катастроф. На этом этапе проводится оценка финансовых возможностей страны по ликвидации ущерба от событий катастрофического характера, определяется наличие (отсутствие) дефицита средств, а также финансовые инструменты, являющиеся наиболее подходящими для его устранения.

Создание институциональной основы. На последнем этапе проводится оценка потенциала страны в сфере управления ЧС на разных уровнях государственного управления, определяется, есть ли наличие институционально-координационного механизма, обеспечивающего стратегическое планирование и принятие решений на центральном, региональном и местном уровнях.

Вышеупомянутые этапы необходимы, но не достаточны для разработки эффективной стратегии управления рисками ЧС. Не стоит пренебрегать такими вопросами, как:

- математическое моделирование, которое широко применяется в различных областях науки, поскольку является эффективным

методом исследования сложных систем и процессов и дает возможность проанализировать поведение исследуемых систем в широком диапазоне входных параметров, в различных режимах функционирования и выявлять наиболее влиятельные факторы и характер воздействия ЧС, что в общем может быть использовано для обеспечения эффективности предупредительной деятельности системы управления;

– экономическое моделирование научного, материально-технического и ресурсного обеспечения мероприятий по предупреждению ЧС, т.е. своевременная мобилизация научного потенциала вместе с ресурсным и материально-техническим обеспечением, их рациональное распределение и использование, что приведет к эффективной реализации предупредительных мер и минимизации возникновения ЧС. Расходы должны быть эффективными. В общетеоретическом аспекте необходимо обеспечить высокое соотношение «эффект-затраты» по каждому конкретному мероприятию (влиянию), как на этапе принятия решений, так и на этапе реализации. Поскольку экономический эффект от мероприятий сводится к предотвращенным убыткам, то он не всегда воспринимается руководителями объектов хозяйствования как реальный эффект.

Поскольку достичь абсолютного уровня надежности техногенных и природных процессов и устранить угрозу возникновения ЧС невозможно, по крайней мере, на данном этапе развития цивилизации, то, естественно, наращивание вложений в предупреждение возникновения ЧС должно иметь разумные пределы. Очевидно, что необходимо заранее определять приемлемый уровень безопасности и, исходя из него, планировать меры. При этом необходимо обеспечить целевое и эффективное использование средств.

ლიტერატურა

References:

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления [Текст] / Г.В. Атаманчук. – М : Омега-Л, 2004. – 301 с.
2. Глазунова Н.И. Система государственного управления [Текст] / Н.И. Глазунова. – М : Юнити-Дана, 2002. – 551 с.
3. Нагимова А.М. Эффективность деятельности государственных органов управления как фактор повышения качества жизни в регионе: проблемы оценки и измерения [Текст] / А.М. Нагимова. – Казань : Казан. гос. ун-т., 2009. – 188 с.

4. Пушкин В.Г. Проблема надежности [Текст] / В.Г. Пушкин. – М : Наука, 1971. – 190 с.
5. Методичні рекомендації «Організація управління в надзвичайних ситуаціях», затверджені наказом МНС від 5 жовтня 2007 року № 685 / [під заг. ред. В.М. Антонця]. – К : Всеукраїнський науково-дослідний інститут цивільного захисту населення і територій від надзвичайних ситуацій техногенного та природного характеру МНС, 2007. – 128 с.
6. Порфирьев Б.Н. Управление безопасностью в природно-техногенной сфере на основе концепции риска [Текст] / Б.Н. Порфирьев // Управление риском. – 2002. – № 2. – С. 36-42.

Рецензент: Вячеслав Дзюндзюк, доктор наук по государственному управлению, профессор, заведующий кафедрой политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

დიმიტრი პოლკოვნიჩენკო
სახელმწიფო მართვის თავისებურებები საგანგებო სიტუაციის პირობებში

რეზიუმე

სტატიაში განხილულია სახელმწიფო მართვის სპეციფიკა საგანგებო სიტუაციის პირობებში; განსაზღვრულია ფაქტორები, რომლებიც ზეგავლენას ახდენენ სახელმწიფო მართვის სისტემის ფუნქციონირების საიმედოობაზე საგანგებო სიტუაციების პირობებში; დეტალურად არის განხილული სახელმწიფო რეგულირების პროცესი საფრთხეების სფეროში და საგანგებო სიტუაციებში რისკების მართვის ეფექტიანი სტრატეგიის შემუშავების პროცესი.

საკვანძო სიტყვები: სახელმწიფო მართვა, საგანგებო სიტუაცია, ეფექტიანობა, საიმედოობა, რისკი.

რეცენზენტი: პროფესორი ვიანესლავ ძიუნდიუკი, სახელმწიფო მართვის დოქტორი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის გამგე.

Dmitry Polkovnichenko
THE PECULIARITIES OF PUBLIC MANAGEMENT IN THE
CONTEXT OF EMERGENCIES

Summary

The features of public administration and the factors affecting the reliability of functioning of public administration system in emergency situations are considered in the article. Also the process of government regulation in the field of risk in emergency situations and the process of developing an effective risk management strategy are discussed in detail.

Keywords: public management, emergency, efficiency, reliability, risk.

Reviewer: Viacheslav Dziundziuk, doctor of sciences, professor, Head of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine

УДК 352.072.2

Владимир Лобойченко
СПЕЦИФИКА ВЫРАБОТКИ СТРАТЕГИИ ДЛЯ ПУБЛИЧНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассмотрена проблема влияния публичности организации на процесс разработки организационной стратегии. Также рассмотрены отличия тех факторов, которые должны учитываться при разработке стратегии для публичных и частных организаций.

Ключевые слова: *публичная организация, частная организация, выработка стратегии.*

Большинство, если не все управленческие процедуры были созданы для частного сектора и в частном секторе. И хотя уже довольно долго существует определенная традиция адаптации идей, методов, техник частного сектора для публичного, есть две точки зрения на этот процесс. Такие известные исследователи как Дж. Перри и Г. Рейни считают, что в принципе адаптация возможна, но осуществлять ее следует, учитывая разницу между данными секторами и специфические особенности организаций публичного сектора. При этом можно ожидать, что не всегда адаптация будет успешной, – успех в частном секторе не гарантирует успеха в организациях со значительной степенью публичности.

Однако есть и другая точка зрения. Так, например, Дж. Блюменталь, Л. Креймер, Б. Митник и Б. Боузман считают, что все организации являются публичными и именно публичность является ключом к пониманию «поведения» организаций. В данном контексте понятие «публичности» отражает степень влияния публичной власти на деятельность организации, а так как такое влияние в той или иной степени всегда присутствует, следовательно, и все организации можно считать публичными [3].

Понятие «публичности» в указанном выше значении ведет к существенному размыванию границ между частным и публичным сектором, а публичные организации перестают быть синонимами органов власти. И если согласиться с тем, что все организации имеют признаки публичных, то можно закономерно сделать вывод, что управленческие процедуры, в том числе и стратегического менеджмента, о котором пойдет речь далее, применимы для любой

организации и не требуют при этом какой-либо адаптации. Истина, как это часто бывает, лежит посередине, а основная проблема заключается в том, каким образом понимается и трактуется разница между организациями частного и публичного секторов.

«Публичный» и «частный» – термины, заимствованные из латинского языка: дословно, публичный означает «общественный», а частный – «отделяемый». Для того чтобы разделить по каким-либо критериям публичный и частный сектор (и организации в этих секторах) была разработана не одна классификация. Так, Перри и Рейни определили различия во внешней среде, ограничениях, стимулах и культуре [8]. Бенн и Гаус предложили разделять публичные и частные организации в зависимости от того, являются ли «приобретения и потери» общественными или индивидуальными, от открытости организации для общественного вмешательства в ее деятельность [2]. Но, пожалуй, наиболее распространенным критерием деления является понятие «публичного интереса», то есть то, насколько организация действует в интересах общественности, а не частных лиц.

Но *целью* данной статьи является не рассмотрение собственно разницы между публичными и частными организациями, а того, каким образом различаются для них те факторы, которые необходимо учитывать при выработке стратегии организации. Такие факторы можно объединить в три группы, – внешней среды, взаимодействия и организационные. Рассмотрим данные факторы подробнее.

Факторы внешней среды. Существует много внешних по отношению к организации факторов, влияющих на нее, но в качестве наиболее существенных можно выделить два: рыночные особенности и политическое влияние.

Рыночные особенности. Подавляющее большинство публичных организаций испытывают недостаток в «экономических» рынках, которые обеспечивают их ресурсами в виде доходов, поскольку, с одной стороны, зависят от бюджетного финансирования, а с другой, услуги, предоставляемые ими, являются бесплатными для потребителей. Таким образом, публичные организации могут длительное время избегать решения проблемы эффективности, так как финансирование не ставится в зависимость от результатов деятельности. Кроме этого, они не имеют возможности выбирать для себя рынки или переходить с одних рынков на другие, рынки определяются для них «сверху».

Частные же организации не могут позволить себе «роскошь» пренебрегать проблемой эффективности. Поэтому они опираются в

своей деятельности на анализ поведения клиентов, который служит для них первичным источником информации и на основании которого организации выбирают рынки и производимую ими продукцию и/или предоставляемые ими услуги. При этом в качестве основного критерия используется эффективность.

Значительные различия между публичными и частными организациями наблюдаются и в таком вопросе как конкуренция за клиентов на рынке. Если для частных организаций это одна из основных проблем, то для публичных такой проблемы не существует, – конкуренция для них считается нецелесообразной или даже запрещенной. Напротив, предполагается, что в отношениях между организациями публичного сектора должно доминировать сотрудничество. Хотя нельзя сказать, что конкуренция между публичными организациями полностью отсутствует, – она встречается, но имеет иной характер, – это конкуренция не за клиентов, а за получение дополнительных ресурсов. В связи с этим, конкурентные модели стратегического менеджмента нельзя широко использовать в организациях со значительной степенью публичности, должна быть выработана такая стратегия, которая усиливала бы аспект сотрудничества с другими организациями, создавала бы своеобразные «коалиции интересов».

Публичные организации очень редко и неохотно специально собирают информацию, описывающую внешнюю среду, рынки услуг, на которых они действуют, а также «обратную» информацию, – мнение потребителей о предоставленных услугах, – поскольку не считают такую информацию необходимой. Это обуславливает слабость рыночных сигналов, что в свою очередь приводит к ситуации, когда стратегия развития публичных организаций производится в условиях дефицита или отсутствия информации о внешней среде. В этом публичные организации также отличаются от частных, которые, напротив, постоянно собирают различные рыночные данные и имеют сильные рыночные сигналы, позволяющие судить об успехах и неудачах, и, следовательно, правильно корректировать свою деятельность в нужном направлении.

Наконец, заканчивая рассмотрение основных рыночных особенностей, следует отметить, что в публичных организациях критерии качества услуг, очень часто или неоднозначные, либо вовсе отсутствуют. А если таковые и имеются, то они не всегда являются адекватными. Частные же организации, как правило, имеют ясные, понятные и адекватные критерии качества, периодически пересматриваются (посредством проведения маркетинговых

исследований).

Несколько иная ситуация складывается, когда публичные организации осуществляют также и хозрасчетную деятельность. В этом случае, в определенных сегментах рынка их поведение будет во многом аналогичным частным организациям, хотя и здесь они будут более ограниченными в самостоятельности, например, в формировании ценовой политики.

Политическое влияние. В отличие от частных организаций, взаимодействие которых с окружающей средой строго регламентировано законодательством и осуществляется в более или менее жестких рамках, публичные организации часто испытывают «неформальное» влияние со стороны различных политических субъектов. Это может быть и давление со стороны общественных лидеров, политических партий или лоббистских групп, и директивные документы, которые иногда отражают политическую конъюнктуру, и просто «пожелания» со стороны руководства вышестоящих организаций. Такого рода вмешательства можно ожидать в любой момент, причем они могут конфликтовать друг с другом.

Конечно, полностью избежать политического влияния в публичных организациях невозможно, однако, возможно и следует при выработке стратегии предусмотреть создание «буферов», которые минимизируют количество и нивелируют последствия внешних вмешательств (например, формируя собственные или присоединяясь к уже существующим группам влияния).

Особенность рассматриваемых факторов внешней среды, ее «турбулентность» требуют ее предварительной оценки с целью определения тенденций, характеризующих поведение и ожидания различных реципиентов и, прежде всего, субъектов влияния, что позволит понять, каким образом можно учитывать их в стратегии, с одной стороны, для получения максимальной пользы для организации, а с другой, – для того, чтобы успешно противодействовать негативным воздействиям (это более свойственно политическому влиянию).

Оценка рыночных параметров также необходима. Она поможет публичным организациям посмотреть на услуги, оказываемые ими, «свежим взглядом», изменить их количество, качество и характер в соответствии с нуждами клиентов.

Факторы взаимодействия. Публичные организации по характеру своей деятельности имеют многочисленные и часто сложные отношения с различными субъектами. Как отмечает Кейден [4], «...деятельность публичных организаций создает запутанную паутину взаимодействий, что вызвано значительной меж- и

внутриорганизационной координацией». К основным факторам взаимодействия публичных организаций с внешней средой можно отнести следующие: «принудительность» услуг, влияние на окружающую среду, общественное внимание и правособственность.

«Принудительность» услуг. Эта особенность взаимодействия публичных организаций со своими клиентами замечалась не одним исследователем (см., напр., [6]). Она заключается в том, что, с одной стороны, клиенты, как налогоплательщики, финансируют предоставляемые публичными организациями услуги, независимо от собственного желания, а с другой, они «вынуждены» потреблять эти услуги, практически не имея альтернативы и свободы выбора.

Стратегический менеджмент в публичных организациях может использовать «принудительность» услуг в качестве одного из ключевых элементов стратегии, в отличие от частных организаций, где это понятие неприменимо.

Влияние на окружающую среду. Публичные организации по сравнению с частными больше влияют на окружающую среду, при этом их действия могут оказывать значительное социальный эффект, что связано со спецификой предоставляемых услуг. Эту особенность также следует учитывать при выработке стратегии, поскольку «... публичная организация, которая влияет на жизнь общества и его жизнеспособность и вооруженная возможностями, связанными с «принудительностью» услуг, может и должна решать задачи, которые не под силу частному сектору» [10]. Кроме того, отмеченная особенность накладывает на публичные организации дополнительную ответственность, требующую прогнозирования возможных последствий принимаемых решений и совершаемых ими действий.

Общественное внимание. Давно было отмечено, что по мере увеличения публичности организаций увеличивается и внимание к их деятельности со стороны общественности [6]. Поэтому в нынешних условиях демократизации общества публичные организации должны быть готовы к тому, чтобы отказаться от закрытости, все еще характерной для них как следствие советской системы.

Но даже в условиях неполной «прозрачности» механизмы подотчетности и контроля, ограниченность самостоятельности делают все действия публичных организаций (даже такие как выработка стратегии) предметом рассмотрения вышестоящих субъектов. Поэтому при выработке стратегий для публичных организаций хотелось бы обратить внимание на два существенных момента.

Во-первых, большее внимание следует уделять возможности участия в выработке стратегии внешних реципиентов. Иногда сам

факт «причастности» позволяет нивелировать существующие между организацией и реципиентами противоречия или трения.

Во-вторых, следует учитывать, что политический аспект стратегии для публичных организаций гораздо более значим, чем для частных. Политические субъекты редко вмешиваются в деятельность и процесс развития частных организаций (за исключением тех случаев, когда они являются для государства стратегически значимыми), чего нельзя сказать о публичных организации, о деятельности которых практически каждый политический субъект имеет свое «особое мнение» (о чем уже упоминалось выше и что обуславливает определенную «защитную» направленность стратегии).

Правособственность. При так называемой «множественной» собственности, характерной для публичных организаций, каждый настоящий или потенциальный клиент может чувствовать себя одним из владельцев. В связи с этим, «клиенты ожидают от публичных организаций по отношению к себе честности, внимательности, чуткости и ответственности. От частных организаций ожидается, в принципе, то же самое, но, все же, в меньшей степени» [5].

Соответственно, эта особенность также накладывает свой отпечаток при выработке стратегии, – в публичных организациях необходимо учитывать чаяния и желания клиентов относительно услуг, предоставляемых им. Значительную помощь в этом могут оказать маркетинговые исследования. Наряду с ними (но, ни в коем случае, не как замена) возможно проведение встреч с жителями, общественных собраний, организация «горячих» телефонных линий и т.п. мер, которые очень редко используются частными организациями.

Несомненно, все это сказывается на стратегии, поэтому, если для частных организаций более характерны проактивные стратегии, то для публичных – реактивные стратегии.

Организационные факторы. К ключевым организационным факторам, определяющим разницу между публичными и частными организациями и влияющим на выработку стратегии, можно отнести: цели, ограниченность полномочий, критерии эффективности и стимулы.

Цели. По мнению некоторых авторов [1; 9], разница между публичными и частными организациями определяется, прежде всего, различием их целей. Публичные организации имеют, как правило, сложные, множественные цели, которые, с одной стороны, не определены однозначно, а с другой, не согласуются между собой. То есть в большинстве публичных организаций не существует достаточно ясного и четко сформулированного видения целей своей деятельности,

исходя из которого, можно было бы судить о ее успешности. Такое видение подменяется смесью требований субъектов влияния, положений должностных инструкций, ожиданий клиентов и других реципиентов, которые могут конфликтовать между собой.

Кроме того, для публичных организаций справедливость в отношении клиентов в предоставлении им услуг важнее, чем эффективность (в отличие от частных организаций, для которых эффективность является доминирующим аспектом деятельности), что также добавляет «туманности» при определении целей.

В то же время выработка стратегии требует наличия в организации ясных целей, в связи с чем, отмеченная проблема заслуживает самого серьезного внимания, а некоторыми исследователями даже рассматривается как «самый критический момент в стратегическом менеджменте для публичных организаций» [7].

Ограниченность полномочий. Как точно отметил П. Натт, «стратегический менеджмент для публичных организаций должен осуществляться в джунглях юрисдикции» [7], подчеркивая тем самым, с одной стороны, множественные законодательные ограничения самостоятельности деятельности публичных организаций, а с другой стороны – запутанность законодательного поля.

А Готроп также пишет по этому поводу: «Руководители публичных организаций имеют меньше власти и полномочий для того, чтобы изменить систему, которой они должны управлять, или придать ей новый вид, чем руководители частных организаций. ...Ограниченность автономии и гибкости действий – неотъемлемые спутники публичности» [5, 46]. Такие ограничения касаются, прежде всего, распределения ресурсов, которое осуществляется в условиях жесткого внешнего контроля и в установленных рамках, что, помимо всего прочего, играет не последнюю роль в существовании таких негативных явлений как избирательность в отношениях и фаворитизм. Поэтому при выработке стратегии следует четко понимать и определять рамки самостоятельности, так называемые «степени свободы», согласно которым и определять следующие действия.

Критерии эффективности. Можно напрямую связать «туманность» целей публичных организаций и сложность определения для них критериев эффективности. А как наиболее серьезные последствия неопределенности критериев эффективности следует выделить:

- невозможность однозначного определения «успеха или

неуспеха» в деятельности организации;

– недостаточную «активность» в действиях (поскольку «не к чему стремиться»), что ведет к инерции, негибкости в действиях и низкому уровню внедрения инноваций.

Стимулы. Для частных организаций стимулирование сотрудников напрямую связано с эффективностью их работы. Понятно, что в публичных организациях с неопределенными критериями эффективности «справедливое» (т.е. без присутствия субъективного компонента) применение стимулов затруднено. Также следует отметить характерную для публичных организаций доминанту нематериальных стимулов (престижность работы, гарантия занятости, стабильность зарплаты и т.п.) над материальными, в то время как в частных организациях наблюдается противоположная ситуация. И если распределение материальных поощрений не вызывает затруднений, то по нематериальным этого сказать нельзя. Так, например, невозможно ежемесячно награждать работника гарантией занятости или престижности работы. Более того, достаточно проблематично связывать усилия сотрудников с такими стимулами.

Некоторые авторы (см., напр., [9]) считают, что стимулы играют незначительную роль в обеспечении эффективности публичных организаций, поэтому при выработке стратегии процессом стимулирования можно, в принципе, пренебречь. Однако стратегический менеджмент в публичных организациях обязательно должен обращать на него внимание и учитывать отмеченные особенности, поскольку стимулирование является неотъемлемой частью организационной культуры. А для создания эффективной системы стимулирования, прежде всего, необходимо выработать действенные критерии эффективности деятельности организации, исходя из которых, можно определять индивидуальный вклад каждого сотрудника в решение общих задач и отмечать тех, кто заслуживает поощрения. Далее, следует более активно применять материальные стимулы (обычно, в пределах имеющихся возможностей), а из нематериальных отдавать предпочтение «личностным» (таким, например, как грамоты, благодарственные письма и т.п.).

Неоднозначность целей и неопределенность критериев эффективности, ограниченность полномочий, стимулы, которые трудно идентифицируются, – все это, как уже отмечалось, создает преграды, не преодолев которые, невозможно выработать эффективную стратегию.

Все вышеперечисленное дает нам основание сделать два следующих вывода:

- публичность организаций в значительной степени определяет их характеристические особенности;
- данные особенности такие, что не позволяют применять «прямо» подходы и процедуры стратегического менеджмента, разработанные для частного сектора, к публичным организациям, а требуют их адаптации. Рассмотрение подходов к такой адаптации может стать дальнейшим направлением исследований в данной сфере.

Литერатура:

References:

1. Baker, R. Organizational Theory in the Public Sector // Journal of Management Studies. – Feb. 1989. – P. 15-32.
2. Benn, S. I., and Gaus, G. F. Public and Private in Social Life. – New York: St. Martin's Press, 2004. – 382 p.
3. Bozeman, B. All Organizations Are Public: Bridging Public and Private Organizational Theories. – San Francisco: Jossey-Bass, 1997. – 407 p.
4. Caiden, G. E. The Dynamics of Public Administration. – Hinsdale: Dryden Press, 1991. – 389 p.
5. Gawthrop, L. C. Administrative Politics and Social Change. – New York: St. Martin's Press, 2005. – 235 p.
6. Mainzer, L. C. Political Bureaucracy. – Glenview: Foresman, 1998. – 273 p.
7. Nutt, P. C. Evaluation Concepts and Methods. – New York: Spectrum, 2003. – 349 p.
8. Perry, J. L., Rainey, H. G. The Public Private Distinction in Organization Theory: A Critique and Research Strategy // Academy of Management Review. – 1998. – № 13 (2). – P. 182-201.
9. Roessner, J. D. Incentives to Innovate in Public and Private Organizations: Implications for Public Policy // Administration and Society. – 1997. – № 9. – P. 341-365.
10. Wortman, M. S., Jr. Strategic Management in Not-for-Profit Organizations. – Boston: Little, Brown, 2004. – 451 p.

Рецензент: Вячеслав Дзюндзюк, доктор наук по государственному управлению, профессор, заведующий кафедрой политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

ვლადიმერ ლობოიჩენკო
საჯარო ორგანიზაციებისათვის სტრატეგიის შემუშავების
სპეციფიკა

რეზიუმე

სტატიაში განხილულია ორგანიზაციის სჯაროობის ზეგავლენა ორგანიზაციული სტრატეგიის შემუშავების პროსესზე. ასევე განხილულია იმ ფაქტორების განსხვავებები, რომლებიც გათვალისწინებული უნდა იყოს საჯარო და კერძო ორგანიზაციების სტრატეგიის შემუშავებისას.

საკვანძო სიტყვები: საჯარო ორგანიზაცია, კერძო ორგანიზაცია, სტრატეგიის შემუშავება.

რეცენზენტი: პროფესორი ვიანესლავ ძიუნდიუკი, სახელმწიფო მართვის დოქტორი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის გამგე.

Volodymyr Loboichenko

THE PECULIARITIES OF STRATEGY WORKING OUT FOR PUBLIC ORGANIZATIONS

Summary

Almost all if not all management strategies were created for private organizations and there is a problem of adapting them to public organizations. The article is devoted to the consideration of how the publicity of organizations influences on the strategy working out process. It is also considered the difference of the factors, which are had to be taking into account during the strategy working out process, for public and private organizations.

Keywords: public organization, private organization, strategy development.

Reviewer: Viacheslav Dziundziuk, doctor of sciences, professor, Head of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine.

ღაწილი შამოქვიძე საჯარო
სამსახურის ეთიკა

არსებობს საფუძველი, ველოდოთ, რომ საჯარო სამსახურის წარმომადგენლებს სულ უფრო ხშირად მოსთხოვენ არა მარტო საკანონმდებლო მითითებების შესრულებას, არამედ იმასაც, რომ მათ განსაზღვრონ და გამოთქვან საზოგადოების მნიშვნელოვანი ინტერესები, დაიცვან საყოველთაოდ აღიარებული მორალური პრინციპები და წესები.

საკვანძო სიტყვები: საჯარო სამსახური, ეთიკა.

შესავალი

საჯარო სამსახურის წინაშე წამოჭრილი პრობლემებიდან ერთ-ერთი ყველაზე მნიშვნელოვანი სახელმწიფო მოქმედებისთვის სათანადო ეთიკური საფუძველის შექმნაა. ჩვენი თაობის წვლილი საჯარო სამსახურის განვითარებაში, საჯარო მართვის მორალური და ეთიკური ნორმების გარკვევა და ამ ნორმების მიხედვით მართვა უნდა იყოს.

საჯარო მართვა განიხილება არა მხოლოდ როგორც მენეჯერული ან პოლიტიკური საქმიანობა, არამედ საჯარო მართვა სულ უფრო მეტად მიიჩნევა ეთიკის საკითხადაც. ნებისმიერი საჯარო მოსამსახურის ყოველ ქმედებას საფუძვლად, საჯარო პოლიტიკის ჩამოყალიბების თუ აღსრულების ეტაპზე, ზნეობრივი, ეთიკური საკითხი უდევს. არსებობს საფუძველი, ველოდოთ, რომ საჯარო სამსახურის წარმომადგენლებს სულ უფრო ხშირად მოსთხოვენ არა მარტო საკანონმდებლო მითითებების შესრულებას, არამედ მათ განსაზღვრონ და გამოთქვან საზოგადოების მნიშვნელოვანი ინტერესები.

რას ნიშნავს საჯარო სამსახურის არა მხოლოდ მენეჯერულ და პოლიტიკურ, არამედ აგრეთვე, მორალურ და ეთიკურ საქმიანობად აღიარება? ერთის მხრივ, ეს ნიშნავს, რომ საჯარო მოხელეებმა უნდა გამოავლინონ ქვეყნის უმაღლესი სტანდარტები. გარდა ამისა, თუკი საჯარო სამსახურს მორალურ და ეთიკურ საქმედ ჩავთვლით, უნდა ვადიაროთ, რომ მათი ყველა ქმედება მოიცავს ძალისხმევას აღმოაჩინოს და ნათელი გახადოს საზოგადოებრივი ინტერესი.

მომავალი საჯარო მოსამსახურე აქტიურად უნდა იყოს ჩართული როგორც პოლიტიკის განვითარებაში, ისე საზოგადოებრივი ინტერესის მიმართაც მოუწევს გულისხმიერება, ვინაიდან საჯარო სამსახური დემოკრატიის განსაკუთრებული მოწოდებაა და ის, ვინც დასაქმებულია საჯარო სამსახურში, საზოგადოებრივი ნდობის სადარაჯოზე დგას.

საჯარო სამსახურისადმი ნდობა და საზოგადოების მზადყოფნა მონაწილეობა მიიღოს მთავრობის მუშაობაში, შეიძლება გაჩნდეს მხოლოდ იმ შემთხვევაში, თუ საზოგადოება დარწმუნდება, რომ სახელმწიფო და საჯარო მოხელეები ემსახურებიან საზოგადოებრივ ინტერესს (და არა მხოლოდ საკუთარს) და ამას სათანადო ცოდნითა და პასუხისმგებლობით აკეთებენ; მხოლოდ მას შემდეგ, რაც დემოკრატიის მეთოდებისა და იდეალებისადმი ჩვენი ერთგულება ყველასათვის ნათელი გახდება, შევძლებთ კვლავ ვაქციოთ საჯარო სამსახური ჩვენი საზოგადოების უმაღლეს მოწოდებად.

დემოკრატიული იდეალებისადმი ერთგულება მოიცავს გულისხმიერებისა და ჩართულობის, აგრეთვე, თანასწორობისა და სამართლიანობის პრინციპების ერთგულებას. ერთი წუთით წარმოვიდგინოთ მიზეზები, რომლებსაც ადამიანები საჯარო სამსახურში სამუშაოდ მიჰყავს, რომ საჯარო მოხელისთვის უპირველესი მიზანი უნდა იყოს სხვების კეთილდღეობაზე ზრუნვა. ალბათ ყველა სხვა ჯგუფზე მეტად, საჯარო მოხელეები თავისი მდგომარეობიდან გამომდინარე ხედავენ და ესმით ეს პრობლემები. მათ უნდა შესწევდეთ ძალა განსაზღვრონ წარსული პოლიტიკის შეცდომები, შემოგვთავაზონ ალტერნატიული გზები და არჩეულ პირებთან ერთად განახორციელონ. მართლაც, მათ ამგვარად მოქმედების მორალური პასუხისმგებლობა გააჩნიათ.

საჯარო სამსახურის წინაშე არსებული გამოწვევები არსებითია და საჯარო პროგრამებში მონაწილე პირების წინაშე მენეჯერული, პოლიტიკური და ეთიკური ხასიათის საკითხებს აყენებს. ეს საკითხები მკვლევარებისა და პრაქტიკოსების მხრიდან საჯარო მართვის სფეროში და მის გარეთ ფრთხილ ანალიზსა და პროდუქტიულ ქმედებას მოითხოვს. უპირველეს ყოვლისა, ეს არის გამოწვევები, რომელთა დროს საჭიროა პასუხისმგებლობა, როგორც პასუხისმგებლობით ქმედების თვალსაზრისით, ისე ჩვენი

იდებებისა და ქმედებებისთვის პასუხისმგებლობის აღების თვალსაზრისით.

საჯარო სამსახური გვაყენებს საკმაოდ რთული პირადი და პროფესიული არჩევანის წინაშე, მაგრამ პასუხისმგებელმა საჯარო მოხელეებმა არ უნდა ინანონ თავისი გადაწყვეტილებები. ალბერტ შვაიცერმა ერთხელ სთქვა: “მე არ ვიცი სად წახვალთ, ან რას გააკეთებთ, მაგრამ თქვენს შორის ყველაზე ბედნიერი იქნება ის, ვინც სხვის სამსახურში ჩადგება.” მართლაც, განსაკუთრებით ბედნიერი იქნება ის, ვინც მონდომებით და ერთგულებით ემსახურება საზოგადოებას.

საჯარო სამსახურის ეთიკა

საჯარო მოსამსახურე ხშირად დგას რთული ეთიკური არჩევანის წინაშე. ეს არჩევანი სხვადასხვაგვარია. მრავალ ადმინისტრაციულ-ეთიკურ დილემას მრავალი გონივრული ახსნა შეიძლება მოვუძებნოთ. ისიც ცხადია, რომ დილემის გადასაჭრელად არ არსებობს მეცნიერება ან დადგენილი წესები. ეთიკური კონფლიქტი თანმდევია. საკუთარი ქმედების მორალური შედეგების გაცნობიერება და მის მიერ წამოჭრილი დილემების გადაჭრა, საჯარო სექტორში მუშაობის ერთ-ერთი ურთულესი პრობლემაა. შესაბამისად, საჯარო პრობლემების გაჩენის კონტექსტის წვდომის და მათი ფრთხილი, გონივრული და ეთიკური გადაჭრის უნარი წარმატების (და პირადი კეთილდღეობის განცდის) საწინდარია.

ეთიკა ფილოსოფიის ნაწილია, რომელიც ზნეობრივ პრინციპებსა და მოქმედებას შეისწავლის. საკუთრივ „ეთიკის“ განმარტებამდე ზნეობრიობის არსი უნდა გავიგოთ. „მორალი“ უკავშირდება იმ საქმიანობასა და ქმედებებს, რომლებსაც სწორად ან არასწორად მივიჩნევთ; ასევე უკავშირდება იმ ღირებულებებსაც, რომელსაც ეს საქმიანობა ასახავს და იმ წესებსაც, რომელთა შესაბამისადაც საქმიანობა ხორციელდება. საზოგადოების, პოლიტიკური სისტემის ან საჯარო სამსახურის მორალი გვიჩვენებს, თუ რა მიიჩნევა თვით ამ ჯგუფის შიგნით სწორად ან არასწორად. მორალი გამოხატავს იმ კონკრეტულ ღირებულებებს, რომელიც ჯგუფის წევრებს მნიშვნელოვნად მიაჩნიათ და აისახება კანონებში, წესებსა და ინსტრუქციებში ან მოქმედებასა და პროცედურებში. მორალური ქმედება, თავის მხრივ, ჯგუფის მორალის

შესატყვისია და გამოხატავს ჯგუფის უმთავრეს ვალდებულებებს სწორისა და არასწორის მიმართ.

მეორეს მხრივ, ეთიკა შეიძლება განიმარტოს, როგორც სისტემური მცდელობა საფუძვლიანად გამოვიყენოთ ინდივიდუალური და საზოგადოებრივი მორალური გამოცდილება ადამიანის ქცევის წარმართველი წესების განსაზღვრისათვის. ეთიკა უკავშირდება მართებულისა და უმართებულოს განსაზღვრას და მართებულად მიჩნეულის საფუძველზე ქმედებას; ეთიკა მოიცავს განსჯის გამოყენებას გამართლებული ქცევის დასადგენად. ეთიკა ზნეობრივი სტანდარტების ძიებაა.

არისტოტელეს აზრით, ღირსების უნარები სხვა უნარების მსგავსად ვარჯიშის საფუძველზე ყალიბდება: „ღირსებები, პირველ რიგში, ვარჯიშით გვიყალიბდება... საგნების შექმნამდე ისინი უნდა შევსწავლოთ, საგნებს კეთების პროცესში ვსწავლობთ... სამართლიანი ვხდებით სამართლიანი ქმედების საფუძველზე, თავდაჭერილი - ზომიერი ქმედებით, მამაცი - მამაცი ქმედებით.“

რა ღირსებები უნდა გვქონდეს? ეს კითხვა საუკუნეების მანძილზე აწვალებდათ ფილოსოფოსებს. პასუხები მრავალგვარი: პატიოსნება, სიმამაცე და საიმედოობა, სიკეთე, პირდაპირობა, თავაზიანობა, მაგრამ მათი უმრავლესობა კეთილმოსურნეობასა და სამართლიანობას უკავშირდება. თუ ეს ასეა, მაშინ ყველა ადამიანი უნდა ავითარებდეს ამ ღირსებებს, მაგრამ სპეციფიკური პროფესიების წარმომადგენლები (მაგალითად საჯარო მოსამსახურეები) მათ სპეციფიკურ სიტუაციებში უნდა იყენებდნენ.

მოვალეობაზე დამყარებული მიდგომა - სასარგებლო იარაღია საჯარო მოხელისათვის, რომელიც ხაზს უსვამს საჯარო მოხელის პასუხისმგებლობას საჯარო სამსახურზე აქცენტირებით.

ღირსებაზე დამყარებული მიდგომა - კონცენტრირდება იმაზე, თუ „როგორ მოიქცეოდა კარგი ადამიანი“ და ასეთ შემთხვევებში ინტუიცია დიდ როლს ასრულებს. ის ასახავს საზოგადოებაში ფართოდ აღიარებულ ღირებულებებსა და ნორმებს. მაგრამ მხოლოდ ამ მიდგომის გამოყენება მოხელეს დილემის წინაშე აყენებს, რადგან რაც მისაღებია ერთისთვის, ყოველთვის როდია მისაღები სხვებისთვისაც.

პრინციპებზე დამყარებული მიდგომა - საჯარო მოხელეს სწორი ქმედებისკენ მიმართავს (მოვალეობისგან განსხვავებით,

რომელიც მიანიშნებს, რა არის სავალდებულო). მიუხედავად იმისა, რომ ეს მიდგომა შესაძლოა სასარგებლო იყოს მოხელისთვის, რადგან კარგისა და ცუდის ფართოდ აღიარებულ წარმოდგენებს ემყარება, მრავალი მიზეზის გამო, ისიც არ უნდა გამოვიყენოთ იზოლირებულად. ზოგი პრინციპი წინააღმდეგობრივია, მაგალითად, „არ აენო“-სა და პატიოსნების პრინციპები.

შედგეზე ორიენტირებული მიდგომა - „მაქსიმალური სარგებელი მაქსიმალურად ბევრისთვის“ თითქოს მართებულია, მაგრამ განსასორციელებლად რთული.

ნებისმიერი მიდგომის იზოლირებულად გამოყენებისას წამოჭრილი კითხვები გვიჩვენებს, რომ საჯარო მოხელეებმა უნდა გამოიყენონ კომპლექსური მიდგომა, სადაც მთავარი მოვალეობა იქნება, მაგრამ ასევე გაითვალისწინებენ ღისებას, პრინციპებსა და შედეგებს.

არსებობს ე.წ. ეთიკური სამკუთხედის მოდელი (სვარას შემოთავაზებული ეთიკური სამკუთხედის მოდელი), რომლის მიხედვით, „საზოგადოების ინტერესების ხელშესაწყობად საჯარო მოხელემ მოვალეობის შესაბამისად უნდა იმოქმედოს და დაიცვას ღირსებისა, პრინციპებისა და კარგი შედეგების ბალანსი“. აღნიშნული მოდელის გამოყენება გვიცავს ნებისმიერი მიდგომის იზოლირებულად გამოყენების არასაკმარისი და ჭარბი გამოყენებისგან და „გვეხმარება მიდგომების იზოლირებულად გამოყენების ნაკლოვანებების თავიდან აცილებაში“. ის ცალკეული მიდგომების უპირატესობათა გამოყენების საშუალებას გვაძლევს. მიდგომათა კომბინირება გვიცავს „სუფთა“ მიდგომათა ნაკლოვანებისაგან. მაგალითად, თუ ჩვენი მიზანია მაქსიმალური სარგებელი მაქსიმალურად ბევრისთვის, ეთიკური სამკუთხედი გვეხმარება გადავხედოთ ჩვენს მოვალეობებს (ვემსახუროთ საზოგადოების ინტერესებს), პრინციპებს (არავის ვაენო), ღირსებებს (ვიყო პატიოსანი და სამართლიანი) და შევაფასოთ „კარგი“ შედეგები ყოველი მიდგომის მაჩვენებლებით.

საჯარო სექტორი, ახალი მმართველობის, გარემო გავლენების და სოციო-პოლიტიკური განვითარების შესაბამისად, მუდმივად განიცდის ცვლილებებს. ეთიკური ღირებულებები, ისევე როგორც კანონის უზენაესობა დემოკრატიული საზოგადოებისთვის მნიშვნელოვანი ელემენტია. ეთიკური ჩარჩო ეფექტური და მყარი პოლიტიკურ-

ადმინისტრაციული მმართველობის და სოციალურ-ეკონომიკური სტრუქტურებისათვის მთავარი ბაზისია. მორალურ-ეთიკური კულტურა საჯარო სექტორში საზოგადოების ღირებულებებზეა დამოკიდებული.

ღია, გამჭვირვალე და ანგარიშვალდებული მთავრობა საზოგადოებაზე ორიენტირებული საჯარო სამსახურის მნიშვნელოვანი წინაპირობაა. ეთიკური ქცევა უნდა განიხილებოდეს როგორც მიმდინარე პროცესი და არა როგორც მდგომარეობა, რომელიც უნდა იქნას მიღწეული. ეთიკური ქცევა არა მხოლოდ წესების ჩამოყალიბება და კოდექსის შემუშავებაა, ეს არის მენეჯმენტის მიმდინარე პროცესი, რომელსაც მთავრობის მუშაობა ემყარება. ეთიკა უნდა განიხილებოდეს, როგორც დამხმარე/საორიენტაციო საშუალება ისეთ კითხვებზე საპასუხოდ, როგორც არის, თუ რას უნდა აკეთებდეს მთავრობა და როგორ უნდა ხდებოდეს საჯარო ადმინისტრირება დასახული მიზნების მისაღწევად. განსხვავებული კულტურული, პოლიტიკური და ადმინისტრაციული გარემოს მიუხედავად, სხვადასხვა ქვეყნის მთავრობები ხშირად მსგავს ეთიკურ გამოწვევებს აწყდებიან. შესაბამისად, ეთიკის მენეჯმენტი ერთნაირ მიდგომას მოითხოვს.

საჯარო უწყებების ეფექტური და ნაყოფიერი მუშაობისთვის მნიშვნელოვანია, რომ ისინი კონკრეტულ აქტივობებს შესაბამისი ეთიკის ჩარჩოს ფარგლებში ახორციელებდნენ. ეკონომიკური თანამშრომლობისა და განვითარების ორგანიზაციამ (OECD) საჯარო სამსახურში ეთიკის მენეჯმენტის პრინციპები შეიმუშავა:

- საჯარო სამსახურის ეთიკური სტანდარტები მკაფიოდ და ნათლად უნდა იყოს ჩამოყალიბებული;
- ეთიკური სტანდარტები სამართლებრივ ჩარჩოში უნდა აისახებოდეს;
- საჯარო მოხელეებს ეთიკის სახელმძღვანელო უნდა მიეწოდებოდეთ;
- საჯარო მოხელეებმა, არასწორი ქმედების გამოაშკარავების შემთხვევაში, თავიანთი უფლებები და მოვალეობები უნდა იცოდნენ;
- საჯარო მოხელეს ეთიკის პოლიტიკური ვალდებულება უნდა აიძულებდეს განახორციელოს ეთიკური ქცევა;
- გადაწყვეტილების მიღების პროცესი გამჭვირვალე და უსაფრთხო უნდა იყოს;

- საჯარო და კერძო სექტორებს შორის ინტერაქციის მკაფიო და ზუსტი წესები უნდა შემუშავდეს;
- მენეჯერებმა ხელი უნდა შეუწყონ და თავადვე მოახდინონ ეთიკური ქცევის დემონსტრირება;
- მენეჯმენტის პოლიტიკა, პრაქტიკა და პროცესები ეთიკური ქცევის განხორციელებას ხელს უნდა უწყობდეს;
- საჯარო სამსახურში ადეკვატური ანგარიშგაღებულების მექანიზმები უნდა შემუშავდეს;
- ეთიკური ქცევის დარღვევის შემთხვევებისთვის შესაბამისი პროცედურები და სანქციები უნდა შემუშავდეს.[3]

დასკვნა

საჯარო მოხელეთა წინაშე არსებული მრავალი ეთიკური დილემის გამო, არა მარტო ის უნდა იცოდეთ, რა არის სწორი ქმედება, არამედ ცოდნის შესაბამისად მოქმედებაც უნდა შეგეძლოთ. სასარგებლოა იმის ცოდნაც, როგორ კეთდება ეთიკური არჩევანი, რადგან მისი საშუალებით ვაცნობიერებთ პასუხისმგებლობის მნიშვნელობასაც ეთიკური გადაწყვეტილების მიღებისას. თუმცა, საბოლოოდ, მთავარია მოქმედებისთვის მზაობა მორალურ პრინციპებზე დაყრდნობით.

სპეციფიკური ეთიკური პრობლემები მრავალგვარია, დაწყებული ინდივიდის პატიოსნებასთან დაკავშირებული საკითხებით, საზოგადოების ინტერესების დაცვით მუშაობასთან დამთავრებული, სპეციფიკური ღირებულებებისადმი ერთგულებით.

ნებისმიერ შემთხვევაში უნდა გამოავლინოთ კეთილგანწყობა და სამართლიანობა (პატიოსნების, სამედრობისა და კანონმორჩილების ჩათვლით). სირთულეთა წამოჭრისას, განსაკუთრებით სასარგებლოა საგულდაგულო თვითრეფლექსია და სხვებთან დიალოგი ეთიკური პრობლემების შესახებ.

ლიტერატურა

References:

1. denharti r., jenet v.denharti j. sajaro marTva (moqmedebis kursi). Tbilisi 2012.
2. ardiaSvili d., svaniSvili al., CantlaZe ir. sajaro samsaxuri. Tbilisi 2004.

3. RINCIPLS FOR MANAGING ETHICS IN THE PUBLIC SERVICE, OECD RECOMMENDATION (1998), PUMA Policy Brief No. 4, Public Management Service.

4. აკარტველს კანონი “საჯარო სამსახურის შესახებ.”

David Shamoev
Ethics in Public Service

Summary

We have to expect that public servants will more and more frequently be demanded not only to fulfill legislative indications, but also to determine and express important interests of the public, and observe universally acknowledged morale principles and rules.

Keywords: Public Service, Ethics.

Reviewer: Professor Otar Kochoradze, Georgian Technical University

Давид Шамоев
Этика на государственной службе

Резюме

Проблема профессиональной этики и соблюдения требований к служебному поведению служащих связана с тем, что деятельность публичных служащих должна отвечать не только положениям законодательства о публичной службе, но общепринятым моральным принципам и нормам общества и государства.

Ключевые слова: публичная служба, этика.

Рецензент: Профессор Отар Кочорадзе, Грузинский технический университет.

УДК35.353.9+351.74

Николай Орлов

**НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ДЛЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ВОЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ НА ФОНЕ СОБЫТИЙ ВОКРУГ
ЕВРОМАЙДАНА И АНТИТЕРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ В
УКРАИНЕ**

На основе анализа социально-политической и военной обстановки в Украине обоснованы предложения по изменениям в системе государственного управления, которые связаны с территориальным устройством государства и размещением государственных учреждений.

***Ключевы е слова:** органы государственной власти, органы военного управления, территориальное устройство государства, регионстраны, государственные учреждения.*

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами

События конца 2013 г. и первой половины 2014 р. политиками, учеными и обычными гражданами Украины оцениваются по-разному. Что касается ученых то их, в первом приближении, можно разделить на тех, кто прогнозировал возможный ход событий, тех, кто сопоставляет, как прогнозы сбылись, и тех, кто предлагает решения отдельных задач во избежание нежелательных событий или явлений в будущем. Последние опираются на то, что уже произошло, как это может повториться в будущем, есть ли примеры подобного рода нежелательных событий или явлений в других странах, и главное – свое понимание предмета исследования с учетом собственных знаний и жизненного опыта.

Из тех задач, которые необходимо решать с учетом последних событий в Украине следует выделить те, которые касаются органов государственной власти и органов военного управления. Органы государственной власти должны пересмотреть возможность совершенствования системы государственного построения Украины, а органы военного управления– готовность к решению задач как внутри государства, так и на его границах.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато исследование данной проблемы

На сегодня, Интернет, газеты радио и телепередачи пестрят информацией на Майдане в зоне Антитеррористической операции (АТО) активно обсуждается извечная проблема «Кто прав и кто виноват». Так, в работах[1, с. 2; 2, с.4] авторы излагают суть происходящего на Майдане без анализа возможных эффективных предложений по принятию Конституции государства и стабилизации обстановки. Не излагают своей позиции анализу появления конфликтной среды в Украине.

Как отмечено в работе [3] анализ современной безопасной ситуации в мире и тенденции ее развития показывают о появлении *конфликтной среды*, которая существенно отличается от того, что существовало на протяжении большей части XX столетия. Так, из 69 активных вооруженных конфликтов, зафиксированных на протяжении 2001-2010 г. г., более 80 % – это *внутригосударственные конфликты*. Вместе с тем, авторы этой работы не исследуют путь решения подобных проблем в Украине.

В работе Jagers K. и Gurr T. R. [4] рассматриваются проблемы демократии в мире. Отслеживаются особенности так называемой Третьей волны демократии, но вместе с тем не просматриваются вопросы связанные с реалиями Украины сегодняшнего дня.

В работе директора фонда «Демократические инициативы имени Илька Кучерив» Бекешкиной И. [5] излагается будущее Украины после Майдана и что уже добились протестующие. Вместе с тем, автор не рассматривает в деталях необходимые первоочередные шаги органов власти по окончательной стабилизации социально-политической обстановки.

Цель статьи (постановка задачи)

Цель статьи есть обоснование необходимых первоочередных мероприятий, которые должны сделать органы государственной власти и органы военного управления на фоне событий вокруг Евромайдана и боевых действий в Украине.

В первой части статьи изложены первоочередные мероприятия в сфере государственного управления, а в следующей статье будут изложены мероприятия в сфере военного управления.

Изложение основного материала

За последнее время в Украине резко усложнилась социально-политическая обстановка, что является сигналом для органов власти о необходимости принятия определенных шагов, чтобы не довести общество до крайней формы противостояния с учетом того, что мировое сообщество не предпринимает внешних усилий вмешательства во внутренние дела независимого государства.

В этой обстановке, на наш взгляд, стоит пересмотреть и способность органов и сил сектора безопасности и обороны Украины [5] с учетом того, что согласно опроса населения Украины и участников Евромайдана [2, с.4], они поддерживают митинги и готовы стоять до конца 47 % и 86 %, соответственно, а за применение силы 11 % и 40 % соответственно.

Приведенные данные должны учитываться органами власти и органами силовых структур, отвечающие за охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

С учетом изложенного выше, можно предложить первоочередные мероприятия в сфере государственного и военного управления в Украине.

Изменения в системе территориального построения. Предлагается перейти от областного деления государства к делению на принципом «регионов государства». В работе [7, 8] изложены подходы перехода от областного (регионального) деления Украины к «регионов государства».

Эта система может иметь преимущества в плане стабилизации социально-политической и военной обстановки в государстве и системы государственного управления как для мирного так и военного времени:

- существенно сократится управленческий аппарат исполнительной власти в регионах, что может положительно повлиять на настроение граждан, которые отчислят налоги в казну;
- Автономную Республику Крым, после ее освобождения, переименовать в область (которая за площадью, количеством населения и национальным составом уступает Одесской области), а город Севастополь приравнять к таким городам как Васильково (Киевской области), Чугуев (Харьковской области), Миргород (Полтавской области), которые не меньше г. Севастополя пострадали в годы войны;
- позволит сократить для высших органов государственной власти объектов управления (регионов) с 25 до 5.

Последнее положение позволит рационально распределять не только экономические ресурсы, а и людские и военные.

Таким образом, переход к новой системе территориального построения государства позволит сократить управленческий аппарат региональных органов власти и ликвидировать незаконное деление бывших регионов и отдельных городов на сверх важные и менее важные с соответствующим статусом.

Существующее деление регионов по старой системе способствует не объединению граждан разной национальности в государстве, а их разъединению.

Реализация новой системы территориального построения государства даст возможность изменить систему органов исполнительной власти и поднять значение органов местного самоуправления. Действительно, такая система территориального построения государства позволит:

- сократить количество глав областей, как представителей главы государства в регионе, и их администраций в пять раз, а также придать им нового статуса с наделением более широких полномочий;
- ликвидировать глав районных администраций и их аппарата, всю власть на местах передать громадам и их избранникам;
- оставить в областях, городах, районах с новым статусом и полномочиями Советы соответствующего уровня, избираемых гражданами области, города, района;
- ввести интегральный региональный орган исполнительной власти, как представитель высшего органа исполнительной власти со статусом и полномочиями, как изложено в работе [8].

Во имя недопущения прецедентов захвата или блокирования зданий государственных учреждений органов власти и силовых структур, в том числе и Вооруженных Сил (как это было в Крыму, Донецкой и Луганской областях, предлагается разработать План вынесения их за пределы столицы и областных центров. Одним из вариантов создания новых центров таких учреждений могут быть военные городки вокруг столицы и областных центров Украины. В перспективе такие центры могут быть оборудованы инженерно-техническими системами охраны. Для охраны таких объектов можно привлекать муниципальную милицию, которая в перспективе будет в Украине создана.

Освободившиеся здания в столице и областных центрах следует перестроить под жилье для безквартирных инвалидов, Афганцев, Чернобыльцев, военнослужащих силовых структур.

Здания администрации интегрального регионального органа

исполнительной власти следует размещать в пригороде одного из городов региона страны. Критерием выбора такого места может быть равноудаленность от объектов управления в зоне ответственности такого органа.

Предложения по изменениям в системе военного управления будут рассмотрены в следующей статье.

Выводы с данного исследования и перспективы научной работы в этом направлении

Таким образом, проведенный краткий анализ социально-политической и военной обстановки в Украине позволил обосновать предложения по изменениям в системе государственного управления, которые связаны с территориальным устройством государства и размещением государственных учреждений.

Направлениями дальнейшего исследования могут быть: разработка предложений по изменению в системе управления военной организацией государства в мирное и военное время.

Литература

References:

1. Касьянова, И. Вече, самооборона и долгая конституция / И. Касьянова, О. Мельничук [Текст]: Вести недели 10.02.2014 г. – С. 2.
2. Беляева, Т. В отношении к Майдану страна разделилась / Т. Беляева [Текст]: Вести недели 10.02.2014 г. – С. 4.
3. СППІ: Щорічник: озброєння роззброєння та міжнародна безпека: Пер. з англ. / Стокгольм. міжнар. ін-т дослідження миру; Укр. Центр екон. і політ. досліджень імені О. Розумкова; Редкол. Укр. Вид.: Л. Шангіна (головний редактор) та ін. – К. : Заповіт. – С. 60–65.
4. Jagers, K., Gurr, T. R. 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data // Journal of Peace Research. Vol. 32, № 4. P. 469–482.
5. Бекешкина, И. Теперь любая власть будет остерегаться нового Майдана [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://delo.ua/ukraine/teper-ljubaja-vlast-budet-osteregatsja-novogo-majdana-bekeshkin-226537/>
6. Про основи національної безпеки України. Закон України// Відомості Верховної Ради України. – 2003. - №39. С. 351.
7. Орлов, М. М. Методичні підходи щодо визначення характеристик регіону держави [Текст] / М. М. Орлов // Системи озброєння і

військова техніка : наук. журн.– Х.: Харк. ун-т Повітряних Сил, 2005.– № 1 (1). – С. 72–78.

8. Орлов, М. М. Формування системи взаємодії регіональних органів виконавчої влади у сфері охорони правопорядку (теоретико-методологічні засади) : моног. [Текст] / М. М. Орлов – Х. : ХарPI НАДУ “Магістр”, 2012. – 344 с.

Рецензент: Профессор Юрий Куц, заведующего кафедрой регионального развития и местного самоуправления Харьковского регионального института государственного управления НАГУ при Президенте Украины, доктор наук государственного управления.

ნიკოლოზ ორლოვი

ზოგიერთი გაკვეთილი სახელმწიფო ხელისუფლების ორგანოებისა და სამხედრო მმართველობის ორგანოებისათვის ევრომაიდანის მოვლენებისა და უკრაინაში ანტიტერორისტული ოპერაციის ფონზე

რეზიუმე

უკრაინაში არსებული სოციალურ-პოლიტიკური და სამხედრო მდგომარეობის ანალიზის საფუძველზე დასაბუთებულია წინადადებები სახელმწი მართვის სისტემაში მომხდარ ცვლილებებთან მიმართ, რომლებიც დაკავშირებულია სახელმწიფოს ტერიტორიულ მოწყობასთან და სახელმწიფო დაწესებულებების განთავსებასთან.

საკვანძო სიტყვები: სახელმწიფო მართვის ორგანოები, სამხედრო მმართველობის ორგანოები, სახელმწიფოს ტერიტორიული მოწყობა, ქვეყნის რეგიონი, სახელმწიფო დაწესებულებები.

რეცენზენტი: პროფესორი იური კუცი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის რეგიონალური მართვისა და ადგილობრივი თვითმმართველობის კათედრის გამგე.

Nikolai Orlov

SOME LESSONS FOR PUBLIC AUTHORITIES AND BODIES OF WAR ON THE BACKGROUND OF EVENTS AROUND EVROMAYDANA ANTITERRORISTICHSKOY OPERATIONS IN UKRAINE

Summary

On the basis of analysis of the socio-political and military situation in Ukraine justified proposals for changes in the system of governance, which are connected with the territorial structure of the state and the placement of public institutions.

Keywords: public authorities, military authorities, the territorial structure of the state, region of the country, state institutions.

Reviewer: Professor Yuri Koots, Head of the Department of Regional administration and local self-government, KRI NAPA, Kharkiv. Ukraine.

ე კ ო ნ ო მ ი კ ა

ივანე ოქრიაშვილი

საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის ზოგიერთი ასპექტი

სტატია ეხება საზოგადოებრივი ფინანსების მართვას. აღწერილია საზოგადოებრივი ფინანსების არსი, მნიშვნელობა. ის თუ რატომ არის საჯარო ფინანსების მართვის პოლიტიკის მუდმივი კონტროლი აქტუალური საკითხი დინამიურად ცვალებად გარემოში. დემოკრატიული სახელმწიფოს ჩამოყალიბების პროცესში განსაკუთრებით დიდი მნიშვნელობა ენიჭება სწორად წარმართულ საჯარო პოლიტიკას.

სახელმწიფოს ეკონომიკური ძლიერება თუ სისუსტე დამოკიდებულია იმ ეკონომიკურ პოლიტიკაზე, რომელსაც მთავრობა ახორციელებს გარკვეული ისტორიული მონაკვეთის ფარგლებში. ეკონომიკური აღორძინებისათვის აუცილებელია შესწავლილ იქნეს საჯარო ფინანსების მართვის მეთოდები, შესწავლილ და გაანალიზებულ იქნას უკვე დაშვებული პრობლემები, რათა არ მოხდეს მათი განმეორება და დაინერგოს ეფექტიანი პოლიტიკა, საზოგადოების და სახელმწიფო ინტერესების სრული დაცვით.

მიუხედავად იმისა რომ საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის ანალიზი უძველესი დროიდან აქტუალური შესწავლის საგანს წარმოადგენს, მისი საბოლოოდ ჩამოყალიბებული სრულყოფილი მოდელი დღესაც არ მოიძებნება. მუდმივად ცვალებად ეკონომიკურ გარემოში აღნიშნული საკითხი მუდმივი დაკვირვების ობიექტს წარმოადგენს და მუდმივ შესწავლას მოითხოვს.

საკვანძო სიტყვები: საზოგადოება, ფინანსები, ბიუჯეტი, გადასახადები, ეკონომიკა.

ნებისმიერ სახელმწიფოსათვის საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის საკითხებს უდიდესი მნიშვნელობა ენიჭება. საზოგადოებრივ ფინანსებს სახელმწიფო ფინანსები და ადგილობრივი, მუნიციპალური ფინანსები მიეკუთვნება. საჯარო საფინანსო პოლიტიკის მეშვეობით ქვეყნის ეკონომიკის სახელმწიფო რეგულირება წარმოადგენს

ნორმალური ფუნქციონირების აუცილებელ პირობას.

განსაკუთრებით საციცოცხლო მნიშვნელობისაა ეკონომიკური ზრდა საქართველოსათვის, რომელიც გარდა იმისა, რომ ახალგაზრდა საბაზრო ეკონომიკის ქვეყანაა, უამრავი სოციალურ და ეკონომიკურ პრობლემასთან ერთად შეიარაღებული კონფლიქტებისა და ტერიტორიული მთლიანობის საკითხების პრობლემის წინაშე დგას.

საჯარო ფინანსების შესწავლა გულისხმობს სახელმწიფოს მიერ ფაქტიურად გატარებულ საგადასახადო და ხარჯვითი პოლიტიკის კვლევას. გარდა ამისა, იმის გაანალიზებას თუ როგორი უნდა ყოფილიყო ეს პოლიტიკა.

საგადასახადო სისტემას აუცილებლად მრავალმიზნობრივი ხასიათი უნდა ჰქონდეს. ერთის მხრივ, მისი მეშვეობით უნდა ხორციელდებოდეს ბიუჯეტის ძირითადი ნაწილის ფორმირება, ხოლო, მეორეს მხრივ, საგადასახადო სისტემა სტიმული უნდა იყოს სამეწარმეო აქტივობისათვის, ინვესტიციების მოზიდვისათვის, წარმოების გაფართოება-განვითარებისა და შესაბამისად, აღნიშნულის კვალობაზე საგადასახადო ბაზის შემდგომი გაზრდისათვის. ზოგადად, რომ ითქვას საგადასახადო სისტემა, ეკონომიკის განვითარება – სტიმულირების ხელშემწყობ მექანიზმს უნდა წარმოადგენდეს.

საქართველოს საგადასახადო პოლიტიკა და სისტემის ფორმირება დაიწყო 1991-1992 წლების მიჯნაზე, სოციალისტური ეკონომიკის მოდელის ძირეული ტრანსფორმაციის პირობებში, მაშინ, როცა ქვეყანას პრაქტიკულად არ გააჩნდა რეალური საგადასახადო ურთიერთობების სამართლებრივი რეგულირების გამოცდილება. საკანონმდებლო ბაზის შესაქმნელად შემჭიდროვებულმა ვადებმა, ქვეყანაში არსებულმა სოციალურ-ეკონომიკურმა კრიზისმა არსებითად იმოქმედა საგადასახადო პოლიტიკასა და საგადასახადო სისტემის ჩამოყალიბებაზე. ფაქტობრივად, საქართველოში საგადასახადო სისტემა, შესაბამისი თეორიულ-მეთოდოლოგიური წინამძღვრების შემუშავების და ადაპტირების გარეშე, მთლიანად დაეფუძნა საზღვარგარეთის ქვეყნების გამოცდილებას, ამასთან, ანალიზის და ანგარიშგასაწვეი ფაქტობრივი შედეგების გაუთვალისწინებლად, გრძელდებოდა დაუსაბუთებელი ექსპერიმენტული და საცდელ მოსინჯვითი პრაქტიკა, რის გამოც დაშვებულია ბევრი შეცდომა და სახეზეა არაეფექტური

საგადასახადო სისტემა, რაც თავის მხრივ საზოგადოებრივი ფინანსების მობილიზაციისა და შემდგომი მართვის პოლიტიკას არაეფექტურს ხდის. ამდენად, გამუდმებით დღის წესრიგშია და კვლავაც აუცილებელია საქართველოს რეალობისათვის მისაღები საგადასახადო თეორიის შემუშავება და პრაქტიკაში დამკვიდრებისათვის ზრუნვა.

მოკლედ დავახასიათოთ ის ნაკლოვანებები, რომელთა აღმოფხვრაც ჯერ ვერ მოხერხდა:

- საგადასახადო კანონმდებლობის ბუნდოვნების მაღალი დონე;
- მრავალი დაუსაბუთებელი საგადასახადო შეღავათის არსებობა;
- საგადასახადო ადმინისტრირების არასრულყოფილი წესები;
- ხშირად უსისტემო ცვლილებების შეტანა კანონმდებლობაში და მრავალი სხვა.

2004 წელს ქვეყნის ნაერთი ბიუჯეტის შემოსავლები 2267 მილიონ ლარს შეადგენდა, ხოლო 2013 წელს 8930 მილიონ ლარამდე გაიზარდა. ბიუჯეტის მკვეთრი ზრდა რამოდენიმე ფაქტორით იყო გამოწვეული, თუმცა ამათგან ძირითადი საგადასახადო ადმინისტრირების გაძლიერებაა, რაც გამოიხატება საგადასახადო ორგანოს მიერ აქტიური საგადასახადო კონტროლის შედეგად საგადასახადო სამართალდარღვევათა გამოვლენაში და სამართალდამრღვევი პირების დაჯარიმებაში ან სხვა სახის პასუხისმგებლობის დაკისრებაში.

აუცილებელია აქვე აღინიშნოს, რომ სამართალდამრღვევათათვის სანქციების შეფარდება არავითარ შემთხვევაში არ უნდა განიხილებოდეს როგორც ბიუჯეტის შევსების ეფექტური ხერხი, არამედ როგორც საგადასახადო სამართალდარღვევათა ფაქტების შემცირებისათვის და დასაბეგრი ბაზის ზრდისათვის აუცილებელი ღონისძიება.

საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის უმნიშვნელოვანესი შემადგენელი ასევე სახელმწიფოს ხარჯვითი პოლიტიკაა. საბიუჯეტო სფეროში არსებული მძიმე მდგომარეობის შემდეგ, როდესაც ბიუჯეტის სისტემური დეფიციტით ხასიათდებოდა, ბოლო წლებში მისი პარამეტრების შესრულებამ კიდევ უფრო მეტად აქტუალური გახადა ამ სფეროში არსებული პრობლემების და ძირითადი მიმართულებების შესწავლის,

მდგომარეობის შემდგომი გაუმჯობესების გზების ძიების აუცილებლობა.

მნიშვნელოვანი თავისებურებებით ხასიათდებოდა ნაერთი ბიუჯეტის ხარჯების ზრდაც და სტრუქტურაც. 2004 წელს ნაერთი ბიუჯეტის ხარჯები იყო 1835 მლნ ლარი, ხოლო 2013 წელს კი 9356 მლნ ლარი. ამ წლებში ნაერთი ბიუჯეტის მთლიანი ხარჯებიდან საშუალოდ 19.3% მიდიოდა შრომის ანაზღაურებაზე; 23.3% საქონელსა და მომსახურებაზე; პროცენტებზე – 3.9%; გრანტებზე – 0.2%; სუბსიდიებზე – 8.7%; სოციალურ უზრუნველყოფაზე – 27.1%, სხვა ხარჯებზე – 17.4%.

რაც შეეხება ბიუჯეტის მთლიანი ხარჯების ფუნქციონალურ სტრუქტურას, 2013 წლის მონაცემებით, მთლიანი ხარჯების 36.2% - ს შეადგენს ხელმისაწვდომი ჯანდაცვა და სოცუზრუნველყოფა; თავდაცვა, საზოგადოებრივი წესრიგი და უსაფრთხოება – 22.3%; 15.2% რეგიონალური განვითარება, ინფრასტრუქტურა და ტურიზმი; 2.9%-ინსტიტუციონალური განვითარება და ქვეყნის ინტერესების სამართლებრივი მხარდაჭერა; 10.9% - განათლება, მეცნიერება და პროფესიული მომზადება; 1.7% - მაკროეკონომიკური სტაბილურობა და საინვესტიციო გარემოს გაუმჯობესება; 2% იძულებით გადაადგილებულ პირთა და მიგრანტთა სახელმწიფო მხარდაჭერა და რეინტეგრაციის ხელშეწყობა; 1.3%საერთაშორისო ურთიერთობები და ევროატლანტიკურ სივრცეში ინტეგრაცია; 2.6% - კულტურა, რელიგია, ახალგაზრდობის ხელშეწყობა და სპორტი; 3.7% - სოფლის მეურნეობა; 0.7% - სასამართლო სისტემა; 0.5% - გარემოსდაცვა და ბუნებრივი რესურსების მართვა.

უნდა აღინიშნოს, რომ ბიუჯეტი ზედმეტად სოციალურია, მიუხედავად ქვეყანაში არსებულ დიდ მოთხოვნაზე და საჭიროებაზე სოციალური პროგრამებისადმი მათი გატარება მოკლევადიანი ეფექტის მომტანია, რეალურად უძღვრია არსებული პრობლემების წინაშე და მთლიანობაში მძიმე ტვირთად აწვება ეკონომიკას. მცირეა განათლების და მეცნიერების ხარჯები. სფეროსი, რომელიც ასევე ერთ-ერთი პრიორიტეტულია ქვეყნის განვითარების გეგმის გრძელვადიანი ეფექტურობისათვის.

საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის მეთოდების განხილვისას დიდი ყურადღება უნდა მიენიჭოს საგარეო ვალის საკითხებს. ქვეყნის მთლიანი საგარეო ვალი დროის მოცემული მომენტისათვის არის ფაქტიური, უპირობო

ვალდებულების გადაუხდელი თანხა, რომელიც მოითხოვს ამ ქვეყნის რეზიდენტის მიერ არარეზიდენტისათვის ძირითადი ან/და პროცენტის გადახდას მომავალი დროის რომელიმე მომენტში. ანუ ნებისმიერი ვალდებულება, რომელიც მომავალ პერიოდში გადასახდელი იქნება არარეზიდენტისათვის, შედის ქვეყნის მთლიან საგარეო ვალში.

ბოლო წლებში მსოფლიოში მიმდინარე პროცესებმა ნათლად დაგვანახა სახელმწიფო ვალის როგორც სტრატეგიული, ისე ოპერატიული მართვის მნიშვნელობა და მისი როლი ქვეყნის ეკონომიკური ზრდის უზრუნველყოფაში.

საქართველოს მთლიანმა საგარეო ვალმა 2013 წლის 31 დეკემბერის მდგომარეობით 13.6 მილიარდი ლარი შეადგინა. სახელმწიფო საგარეო ვალი 5.4 მილიარდი დილარით განისაზღვრა, სამთავრობო სექტორის კი 4.2 მილიარდი დოლარით. ეროვნული ბანკის ვალი 338.2 მილიონი დოლარია, ხოლო სახელმწიფო საწარმოებისა 833.5 მილიონი დოლარი. საბანკო სექტორის საგარეო ვალმა 2.6 მილიარდი დოლარი შეადგინა, სხვა სექტორების საგარეო ვალმა 3.4 მილიარდი დოლარი, ხოლო კომპანიათშორისმა ვალმა 3.1 მილიარდი დოლარი.

საქართველოს სახელმწიფო საგარეო ვალი 2006 წლიდან 2013 წლამდე მნიშვნელოვანდ იზრდებოდა, რაც უარყოფით დამოკიდებულებას იწვევს საზოგადოების მხრიდან, რის საპასუხიდაც ყურადღების გამახვილება ხდებოდა ბიუჯეტის საგადასახადო შემოსავლების ზრდაზე, ექსპორტის მატებაზე, მშპ-ს ზრდაზე.

2006 წლიდან 2013 წლამდე ბიუჯეტის საგადასახადო შემოსავლები გაიზარდა 153%-ით, ხოლო სახელმწიფო საგარეო ვალი 174%-ით. მნიშვნელოვანია აგრეთვე ეკონომიკის ზრდისა და საგარეო ვალის ზრდის ტემპების შედარებაც. 2006 წლიდან 2013 წლამდე ქვეყნის რეალური მშპ გაიზარდა 88%-ით მაშინ, როცა ამავე პერიოდში ქვეყნის საგარეო ვალი 174%-ით არის გაზრდილი, რაც გვანახებს, რომ ქვეყნის მაკროეკონომიკურ პარამეტრებში პროპორციულობა დარღვეულია. საქართველოს მთავრობა უფრო მეტ ვალს იღებდა, ვიდრე რეალურად ეკონომიკა იზრდებოდა.

საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის სისტემაში, დემოკრატიული წყობის პირობებში უდიდესი მნიშვნელობა დეცენტრალოზებულ მართვას და პროცესებში მოქალაქეთა ჩართულობას ენიჭება.

საქართველოს საბიუჯეტო სისტემის შესახებ კანონის მიხედვით: სახელმწიფო ბიუჯეტი წარმოადგენს ცენტრალური ხელისუფლების ბიუჯეტს, რომელიც მოიცავს საკანონმდებლო, აღმასრულებელ და სასამართლო ხელისუფლების შემოსულობებსა და გადასახდელებს.

ადგილობრივი ბიუჯეტი ეს არის საქართველოს ტერიტორიული ერთეულის ბიუჯეტი, რომელიც შედგება შესაბამისი შემოსულობების და გადასახდელებისაგან.

თვითმმართველობათა დამკვიდრებისა და საერთოდ, ქვეყნის მუნიციპალური განვითარებისათვის გადამწყვეტი მნიშვნელობისაა ადგილობრივი სოციალურ-ეკონომიკური ინფრასტრუქტურის ჩამოყალიბება, როდესაც საზოგადოებრივი მომსახურებაც და ადმინისტრაციული რეგულირებაც განხორციელდება უშუალოდ ადგილებზე, თვითმმართველობის ორგანოების მიერ, მოსახლეობის მონაწილეობისა და კონტროლის პირობებში. ყოველივე ამას ხელს უშლის ადგილობრივი ბიუჯეტის ქრონიკული დეფიციტი, რაც გარკვეულწილად ჩრდილოვანი ეკონომიკითა და საფინანსო-ფისკალური პოლიტიკის გაუმართაობით არის გამოწვეული. თვითმმართველობის სოციალურ-ეკონომიკური ინფრასტრუქტურის შექმნისათვის აუცილებელია ადგილობრივი ქონების და დამოუკიდებელი ადგილობრივი ბიუჯეტის არსებობის პირობების შექმნა და შესაბამისი საკანონმდებლო საფუძვლების სრულყოფა.

დღეს მოქმედი ორგანული კანონის მიხედვით, ადგილობრივი თვითმმართველობის საკუთარ შემოსულობებს განეკუთვნება ქონების გადასახადი, ადგილობრივი მოსაკრებელი და გათანაბრებითი ტრანსფერი. დაგეგმილი რეფორმის მიხედვით კი ადგილობრივი თვითმმართველობის ფინანსური რესურსები გაიზრდება ე.წ. წილობრივი გადასახადის ხარჯზე. თვითმმართველი ერთეულის ტერიტორიაზე რეგისტრირებული დასაქმებული პირის მიერ გადახდილი საშემოსავლო გადასახადის ნაწილი იმავე თვითმმართველ ერთეულს დარჩება. ამასთანავე მუნიციპალეტიტს ბიუჯეტი არა საკუთარი შემოსულობის სახით სპეციალურ და მიზნობრივ ტრანსფერებთან ერთად, დამატებით კაპიტალურ (კაპიტალურ ტრანსფერს მიეკუთვნება თანხა, რომელიც განეკუთვნილია ხიდების, გზების, კულტურის ობიექტების, საავადმყოფოების, სკოლების და სხვა შენობების ასაშენებლად ან შესაკეთებლად) ტრანსფერს მიიღებს.

კოდექსის მიხედვით, საქართველოს მთავრობა 2014 წლის პირველ სექტემბრამდე საქართველოს პარლამენტს განსახილველად წარუდგენს კანონპროექტს “საქართველოს საბიუჯეტო კოდექსში ცვლილებების შეტანის შესახებ”, რომელმაც უნდა განსაზღვროს სხვადასხვა დონის ბიუჯეტებს შორის საშემოსავლო გადასახადის განაწილებას პროპორცია და მექანიზმი, აგრეთვე მუნიციპალეტეტებისათვის გამოსაყოფი გათანაბრებითი ტრანსფერის მთლიანი ფონდის პროცენტული მიმართება ნომინალურ მთლიან შიდა პროდუქტთან და გათანაბრებითი ტრანსფერის განაწილების შესაბამისი წესი.

წილობრივი გადასახადის რეგულირება ნათლად არ არის წარმოდგენილი, თუმცა მნიშვნელოვანია, რომ “საქართველოს საბიუჯეტო კოდექსში” ცვლილებების შეტანის ვალდებულების ბოლო თარიღად განსხვავებით კოდექსის თავდაპირველი რედაქციისგან 2015 წლის ნაცვლად 2014 წლის პირველი სექტემბერია განსაზღვრული.

ამასთან გაურკვეველია თუ როგორ მოხდება არჩევნების ჩატარების შემდგომ ახლად წარმოქმნილ თვითმმართველ ქალაქსა და მუნიციპალიტეტს შორის ბიუჯეტის ნაშთისა და საბიუჯეტო წლის დასაწყისში აღებული ვალდებულებების გადანაწილება.

მნიშვნელოვანია, რომ რეფორმის შემდგომ უზრუნველყოფილ იქნეს თვითმმართველი ქალაქებისა და მუნიციპალიტეტების ფინანსური დამოუკიდებლობა. უნდა შემუშავდეს თითოეული მუნიციპალიტეტისა და თვითმმართველი ქალაქის ეკონომიკური განვითარების სტრატეგია რათა მათ შეძლონ საკუთარი უფლებების ეფექტურად განხორციელება, ამავედროულად უნდა დაანგარიშდეს, თუ რა უჯდება თითოეულ მუნიციპალიტეტს საკუთარი უფლებასმოსილების განხორციელება.

უნდა გადაიხედოს საქართველოს საგადასახადო კოდექსში არსებული საგადასახადო შერავათების ნაწილი ქონების გადასახადთან მიმართებაში. ასევე საფუძვლიან გადახედვას საჭიროებს “ადგილობრივი მოსაკრებლების შესახებ” საქართველოს 1998 წლის კანონი, რომელიც საკმაოდ მოძველებულია და ვერც პასუხობს თანამედროვე საჭიროებებს.

თვითმმართველობებს უნდა მიეცეთ მეტი დამოუკიდებლობა ბიუჯეტების ხარჯვაში. სახელმწიფო რწმუნებულის-გუბერნატორის მხრიდან შესაძლო ადმინისტრაციული ზედამხედველობა არ უნდა გადაიზარდოს

კონტროლში, ასევე მინიმუმამდე უნდა შემცირდეს ცენტრალური ხელისუფლების ჩარევა ადგილობრივი თვითმმართველობების ხარჯვით ნაწილში.

უნდა გაიზარდოს ბიუჯეტის შემუშავებისა და ხარჯვის პროცესში მოქალაქეთა თანამონაწილეობის ხარისხი. ადგილობრივმა თვითმმართველობებმა ბიუჯეტის პროექტის შედგენამდე უნდა გამოიკვლიონ საზოგადოების საჭიროებების და საკანონმდებლო ჩარჩოებიდან გამომდინარე ამ საჭიროებების ბიუჯეტებში ასახვა.

დემოკრატიული სტაბილურობისათვის უმნიშვნელოვანესია რეალური თვითმმართველობის დამკვიდრება ქვეყანაში. რეალური ავტონომიის გარეშე აზრი ეკარგება მოქალაქეთა მონაწილეობას და იგი მხოლოდ მანიპულაციაა. ძლიერი ადგილობრივი თვითმმართველობა ერთგვარი გარანტია მოქალაქეთა ჩართულობის ზრდისა, როგორც ადგილობრივი პრობლემების გადაწყვეტაში ასევე საზოგადოებრივი ფინანსების მართვაში.

ადგილობრივი თვითმმართველობის პირობებში პირდაპირი დემოკრატია იმუშავებს ადგილებზე და ააცილებს ზეწოლას ცენტრალურ ხელისუფლებას. რაც უფრო მეტი ფუნქცია გადავა “ეროვნულ საქმეთა პორტფელიდან” “ადგილობრივი საქმეების პორტფელში”, მით უფრო სტაბილური იქნება ცენტრალური ხელისუფლება და დემოკრატიის ხარისხი მაღალ დონეზე იქნება აყვანილი, საზოგადოების სრული ჩართულობით ფინანსების მართვაში. რადგან ცენტრალურ დონეზე პირდაპირი დემოკრატიის მართვა ძალზე ძნელია და დაბალი სამოქალაქო კულტურის საზოგადოებებისათვის მას გაუთვალისწინებელი შედეგების მოტანა შეუძლია. ამიტომაც სწორედ ცენტრალური ხელისუფლების ინტერესშია, დაიწყოს მსჯელობა დღეს არსებული თვითმმართველობის მოდელის ეფექტიანობაზე, დაიწყოს რეალური დეცენტრალიზაცია და შექმნას ადგილობრივი ხელისუფლების ისეთი სტრუქტურა რომელიც ხელს უწყობს მოქალაქეების აქტიურ მონაწილეობას ადგილობრივი გადაწყვეტილებების მიღების პროცესში, მათ აქტიურ ჩართვას საზოგადოებრივი ფინანსების მართვის პროცესში.

ლიტერატურა

References:

1. rouzeni h.s. sajaro finansebi, Tbilisi. 2006
2. kakulia r. finansbia mrTva, Tbilisi 2004
3. kakulia r., baxtaZe l., jibuti a. sajaro finansebi, Tbilisi 2010
4. nadaraia i., rogava z., bolqvaZe b. saqarTvelos sgadasaxado sistemis komentarebi, Tbilisi 2012
5. Stephen R. Shalom. Parpolity: Political vision for a good Society. 2005
6. 2004-2013 wlis saxelmwifo biujetebi
7. saqarTvelos sagadasaxdo kodeqsi

Ivane Okriashvili

Some Aspects of the Public Finance Management

Summary

This article deals with the Public finance management. There is described the essence and the meaning of public finance. Why is the constant control of public finance management actual issue in such a dynamically changing environment. In the process of establishing a democratic state precisely directed public policy is most important thing.

The strength or weakness of state economic depends on the economic police, which is implemented by the government in the frame of a concrete history section. For the economic prosperity it is inevitable to examine the public finance management methods, examine and analyze the problems which have been made for avoiding further mistakes, in full compliance with the interests of society and the state.

Despite the fact that the management of public finance is the subject of study from the ancient times, for today there isn't settled the perfect model. In a constantly changing economic environment this case need a constant research and observation.

Keywords: society, finance, budget, taxes, economic.

Reviewer: Professor Giorgi Bagaturia , Georgian Technical University

Иване Окришвили
Некоторые аспекты управление государственными финансами

Резюме

Статья касается управления государственными финансами. В ней раскрыта суть и значение государственных финансов. Объясняет, почему так важна контроль политики управления государственными финансами в современном динамически развивающемся окружении. В процессе строительства демократического государства особенное значение придаётся правильно проведенной государственной политике.

Сила и слабость экономики государства зависит от проведённой экономической политики страны, которую она проводит в течений конкретного исторического отрезка. Для экономического успеха необходимо изучить методы управления общественными финансами, рассмотреть и проанализировать допущенные ошибки, для избежания их повтора и реализованная аффективной политики, в полном соответствий с интересами общества и государства.

Хотя анализ управления государственным финансами с древних времен является предметом исследования, в настоящее время всё еще нет идеальной модели. В современном динамически развивающемся окружении оно является вечным объектом наблюдения.

Ключевые слова: общество, финансы, бюджет, налоги, экономика.

Рецензент: Профессор Георгий Багатурия, Грузинский технический университет.

УДК 331.5.024.54

Михаил Медвидь, Николай Бакшеев

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЕННОГО РЕЗЕРВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Анализируются проблемы формирования, развития и использования военного резерва человеческих ресурсов. В результате проведенного исследования обоснована необходимость внесения дополнений в нормативно-правовые акты, в частности, в законы Украины "О сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование", "О социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей", реализация которых создаст условия формирования, развития и использования военного резерва человеческих ресурсов.

Ключевые слова: *военный резерв человеческих ресурсов, нормативно-правовые акты, воинские формирования и правовые органы специального назначения.*

Проанализировав состояние обеспечения трудовыми ресурсами воинских формирований и правоохранительных органов специального назначения [1–3], необходимо также рассмотреть проблемы формирования, развития и использования человеческих ресурсов в военной сфере в целом. К таким ресурсам кроме уже упомянутых трудовых ресурсов относится и часть населения государства, которая в состоянии ограниченно участвовать в служебно-боевой деятельности, а при определенных обстоятельствах – достичь соответствующего уровня профессиональной подготовки. Следовательно, кроме собственно трудовых ресурсов человеческие ресурсы включают в себя еще и резервные трудовые ресурсы – "потенциальные", которые сегодня или в будущем могут быть задействованы в создании такого общественного блага, как военная безопасность. К резервным ресурсам относятся дети и подростки, которые являются занятыми общественно полезным трудом и через некоторое время в состоянии перейти в категорию трудовых ресурсов, пенсионеры по возрасту, способные к общественно полезному труду, и инвалиды, которые способны ограниченно участвовать в создании упомянутого общественного блага.

Итак, человеческие ресурсы включают в себя трудовые ресурсы и резервные ресурсы трудовой деятельности. При этом численность человеческих ресурсов определяется фактически численностью всех людей, которые способны участвовать в общественно полезном труде.

Теоретические основы использования человеческих ресурсов отражены в трудах Г. Беккера, Т. Шульца, Р. Солоу и других зарубежных ученых. Развитие и использование человеческих ресурсов в Украине исследовано в трудах представителей научных школ Е. М. Либановой, А. М. Колота и др. Одновременно проблемы формирования, развития и использования человеческих ресурсов в военной сфере Украины остаются малоисследованными.

В связи с этим **цель исследования** – определение путей создания условий для формирования, развития и использования военного резерва человеческих ресурсов.

В соответствии с законами Украины "Об обороне Украины" и "О мобилизационной подготовке и мобилизации" Министерство обороны Украины организывает создание резерва военнообученных человеческих ресурсов на период мобилизации и военное время, а Генеральный штаб Вооруженных Сил Украины отвечает за их накопления [4, ст. 10, 11; 5, ст. 14]. Подготовка и накопление военнообученных человеческих ресурсов военнообязанных и призывников для комплектования должностей, предусмотренных штатами военного времени, являются составляющими содержания мобилизационной подготовки [5, ст. 3].

Согласно Постановлению Кабинета Министров Украины "О структуре военного резерва человеческих ресурсов" [6] военный резерв человеческих ресурсов включает в себя военнообязанных, которые состоят на воинском учете в районных (городских) военных комиссариатах и соответствующих органах Службы безопасности, в том числе резервистов, и делится по назначению на:

– активный, включающий в себя резервистов, граждан, отобранных кандидатами для зачисления на службу в военном резерве, и военнообязанных, которые предназначены согласно мобилизационному плану для комплектования Вооруженных Сил, других образованных в соответствии с законами воинских формирований, а также правоохранительных органов специального назначения и Государственной специальной службы транспорта;

– вспомогательный, включающий в себя военнообязанных, которые не вошли в активный резерв, но могут быть привлечены для обеспечения проведения мобилизации, комплектования Вооруженных Сил, других образованных в соответствии с законами воинских

утверждено Положение о прохождении гражданами Украины службы в военном резерве Вооруженных Сил [11].

Всего в 2012 г. служба в военном резерве внедрялась в 40 органах военного управления и воинских частях, которые включены в перспективный состав Вооруженных Сил.

Улучшена подготовка резервистов на учебных сборах. Количество подготовленных граждан для прохождения службы в военном резерве почти в 8 раз превышает показатели 2011 г. (1,5 и 0,2 тыс. человек соответственно).

Одновременно только 25 % резервистов, привлеченных на учебные сборы, приняли участие в практических действиях своих подразделений непосредственно на полигонах и во время тактических учений.

На конец 2012 г. общая численность резервистов увеличилась на 15 %. В результате соотношение численности резервистов к общей численности Вооруженных Сил составляло 1,5 %. Вместе с тем это значительно меньше по сравнению с показателями армий других государств [12, с. 33].

Если в Вооруженных Силах Украины вопросом комплектования военных должностей резерва занимаются относительно давно, то в Национальной гвардии Украины такая функция только появилась. В Главном управлении Национальной гвардии Украины создана служба комплектования военного резерва, а в структуры бригад и полков введены резервные батальоны. Существует проблема укомплектования соответствующих должностей для прохождения военной службы в резерве специалистами по артиллерии и противовоздушной обороне.

Проблемы формирования, развития и использования военного резерва человеческих ресурсов в Украине связаны, в первую очередь, с достаточностью стимулирования военнообязанных во время прохождения сборов и резервистов при исполнении ими обязанностей службы в военном резерве. Такое стимулирование отражено в Законе Украины "О воинской обязанности и военной службе", других нормативно-правовых актах.

В соответствии со статьей 29 указанного Закона призванные на сборы военнообязанные и резервисты, исполняющие обязанности службы в военном резерве, обеспечиваются материальными средствами в порядке и размерах, установленных Кабинетом Министров Украины.

За призванными на сборы военнообязанными на весь период сборов и резервистами на все время исполнения ими обязанностей

სამსახურში, როგორც წესი, ხელახლა ითხოვნიან სამსახურს, რაც ხელს უწყობს მათი პროფესიული განვითარებას. სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია. სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია.

სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია.

სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია.

სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია.

სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია.

სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია.

სამსახურში დაბრუნების შემთხვევაში, მათ უზრუნველყოფენ სამსახურის ადგილს, რომელიც მათი უნარ-ჩვეულებებისა და გამოცდილების შესაბამისია.

предприятий, организаций и учреждений влияло незапланированное отсутствие работников. Это может отрицательно влиять на принятие работодателем решения по трудоустройству гражданина Украины, который проходит военную службу в резерве. Соответственно и гражданин Украины не будет заинтересован в прохождении военной службы в резерве.

Практика социальной защиты лиц, которые в этом нуждаются, путем экономического стимулирования работодателей существует. Речь идет об уменьшении размера единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование для предприятий, учреждений и организаций, в которых работают лица, нуждающиеся в социальной защите, – консолидированного страхового взноса. Его сбор осуществляется в систему общеобязательного государственного социального страхования в обязательном порядке и на регулярной основе с целью обеспечения защиты в случаях, предусмотренных законодательством, прав застрахованных лиц и членов их семей на получение страховых выплат (услуг) по действующим видам общеобязательного государственного социального страхования.

Итак, для частичного решения данной проблемы предлагаем внести дополнения в статью 8 "Размер единого взноса и пропорции его распределения по видам общеобязательного государственного социального страхования" Закона Украины "О сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование" [13], взяв за основу пункт 13 указанной статьи этого же Закона. Как вариант: "Единый взнос для предприятий, учреждений и организаций, в которых работают резервисты, устанавливается в размере ... процента(ов) от начисленного единого взноса, размер которого определяется пунктом 1 части первой статьи 7 настоящего Закона".

Также с этой целью, взяв за основу статьи 19, и 20 Закона Украины "Об основах социальной защищенности инвалидов в Украине" [14], предлагаем внести дополнения в Закон Украины "О социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей" в виде статьи "Трудоустройство военнослужащих, которые проходят службу в резерве" следующего содержания:

"Для предприятий, учреждений, организаций, физических лиц, использующих наемный труд, устанавливается норматив рабочих мест для трудоустройства военнослужащих, проходящих службу в резерве, в размере ... процентов среднесписочной численности штатных работников учетного состава за год, а если работает от 8 до ... человек

(*численности, рассчитанной по нормативу*), – то в количестве одного рабочего места.

Предприятия, учреждения, организации, физические лица, использующие наемный труд, самостоятельно рассчитывают количество рабочих мест для трудоустройства инвалидов в соответствии с нормативом, установленным частью первой настоящей статьи, и обеспечивают трудоустройство военнослужащих, проходящих службу в резерве. При расчетах количество рабочих мест округляется до целого значения.

Выполнением норматива рабочих мест в количестве, определенном согласно части первой настоящей статьи, считается трудоустройство предприятием, учреждением, организацией, физическим лицом, использующим наемный труд, военнослужащих, проходящих службу в резерве, для которых это место работы является основным.

Центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику по вопросам надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, занятости населения, с целью контроля за выполнением норматива рабочих мест, предусмотренного частью первой настоящей статьи, в порядке, определенном Кабинетом Министров Украины, осуществляет проверки предприятий, учреждений, организаций, физических лиц, использующих наемный труд, по представленным ими отчетам о занятости и трудоустройстве военнослужащих, проходящих службу в резерве, о выполнении норматива рабочих мест, предназначенных для трудоустройства военнослужащих, проходящих службу в резерве.

Предприятия, учреждения, организации, физические лица, использующие наемный труд, у которых среднесписочная численность работающих военнослужащих, проходящих службу в резерве, меньше, чем установлено нормативом, предусмотренным частью первой настоящей статьи, ежегодно уплачивают сумму, которая определяется в размере средней годовой заработной платы на соответствующем предприятии, в учреждении, организации, у физического лица, использующего наемный труд, за каждое рабочее место, которое предназначено для трудоустройства военнослужащего, проходящего службу в резерве, и не занятое им. Для предприятий, учреждений, организаций, физических лиц, на которых работает от 8 до ... лиц (*численности, рассчитанной по нормативу*), размер административно-хозяйственных санкций за рабочее место, которое предназначено для трудоустройства военнослужащим, проходящим службу в резерве, и не занятое им, определяется в размере половины

средней годовой заработной платы на соответствующем предприятии, в учреждении, организации, у физического лица, использующего наемный труд. Положения настоящей части не распространяются на предприятия, учреждения и организации, которые полностью содержатся за счет средств государственного или местных бюджетов.

Нарушение сроков уплаты административно-хозяйственных санкций влечет за собой начисление пени. Пени исчисляется исходя из 120 процентов годовых учетной ставки Национального банка Украины, которая действовала на момент уплаты, начисленной на полную сумму недоимки за весь ее срок.

Уплаты административно-хозяйственных санкций и пени предприятия, учреждения, организации, физических лиц, использующих наемный труд, проводят в соответствии с законодательством за счет прибыли, остающейся в их распоряжении после уплаты всех налогов и сборов (обязательных платежей).

Административно-хозяйственные санкции рассчитываются и уплачиваются предприятиями, учреждениями, организациями, физическими лицами, указанными в части пятой настоящей статьи, самостоятельно в срок до 15 апреля года, следующего за годом, в котором произошло нарушение норматива, установленного частью первой настоящей статьи. При этом к правоотношениям по взысканию административно-хозяйственных санкций, предусмотренных частями шестой и седьмой настоящей статьи, не применяются сроки, определенные статьей 250 Хозяйственного кодекса Украины.

В случае неуплаты административно-хозяйственных санкций или пени либо невозможности их уплаты по решению суда их взыскание в принудительном порядке может быть обращено на имущество предприятия, учреждения, организации, физического лица, использующего наемный труд, в порядке, предусмотренном законодательством.

Суммы административно-хозяйственных санкций и пени, поступившие в Государственный бюджет, используются воинскими формированиями и правоохранительными органами специального назначения на финансирование расходов, касающихся профессионального обучения военнослужащих, которые проходят службу в резерве.

Споры, возникающие по вопросам правоотношений по этой статье, решаются в судебном порядке".

Определить упомянутый норматив следует по завершении особого периода, исходя из общей потребности в военнослужащих, которые проходят службу в резерве всех воинских формирований и

правоохранительных органов специального назначения. Предлагаем определять норматив рабочих мест для трудоустройства военнослужащих, проходящих службу в резерве, по формуле

$$\eta = \frac{x_p^{\Pi}}{z} \cdot 100 \% ,$$

где η – норматив рабочих мест для трудоустройства военнослужащих, проходящих службу в резерве;

x_p^{Π} – численность военных должностей резервных подразделений воинских формирований и правоохранительных органов специального назначения в соответствии с штатным расписанием;

z – численность должностей предприятий, учреждений и организаций государства (кроме предприятий, учреждений и организаций, которые полностью содержатся за счет средств государственного или местных бюджетов).

Выводы. В результате проведенного исследования обоснована необходимость внесения дополнений в нормативно-правовые акты, в частности, в законы Украины "О сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование", "О социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей", исполнение которых создаст условия для формирования, развития и использования военного резерва человеческих ресурсов.

Литература

References:

1. Медвідь, М. М. Зайнятість найманих працівників у з'єднаннях та військових частинах внутрішніх військ МВС України [Текст]: монографія / М. М. Медвідь. – Х. : Акад. ВВ МВС України, 2011. – 133 с.
2. Медвідь, М. М. Моделювання впливу грошового забезпечення військовослужбовця та рівня безробіття на укомплектованість військових посад [Текст] / М. М. Медвідь // Демографія і соціальна економіка. – 2014. – № 1 (21). – С. 169–179.
3. Медвідь, М. М. Достаточные условия гарантированного обеспечения отрасли трудовыми ресурсами [Текст] / М. М. Медвідь //

- Этап: економічна теорія, аналіз, практика. – 2014. – № 1. – С. 140–148.
4. Про оборону України [Електронний ресурс] : Закон України від 06.12.1991 р. № 1932-ХІІ : за станом на 25.08.2014 р. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1932-12> – Назва з екрана.
5. Про мобілізаційну підготовку та мобілізацію [Електронний ресурс] : Закон України від 21.10.1993 р. № 3543-ХІІ : за станом на 25.08.2014 р. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/3543-12> – Назва з екрана.
6. Про структуру військового резерву людських ресурсів [Електронний ресурс] : Постанова Кабінету Міністрів України від 18.10.2006 р. № 1426. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1426-2006-%D0%BF> – (дата звернення: 25.08.2014) – Назва з екрана.
7. Павленко, А. Кадрові і технічні аспекти реформування Збройних Сил України [Текст] / А. Павленко // Національна безпека і оборона. – 2004. – № 8 (56). – С. 50, 51.
8. Калагін, Ю. А. Військова служба за контрактом (соціальний вимір) [Текст] : монографія / Ю. А. Калагін ; за наук. ред. проф. Е. А. Афоніна. – Х. : ХУПС, 2008. – 278 с. – (Серія "Відкрита дослідницька концепція").
9. Про затвердження Концепції служби у військовому резерві Збройних Сил України [Текст] : наказ Міністра оборони України № 774 від 16 грудня 2011 р.
10. Про затвердження Програми реалізації Концепції служби у військовому резерві Збройних Сил України [Текст] : наказ Міністра оборони України № 560 від 22 серпня 2012 р.
11. Про Положення про проходження громадянами України служби у військовому резерві Збройних Сил України [Текст] : Указ Президента України № 618/2012 від 29 жовтня 2012 р.
12. Біла книга 2012. Збройні Сили України [Текст]. – К. : Міноборони України, 2013. – 74 с.
13. Про збір та облік єдиного внеску на загальнообов'язкове державне соціальне страхування [Електронний ресурс] : Закон України від 08.07.2010 р. № 2464-VI : за станом на 25.08.2014 р. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2464-17> – Назва з екрана.
14. Про основи соціальної захищеності інвалідів в Україні [Електронний ресурс] : Закон України від 21.03.1991 р. № 875-ХІІ : за станом на 25.08.2014 р. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/875-12> – Назва з екрана.

Рецензент: Профессор Олег Амосов, первый заместитель директора Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки и техники Украины.

მიხაილო მედვიდი, ნიკოლოზ ბაკშევევი
ადამიანური რესურსების სამხედრო რეზერვის ფორმირების,
განვითარებისა და გამოყენების პრობლემები

რეზიუმე

გაანალიზებულია ადამიანური რესურსების სამხედრო რეზერვის ფორმირების, განვითარებისა და გამოყენების პრობლემები. ცატარებული კვლევის შედეგად დასაბუთებულია ნორმატიულ-სამართლებრივ აქტებში დამატებების სექციის აუცილებლობა, კერძოდ, უკრაინის კანონებში “საერთოსავალდებულო სახელმწიფო სოციალური დაზღვევის ერთიანი საწევროს შეგროვებისა და აღრიცხვის შესახებ”, “სამხედრო მოსამსახურებისა და მათი ოჯახის წევრების სოციალური და სამართლებრივი დაცვის შესახებ”, რომელთა რეალიზაცია შექმნის ადამიანური რესურსების სამხედრო რეზერვის ფორმირების, განვითარებისა და გამოყენების პირობებს.

საკვანძო სიტყვები: ადამიანური რესურსების სამხედრო რეზერვი, ნორმატიულ-სამართლებრივ აქტეში, სამხედრო ფორმირებები და სპეციალური დანიშნულების სამარტლებრივი ორგანოები.

რეცენზენტი: პროფესორი ოლეგ ამოსოვი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის დირექტორის პირველი მოადგილე, ეკონომიკის მეცნიერებათა დოქტორი, უკრაინის მეცნიერებისა და ტექნიკის დამსახურებული მოღვაწე.

Mykhajlo Medvid, Mykola Baksheiev

**PROBLEMS OF FORMATION, DEVELOPMENT AND USE OF
MILITARY RESERVE OF HUMAN RESOURCES**

Summary

Problems of formation, development and use of a military reserve of human resources has been analysed in article. As a result of the conducted research need of introduction of additions for normative legal acts has been proved, in particular in Laws of Ukraine "About collecting and the accounting of a uniform contribution to obligatory state social insurance", "About social and legal protection of the military personnel and members of their families" which realisation will create conditions of formation, developments and uses of a military reserve of human resources is proved.

Keywords: military reserve of human resources, legal acts, military formations and special purpose law enforcement units.

Reviewer Professor Oleg Amosov, Deputy Director of the Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine, Doctor of Economic Sciences, Honored Worker of Science and Technology

УДК 351:330.59

Сергей Белай

Обоснование индикаторов механизма мониторинга кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения

Осуществлен отбор и обоснование индикаторов, определяющих уровень угроз национальной безопасности государства на социально-экономической почве, что могут привести к возникновению кризисных ситуаций с массовым участием населения. Рассчитано веса индикаторов, определено полноту процесса моделирования.

Ключевые слова: индикатор, кризисные явления, механизм мониторинга, государственное управление

На сегодняшнее время состояние социально-экономической безопасности регионов страны наиболее существенно влияет на состояние национальной безопасности государства в целом. Существующие кризисные явления социально-экономического характера, такие как высокий уровень бедности и нищеты, значительное имущественное расслоение населения, ликвидация так называемого "среднего класса", большой уровень коррупции и т.д. приводят к снижению уровня и качества жизни населения, снижение уровня доверия к власти и является толчком к появлению кризисных ситуаций с массовым участием населения на социально-экономической почве. Ужасным и трагическим подобным примером является новейшая история Украины 2013-2014 годов.

Для предотвращения возникновения похожих ситуаций в системе обеспечения национальной безопасности государства должны функционировать соответствующие государственные механизмы по мониторингу кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения.

Данная статья посвящена отбору и обоснованию индикаторов, определяющих уровень угроз национальной безопасности государства на социально-экономической почве, для дальнейшей разработки механизма мониторинга кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения с массовым участием населения.

В прошлые годы в Украине уже возникла проблема с выбором индикаторов социально-экономической безопасности. В последней редакции Стратегии национальной безопасности Украины [1] определяются задачи по усовершенствованию системы мониторинга

состояния национальной безопасности Украины, в частности путем введения показателей (индикаторов) состояния национальной безопасности, сбора, обработки и анализа информации о развитии ситуации в различных сферах национальной безопасности по определенным показателям (индикаторами) состояния национальной безопасности, оценки ситуации, прогнозирования ее развития и возможных негативных последствий.

Учеными проводятся исследования по определению критериев, показателей (индикаторов) социальной безопасности [2], мониторинга социально-экономического развития регионов [3], уровня и качества жизни населения в регионах [4], уровня социальной напряженности [5]. Все эти научные работы касаются отдельных вопросов оценки экономических и социальных процессов в регионах страны, при этом до сих пор не разработано единого механизма мониторинга кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения.

В Украине действуют нормативно-правовые акты (механизмы), которыми определены показатели (индикаторы), касающиеся сферы социально-экономической безопасности регионов страны. Таковыми являются Постановление Кабинета Министров Украины от 9 июня 2011 г. №650 "Оценка результатов деятельности Совета министров Автономной Республики Крым, областных, Киевской и Севастопольской городских государственных администраций" [6], а также статистические сборники Государственной статистической службы Украины по вопросам социально-экономического развития регионов Украины [7] и определения социальных индикаторов уровня жизни населения [8].

С целью отбора и обоснования индикаторов, определяющих уровень угроз национальной безопасности государства на социально-экономической почве в статье уместно подробнее рассмотреть указанные нормативно-правовые документы (механизмы).

Постановление Кабинета Министров Украины от 9 июня 2011 №650 [6] содержит десять глав, которые содержательно раскрывают деятельность Совета министров Автономной Республики Крым, областных, Киевской и Севастопольской городских государственных администраций. А именно:

- экономическое развитие;
- инвестиционная, научная и инновационная деятельность;
- государственные финансы;
- поддержка бизнеса;
- потребительский рынок;
- население и рынок труда;

- жилищно-коммунальное хозяйство;
- образование и здравоохранение;
- защита прав ребенка;
- уровень преступности.

Общее количество показателей (индикаторов) по этим разделам составляет 60, этот перечень очень основательный и на получение значений по этим индикаторами (показателям) областные и государственные администрации обращаются к Государственной статистической службы Украины, Министерству энергетики и угольной промышленности Украины, НАК "Нафтогаз Украины", Государственной фискальной службы Украины, Министерству финансов Украины, Пенсионному фонд Украины, Министерству образования и науки Украины, Министерству здравоохранения Украины, Министерству внутренних дел. Однако использование подобного количества источников информации для разрабатываемого механизма будет затруднительным.

Статистические сборники Государственной статистической службы Украины по вопросам социально-экономического развития Украины [7] содержат шесть разделов:

- валовой региональный продукт;
- сфера реального сектора;
- сфера инвестиционной и внешнеэкономической деятельности;
- сфера государственных финансов и финансовых результатов деятельности предприятий;
- сфера социального сектора;
- сфера потребительского рынка.

Общее количество показателей (индикаторов) по этим разделам составляет 30, показатели по разделам приведены на официальном сайте Государственной статистической службы Украины, они постоянно обновляются. Указанные индикаторы (показатели) в большей степени касаются состояния экономического положения в регионах страны и не отражают уровень жизни населения, при этом данные по ним всегда доступны.

Статистический сборник Государственной статистической службы Украины "Социальные индикаторы уровня жизни населения" [8] состоит из следующих десяти направлений оценки:

- макроэкономические показатели;
- демографическая ситуация;
- здравоохранение и безопасность;
- образование;
- занятость населения;

- показатели материальной обеспеченности населения;
- уровень и структура личного потребления;
- жилищные условия населения;
- показатели пенсионного обеспечения населения;
- показатели социальной напряженности.

Количество показателей (индикаторов) по этим разделам (выбраны те, что рассчитываются по регионам а не за государство в целом) составляет 38, они издаются печатными средствами информации за отчетный период. Указанные показатели в большей степени касаются индикаторов уровня жизни населения и не затрагивают экономическую ситуацию в регионах страны. Данные по этим индикаторам доступны в периодических изданиях.

Для отбора и обоснованию индикаторов, определяющих уровень угроз национальной безопасности государства на социально-экономической почве необходимо выбрать показатели из этих трех подходов. Механизм мониторинга разрабатывается с целью прогнозирования возникновения кризисных ситуаций с массовым участием населения, поэтому целесообразно расширить показатели сферы обеспечения общественной безопасности, а именно к разделу оценки "преступность" необходимо добавить преступления против общественной безопасности, а также преступления против общественного порядка и нравственности.

Для выбора и обоснования перечня индикаторов, уместно рассмотреть толкование понятия индикатор. В нашем случае индикаторы рассматриваются на пересечении двух наук – социологии и экономики, поэтому рассмотрим соответствующие определения.

Индикатор (лат. indicator – указатель) в социологии – доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта, позволяющая судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию [9].

Индикатор (лат. indicator – указатель) в экономике – ориентирующий экономический показатель, измеритель, позволяющий в определенной степени предвидеть, в каком направлении следует ожидать развития экономических процессов [10].

Итак, под индикатором в нашем случае целесообразно понимать доступную наблюдению и измерению характеристику изучаемого объекта, то есть показатель, измеритель, позволяющий в определенной степени предвидеть, в каком направлении следует ожидать развития социально-экономических процессов. При выборе индикаторов это определение было взято за основу.

Проведенными исследованиями было выбрано 139

соответствующих индикаторов. Было выбрано среди них наиболее весомые с помощью вычисления весового коэффициента α_i индикатора по выражению

$$\alpha_i = \frac{\bar{x}_i}{\sum_{i=1}^m \bar{x}_i}, \quad i = \overline{1, m}, \quad (1)$$

где m – количество индикаторов; \bar{x}_i – среднее значение i -го индикатора.

Учитывая задачи исследования (механизм разрабатывается для органов государственного управления, как городских государственных администраций, так и антикризисных центров) количество индикаторов была минимизирована путем исключения малозначимых, то есть тех, что существенно не влияют на состояние национальной безопасности, и тех, информация о которых является не доступной органам государственного управления. Все индикаторы также были разделены на четыре группы в порядке возрастания их веса. Так, в первую группу вошли индикаторы, которые определяют экономическое развитие, ко второй – потребительский рынок и заработную плату, к третьей – индикаторы рынка труда, к четвертой – индикаторы преступности.

Таким образом, было получено окончательный перечень индикаторов и повторно рассчитан весовой коэффициент α_i по выражению (1), (см. табл. 1).

Таблица 1
Перечень индикаторов учитываемых при моделировании

Название индикатора	весовой коэффициент α_i
1. Экономическое развитие	
1.1. Капитальные инвестиции	0,033
1.2. Объемы экспорта услуг	0,034
1.3. Объемы импорта услуг	0,034
1.4. Объемы экспорта товаров	0,034

1.5. Объемы импорта товаров	0,034
2. Потребительский рынок и заработная плата	
2.1. Объемы оборота розничной торговли	0,035
2.3. Среднемесячная заработная плата по регионам	0,036
2.4. Индекс реальной заработной платы	0,037
2.2. Индексы потребительских цен	0,038
2.5. Задолженность по выплате заработной платы	0,039
3. Рынок труда	
3.1. Потребность предприятий в работниках	0,037
3.2. Трудоустройство не занятых трудовой деятельностью граждан	0,038
3.3. Экономическая активность населения	0,039
3.4. Безработное население (по методологии МОТ)	0,040
4. Демографическая ситуация	
4.1. Численность населения	0,038
4.2. Численность постоянного населения	0,038
4.3. Внутренняя миграция - число прибывших	0,040
4.4. Внутренняя миграция - число выбывших	0,040
4.5. Внешняя миграция - число прибывших	0,040
4.6. Внешняя миграция - число выбывших	0,040
4.2. Количество родившихся	0,040
4.2. Количество умерших	0,041
5. Преступность	
5.1. Общее количество зарегистрированных преступлений	0,043
5.2. Количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений	0,043
5.3. Преступления против общественной безопасности	0,043
5.4. Преступления против общественного порядка и нравственности	0,043

Для обоснования выбранного перечня индикаторов было рассчитано достоверность, оперативность модели разрабатываемого механизма на основе указанных индикаторов, а также полноту моделирования с использованием этой модели за подходом, описанным в [9, С. 39 – 52]. Для этого выбранные индикаторы сравнивались с теми, что используются в известных подходах, утвержденных руководящими документами [6 – 8].

Достоверность результатов моделирования зависит от количества и важности индикаторов, от точности их учета и может оцениваться специальным показателем достоверности [9, с. 50]

$$R = 1 - \sum_{k=1}^4 \beta_k \cdot \sum_{j=q_k}^m \alpha_i, \quad (4)$$

где R – показатель достоверности результатов моделирования; α_i – вес важности учета i -го индикатора в относительных единицах; q_e – множество индикаторов, учитываемых в модели k -м способом обобщения; β_k – относительное среднее значение погрешности в расчетах из-за неточного (обобщенного) учета индикаторов в модели.

Величина β_k может принимать различные значения, в частности [9, с. 50-51]:

- 1) $\beta_1 = 0$ при непосредственном учете значимого индикатора путем задания в модели его текущего значения с реального процесса;
- 2) $\beta_2 = 0,445$ при замене различных, но одинаковых по физическим значениям индикаторов, одним индикатором (простое обобщение);
- 3) $\beta_3 = 0,6$ при функциональном обобщении разнородных взаимосвязанных индикаторов и их учете в модели в виде одной представительной величины;
- 4) $\beta_4 = 1,33$ при косвенном (неявном) учете индикаторов.

Было определено достоверность результатов, получаемых с использованием этой разрабатываемого механизма. Так, показатель достоверности R для разрабатываемой модели механизма, составил $R_{роз} = 0,46$; показатель достоверности существующих подходов [6 – 8] $R_{роз} = 0,35$; $0,39$ и $0,23$ соответственно. Итак, достоверность оценок с применением разрабатываемого механизма мониторинга кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения будет больше, чем тех оценок, которые были получены с использованием существующих подходов.

Оперативность моделирования оценивается вероятностью P своевременного получения результатов моделирования по выражению

[9, с. 44]

$$P = 1 - e^{-\frac{T_k}{t_c}}, \quad (5)$$

где T_k – отведенное время на оценку уровня угроз национальной безопасности на социально-экономической почве; t_c – среднее время оценки уровня угроз национальной безопасности на социально-экономической почве с использованием разрабатываемой модели.

Так, отведенное время T_k аналитику органа государственного управления (городская государственная администрация, антикризисный центр) на сбор и анализ данных по социально-экономической безопасности для осуществления прогнозных оценок, в среднем 120 мин. Это время в разрабатываемой модели составляет 30 мин., за подходом [6] – 120 мин., по подходам [7, 8] – 60 мин.

Экономии времени в разрабатываемом механизме получаем за счет автоматизации процесса оценки путем разработки соответствующего программного обеспечения.

Таким образом, вероятность своевременного получения результатов моделирования для разрабатываемого механизма составляет 0,98, по подходу [6] – 0,74, по подходам [7, 8] – 0,86.

Было оценено меру ожидаемой полноты моделирования Y [9, С. 51]. Исходя из равновесности выходных параметров оценивания, выражение по которому проводится оценка было упрощено до

$$Y = R \cdot P. \quad (6)$$

где R – показатель достоверности результатов моделирования; P – вероятность своевременного получения результатов моделирования.

Мера ожидаемой полноты моделирования за счет использования выбранных индикаторов (разрабатываемая модель механизма) $Y_{роз}$ составила 0,46; по подходу [6] – 0,3, по подходам [7] – 0,31, [8] – 0,2.

Целесообразность разработки новой модели количественно можно оценить разницей значений показателя полноты разрабатываемого механизма мониторинга социально-экономической безопасности

$Y_{роз}$ с существующими подходами $Y_{сущ}$ [9, С. 51]

$$Y_{\text{роз}} - Y_{\text{суц}} > 0. \quad (7)$$

Так, по выражению (7) имеем для подхода [6] $0,16 > 0$; для подхода [7] $0,15 > 0$; для подхода [8] $0,26 > 0$, то есть механизм мониторинга социально-экономической безопасности целесообразно разрабатывать.

Для одновременного сравнения полноты моделирования в модели разрабатываемого механизма $Y_{\text{роз}}$ и существующих подходов [6 – 8] $Y_{\text{суц}}$ используют обобщенный показатель эффективности [9, с. 52]

$$W = \frac{Y_{\text{роз}} - Y_{\text{суц}}}{1 - Y_{\text{суц}}}. \quad (8)$$

где W – обобщенный показатель эффективности.

Этот показатель показывает степень приближения модели разрабатываемого механизма к идеальной модели: $Y_{\text{ид}} = 1$. Полученные значения показателя эффективности разрабатываемой модели W составляют 0,23 для подхода [6], 0,22 для подхода [7], 0,32 для подхода [8]. Следовательно, показатель эффективности указанной модели является неотрицательным, то есть механизм мониторинга кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения целесообразно разрабатывать по определенному выше в статье перечню индикаторов.

Таким образом, на основе проведенных исследований сформирован перечень значимых индикаторов, определяющих уровень угроз национальной безопасности государства на социально-экономической почве, что могут привести к возникновению кризисных ситуаций с массовым участием населения.

Рассмотренный подход [9, С. 39 – 52] по расчету достоверности, оперативности, а также полноты моделирования доказывает целесообразность разработки механизма мониторинга кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения. Дальнейшие исследования будут направлены на разработку указанного механизма на основе сформированных индикаторов.

Литература
References:

1. Стратегія національної безпеки України «Україна у світі, що змінюється» : Указ Президента України від 8 червня 2012 року № 389/2012 [Електронний ресурс]. Верховна Рада України. Законодавство України. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/389/2012>.
2. Ільчук, Л.І. Критерії, показники та індикатори соціальної безпеки (спроба аналізу) [Електронний ресурс] / Л. І. Ільчук, О. О. Давидюк // Центр перспективних соціальних досліджень Міністерства соціальної політики України та НАН. – URL : <http://cpsg.org.ua/index.php>.
3. Когут, А.Е. Информационные основы регионального социально-экономического мониторинга [Електронний ресурс] / А. Е. Когут, В. С. Рохчин. – ИСЭП РАН, С-Пб, 1995. – URL : http://universal-group.in.ua/fileadmin/user_upload/articles_2012/Gladchenko_monitoring.pdf.
4. Аюшеева, С.Н. Формирование системы индикативного мониторинга качества жизни населения в регионах России [Текст] : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / С. Н. Аюшеева. – Улан-Удэ, 2006. – 160 с.
5. Кизим, Н.А. Программно-целевой подход к государственному управлению социальной напряженностью в регионах [Текст] : монографія / Н.А. Кизим, В.В. Узунов. – Х.: ИД «ИНЖЕК», 2007. – 204 с.
6. Постанова Кабінету Міністрів України від 09 червня 2011 року №650 "Оцінка результатів діяльності Ради міністрів Автономної Республіки Крим, обласних, Київської та Севастопольської міських державних адміністрацій" (зі змінами станом на 22.11.2013).
7. Соціально-економічний розвиток регіонів України [Електронний ресурс]. Данні з офіційного сайту Державного комітету статистики України. – URL : <http://www.ukrstat.gov.ua>.
8. Соціальні індикатори рівня життя населення [Текст] : статистичний збірник. – К.: Державний комітет статистики України, 2013. – 221 с.
9. Грицанов, А.А. Социология: энциклопедия [Електронний ресурс] / А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. евелькин, Г.Н. соколова, О.В. Терещенко, 2003. – URL : <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/indikator>.
10. Борисов ,А.Б. Большой экономический словарь [Електронний ресурс] / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с. – URL : <http://www.bank24.ru/info/glossary/?srch=%C8%CD%C4%C8%CA%CO%D2%CE%D0>

11. Городнов, В.П. Теоретические основы моделирования микроэкономических и других процессов и систем [Текст] : монография / В.П. Городнов. – Х.: Акад. ВВ МВД Украины, 2008. – 484 с.

Рецензент: Профессор Андрей Дегтярь, кафедра экономической теории и финансов Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, доктор наук по государственному управлению,

სერგეი ბელაი

სოციალურ-ეკონომიკური ხასიათის კრიზისული მოვლენების (სიტუაციების) წარმოშობის მონიტორინგის მექანიზმის ინდიკატორების დასაბუთება

რეზიუმე

განხორციელებულია იმ ინდიკატორების შერჩევა და დასაბუთება, რომლებიც განსაზღვრავენ სახელმწიფოს ეროვნული უსაფრთხოების საფრთხეების დონეს სოციალურ-ეკონომიკურ ნიადაგზე, რამაც შეიძლება გამოიწვიოს კრიზისული სიტუაციების წარმოქმნა მოსახლეობის მასობრივი მონაწილეობით. გამოთვლილია ინდიკატორების წონა, განსაზღვრულია მოდელირების პროცესის სისრულე.

საკვანძო სიტყვები: ინდიკატორი, კრიზისული მოვლენები, მონიტორინგის მექანიზმი, სახელმწიფო მართვა.

რეცენზენტი: პროფესორი ანდრეი დეგტიარი. უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის ეკონომიკური თეორიისა და ფინანსების კათედრა.

Sergey Belay

Justification Indicators Monitoring Mechanism of the Socio-Economic Crisis (Situations)

Summary

Carried out the selection and justification of indicators of the level of threats to national security in the socio-economic basis, that can lead to

crisis situations with the massive participation of the population. Calculated weight of indicators, defined completeness of the modeling process.

Keywords: indicator, crisis, monitoring mechanism, public administration

Reviewer: Professor Andrey Degtiar. Department of Economics and Finance of the Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

ს ა მ ა რ ო ა ლ ო

343.135 (477)

ЕЛЕНА СОЛОВЬЕВА ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье раскрыты проблемы становления и развития института примирения сторон в уголовном процессе Украины. Предложен ряд мероприятий по его совершенствованию, проанализирована реализация примирения сторон в уголовном процессе Украины как одна из составных частей института освобождения от уголовной ответственности, а так же рассмотрены основания для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.

Ключевые слова: примирение сторон, освобождение от уголовной ответственности, альтернативы уголовной ответственности, преступление, уголовное производство, соглашение, подозреваемый, обвиняемый.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением подозреваемого (обвиняемого) с потерпевшим (ст. 46 УК и ст. 471 УПК Украины) можно отнести к кругу альтернатив (является компромиссным средством решения уголовных конфликтов), как уголовной ответственности, так и уголовному наказанию. Необходимо заметить, что примирение является нетрадиционным механизмом реакции государства на преступление, и может существовать только при возможности и правомерности уголовной ответственности лица. Альтернатива считается заменой, в частности, наказанию лица, другими мерами (возмещение причиненного вреда, примирение) [1, с. 476-477]. Конечно, одним только усилением ответственности за совершение преступлений и применением жестоких наказаний, нельзя достичь стабильности в обществе. Поэтому государство должно шире применять альтернативные меры освобождения от уголовной ответственности, а, в частности, примирение сторон, что будет значительным шагом вперед к достижению мировых стандартов обеспечения прав лиц, особенно пострадавших от преступлений.

Так, общие проблемы института примирения сторон в уголовном процессе рассматривали в своих работах такие известные ученые как: Х.Д. Аликперов, Ю.В. Баулин, В.М. Верещак, И.А. Войтюк, Л.М. Володина, Л.В. Головка, Ю.М. Грошевой, О.А. Губская, В.В. Землянская, О.Ф. Ковитиди, Л.В. Лобанова, В.Т. Маляренко, А.А. Парфило, В.В. Сверчков, В.М. Трубников, С.А. Туркота, Г.О. Усатый, Д.В. Филин и др., но комплексных целостных исследований по этой проблеме до последнего времени не проводилось, не подготавливались и пути усовершенствования порядка примирения сторон после принятия УПК 2012 года. Именно это свидетельствует об актуальности данной темы исследования. Исходя из этого, цель статьи заключается в комплексном научном анализе проблем реализации условий и порядка применения примирения сторон в уголовном процессе Украины и освобождения лица от уголовной ответственности, а так же прекращения уголовного производства по этому основанию, определение путей улучшения уголовного процессуального законодательства и практики его применения в этой части. Ее новизна заключается в том, что впервые предложен ряд мероприятий по совершенствованию института примирения сторон, проанализирована реализация примирения сторон в уголовном процессе Украины как одна из составных частей института освобождения от уголовной ответственности, а так же рассмотрены основания для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.

Именно на примере примирения усматривается, что его применение возможно лишь тогда, когда лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести (имеются основания для привлечения его к уголовной ответственности), но при выполнении некоторых условий (возмещение причиненного преступлением ущерба и примирение с потерпевшим), оно может быть освобождено от уголовной ответственности на основании ст. 46 УК Украины. В данном случае примирение сторон можно рассматривать, по словам Л.В. Головка, как правомерный выбор между основными традиционными элементами реакции государства на преступление, которые подлежат применению в общем порядке и правовыми мерами, не связанными с уголовной ответственностью и наказанием. То есть, в любом конкретном случае имеются все материальные и процессуальные условия для обычной реакции государства на преступление в форме уголовного преследования и наказания лица, но государство предоставляет компетентным органам юридическую возможность выбрать другое средство - примирение

сторон, которое не связано с механизмом уголовной репрессии [1, с. 253-254].

Учитывая вышеизложенное положение о том, что освобождение от уголовной ответственности является альтернативой самой ответственности, а реализуются они оба в процессуальном порядке (определенной процессуальной форме), и, соглашаясь с приведенной мыслью Л.В. Головка, можно утверждать, что нормы УПК, регламентирующие порядок освобождения от уголовной ответственности и являются альтернативой обычному уголовному преследованию. Это лишний раз подчеркивает поддержанную нами позицию Д.В. Филина [2, с. 148-153], которая касается самостоятельности постановления следователя о направлении производства в суд для решения вопроса об освобождении подозреваемого от уголовной ответственности, как формы окончания досудебного следствия. Продолжая эту мысль дальше, можно утверждать, что деятельность уполномоченных государственных органов и их должностных лиц по освобождению подозреваемого (обвиняемого) от уголовной ответственности, рассматривается, вообще, как отдельный вид производства в рамках уголовного процесса Украины. В свою очередь, это обуславливает необходимость подробной регламентации каждого шага, каждого решения в рамках производства по освобождению подозреваемого (обвиняемого) от уголовной ответственности.

Для того, чтобы всесторонне и полно проанализировать реализацию примирения сторон в уголовном процессе Украины, как одну из составных частей института освобождения от уголовной ответственности, нужно, на наш взгляд, исследовать материальное основание освобождения от уголовной ответственности (ст. 46 УК Украины) и определить те признаки, которые имеют отношение и влияют на процессуальный порядок реализации примирения. В основу этого исследования мы возлагаем общую классификацию оснований освобождения от уголовной ответственности.

В целом, существует много мнений ученых по поводу общих оснований освобождения от уголовной ответственности. Например, С.Г. Келина дала обоснование двух универсальных оснований освобождения от уголовной ответственности: небольшая общественная опасность совершенного преступления и отсутствие или небольшая общественная опасность лица, которое вследствие этого, или вообще не нуждается в исправлении, или может быть исправлено без применения наказания [3, с. 49]. Такие основания относятся и к примирению сторон. Позицию С.Г. Келиной поддержало многие

ученые, в частности, Т.А. Лесниевски-Костарева, С. Милицин и др. [4, с. 182-183; 5, с. 41-42].

Уголовный кодекс Украины предусматривает целый ряд материально-правовых оснований, на основании которых лицо освобождается от уголовной ответственности. Их классифицируют по различным признакам. Ученые разделяют их на общие и специальные, дискреционные и императивные, субъективные и объективные, условные (временные) и безусловные (окончательные) [6, с. 210-212; 7, с. 37-40; 8, с. 62-68; 1, с. 256-288]. Нами дается краткая характеристика этих оснований с учетом их значения для процессуального порядка реализации примирения.

Примирение - общее основание. Известно, что правовые нормы об освобождении лица от уголовной ответственности могут содержаться только в УК Украины, поэтому критерием такой классификации является структура этого кодекса - деление его на Общую и Особенную части. Так, ст. 46 УК Украины относится к Общей части УК Украины, поэтому ее, по правилу, можно считать общим основанием освобождения лица от уголовной ответственности. Такое его расположение свидетельствует о том, что оно (основание) может быть применено к любой личности обвиняемого без существенных ограничений, в отличие, например, от освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних на основании ст. 97 УК Украины.

Общие основания, в свою очередь, могут быть классифицированы по определенным признакам, которые характеризуют субъект преступления (физическое вменяемое лицо (ст. 18 УК Украины)), что подлежит уголовной ответственности. По действующему уголовному законодательству таким признаком является возраст данного лица (ст. 22 УК Украины). Конечно, основание освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон может применяться к любому лицу независимо от его возраста, с которого возможно наступление уголовной ответственности на основании ст. 22 УК Украины, поэтому его можно признать как основное общее основание освобождения от уголовной ответственности.

Анализируя нормы относительно оснований для освобождения можно сделать вывод, что в некоторых случаях освобождения от уголовной ответственности и прекращения в отношении лица, совершившего преступление, уголовного производства при наличии всех необходимых формальных предпосылок для принятия такого решения является обязанностью, а в определенных случаях правом

компетентных государственных органов. Иными словами, возможность и целесообразность освобождения лица от уголовной ответственности должны оцениваться в каждом конкретном случае, прежде всего, с точки зрения публичных интересов. В других случаях, если возникает предусмотренное законом основание, законодатель обязывает суд освобождать лицо от уголовной ответственности. Согласно такому подходу все основания освобождения от уголовной ответственности классифицируют на дискреционные (факультативные) и императивные (обязательные) [4, с. 153; 1, с. 267-274]. Хотя такое разделение признается не всеми учеными. В частности, норма об освобождении лица от уголовной ответственности (ст. 46 УК Украины) прямо указывает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, *освобождается* (курсив автора) от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и возместило причиненный ущерб или устранило причиненный вред "[9]. Это и (нами поддерживается мнение Ю.В. Баулина) характеризует указанное в ст. 46 УК Украины предписание, как императивное, а соответственно сама норма является императивной [8, с. 62]. И вполне оправдано в ч. 3 ст. 288 УПК Украины отмечается, что в случае наличия оснований, предусмотренных ст. 46 УК Украины в производствах, поступивших в суд с обвинительным актом, суд в судебном заседании выносит определение о прекращении производства. То есть, законодатель, предоставив суду право освобождать, возложил на него обязанность не медлить с увольнением. И, на наш взгляд, вызывает некоторое непонимание, почему, при наличии императивного основания для освобождения, следователь или прокурор "вправе направить производство в суд для решения вопроса прекращения уголовного производства" [10]. Конечно, ни следователь, ни прокурор не могут принять окончательное решение по производству, но что им мешает при установлении имеющихся оснований, указанных в ст. 46 УК Украины, не теряя времени даром по убеждению (стоит или нет), принимать решение в порядке ч. 1 ст. 288 УПК Украины, а сразу направить производство в суд для решения его по существу. Определить реальную степень опасности лица, совершившего деяние для общества, а также характер нарушенных интересов (государственные, общественные, частные), можно только исходя из обстоятельств конкретного уголовного производства, а не только с материально-правовой квалификации деяния. Так, законодатель предоставил потерпевшему возможность решить судьбу уголовного производства, выразить свое отношение к тому, что заслуживает

подозреваемый, который своими активными действиями получил прощение. Поэтому компетентные государственные органы, а в частности суд, при наличии соответствующих условий, обязаны прекратить уголовное производство на основании ст. 46 УК Украины.

Согласно классификации оснований освобождения от уголовной ответственности, они делятся на субъективные и объективные. Примирение сторон является субъективным основанием, так как оно совершается в зависимости от позитивного поведения субъекта, которое закреплено в норме УК Украины, которой законодатель четко формулирует те действия, которые должны быть совершены подозреваемым до принятия соответствующего решения (возмещение ущерба и примирение с потерпевшим) [11, с. 39]. Иными словами, если потерпевший и подозреваемый примирились на досудебном следствии, то последний, в свою очередь, должен полностью возместить ущерб и получить прощение потерпевшего еще до вынесения следователем надлежащего постановления. А соответственно, субъективные основания освобождения от уголовной ответственности ограничивают во времени возможность выполнения позитивных действий подозреваемым (обвиняемым). Так, если подозреваемый (обвиняемый) не успел возместить ущерб (особенно на досудебном следствии, которое может производиться не более 1-2 месяцев), хотя и желает этого и стремится к примирению, может быть освобожден от уголовной ответственности. В условиях большого количества подозреваемых с низким показателем доходов, - это имеет свое значение и должно найти решение в законе. Считаем, что, не меняя в ст. 46 УК Украины, исправить такой вероятное негативное последствие, которое может иметь примирение, можно лишь в пределах процессуального порядка, предусмотренного ст. 471 УПК Украины. Общая идея заключается в том, что следователь или прокурор могут предоставлять подходящее время подозреваемому для возмещения ущерба и примирения с потерпевшим. Особенно это имеет значение в реформировании порядка применения примирения сторон и привлечения к этому процессу посредника (медиатора). Ближайшее по правовой природе и такое, что обеспечит защиту прав и законных интересов участников процесса и не повредит интересам судопроизводства - это институт приостановления уголовного преследования, где можно закрепить положение о том, что на основании ходатайства подозреваемого (обвиняемого) по решению следователя, прокурора, судьи уголовное производство может быть приостановлено для возмещения подозреваемым (обвиняемым) ущерба и проведения примирения с потерпевшим.

Согласно тому, что все основания освобождения от уголовной ответственности классифицируются на условные (временные) и безусловные (окончательные), можно сказать, что в основу такого деления с материально-правовой точки зрения возложено выполнение или невыполнение лицом определенных обязанностей после того, как соответствующее решение будет принято, а с процессуальной точки зрения - возможность или невозможность отмены решения о прекращении уголовного производства и его возобновления для предъявления лицу подозрения. Исходя из такого критерия, можно определить, что примирение сторон относится к безусловным или окончательным основаниям освобождения лица от уголовной ответственности. То есть это такие основания, по которым лицо освобождается от уголовной ответственности без применения к ним каких-либо специальных мероприятий или возложения обязанностей, которые оно должно впоследствии выполнить. Итак, если решение об освобождении лица от уголовной ответственности по безусловному основанию принимается, то оно является окончательным. Например, на это указывают Ю.В. Баулин и Л.В. Головка, предоставляя их классификацию [8, с. 63-64; 11, с. 39-40]. Так, еще раз обращая на себя внимание то, что освобождение от уголовной ответственности имеет место после выполнения определенных обязанностей лицом к примирению, поэтому возможность предоставления сторонам определенного времени на примирение не будет лишней.

Некоторые ученые критикуют такие безусловные последствия освобождения от уголовной ответственности, считая, что "теоретически допускается неоднократное освобождение от уголовной ответственности лица", которое ранее уже освобождалось от уголовной ответственности. Они считают, что освобождение от уголовной ответственности должно иметь условный характер, "чтобы правонарушитель два-три года чувствовал над собой невидимый меч уголовного закона, четко осознавая, что меч немедленно спустится, если он нарушит условия своего освобождения". В то же время субъективные основания освобождения от уголовной ответственности должны быть условными, тогда как объективные - безусловными [12, с. 14].

Подытоживая вышесказанное, можно согласиться с высказанным мнением Л.В. Головка о том, что под альтернативой уголовной ответственности понимается возможность выбора между уголовным преследованием и наказанием - с одной стороны, и другими формами реакции государства на преступление, - с другой [1, с. 254]. Настоящая альтернатива уголовной ответственности существует лишь тогда,

когда нет никаких формальных препятствий для уголовного преследования лица, но компетентные органы имеют право (обязаны) на другую реакцию на преступление - освобождение от уголовной ответственности, то есть имеют право на альтернативу. Основания освобождения от уголовной ответственности являются альтернативным механизмом решения уголовно-правовых конфликтов и результатом преодоления вредных последствий преступления усилиями самого подозреваемого (обвиняемого), минуя традиционные репрессивные меры (ответственность, наказание, гражданский иск и др.).

Некоторые специалисты уголовной юстиции опасаются, что примирение придаст трудностей для осуществления правосудия и вызовет разгул преступности, так как подозреваемый будет психологически оказывать давление на потерпевшее лицо, чтобы оно соглашалось на примирение, пострадавшие будут на все согласны и тем самым преступники уйдут от ответственности. Однако, когда воздействие на потерпевших возникает в тех или иных случаях, например, оно действительно сопровождается угрозами, то правоохранительным органам надо контролировать нормальное проведение процесса примирения, создавать условия для добровольного согласия на примирение сторон, а в определенных случаях применять положения об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Следует согласиться с мнением А.В. Баулина, Н.С. Карпова, А.И. Поповченко, Д.А. Савицкого, что сегодня для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, характер которой должен соответствовать тяжести преступления, специфики личности, степени сложности установления обстоятельств производства, необходимости защиты интересов потерпевшего и подозреваемого, надо углубить дифференциацию форм уголовного процесса [13, с. 38-39].

Надлежащая правовая процедура - это возможность соблюдать процессуальные гарантии, а не вовлекать всех, кто обратился в правоохранительные органы, в орбиту уголовного процесса. Дифференциация форм уголовного процесса даст возможность не затягивать рассмотрение уголовных производств и экономить государственные средства, а также создавать соответствующие формы уголовно-процессуальной деятельности, которые будут наиболее эффективными. Нельзя не согласиться с Х.У. Рустамовым по обоснованию необходимости введения упрощенных процедур разрешения уголовных производств. Так, указанный автор отмечает,

что между гражданами всегда возникает множество конфликтов, часть которых не носит общественно опасный характер и не затрагивает существенные интересы государства и общества, однако, другая часть может быть поводом для уголовного преследования, хотя и относится к преступлениям небольшой тяжести. В условиях роста числа правонарушений, споров и конфликтов при недостаточности квалифицированных судей и слабой ресурсной обеспеченности системы юстиции, логично возникает необходимость введения в законодательном порядке упрощенной формы рассмотрения дел. Такие формы могут быть как судебными, так и снаружи традиционных судебных рамок. Поэтому задачей законодателя должна быть выработка оптимальных мер по реагированию и решению подобных конфликтов с использованием как можно меньшего принуждения и времени производства по таким процедурам, одновременно с введением ряда соответствующих гарантий соблюдения прав и законных интересов сторон этого конфликта, не исключая государство [14, с. 79-80].

В настоящее время существует много государственных и общественных организаций, ведущих работу с правонарушителями (Украинский Центр согласия, Центр "Судебно-правовая реформа"), особенно с несовершеннолетними, которые испытывают новейшие формы и методы в своей работе, направленные на создание условий по профилактике преступности и создания различных социально-реабилитационных программ примирения жертвы и преступника [15, с. 52-53; 16, с. 48-52]. Поскольку программы примирения могут иметь реабилитационный эффект и без дополнительных затрат для системы уголовного правосудия, возникает необходимость создания условий для партнерских отношений органов местного самоуправления, правоохранительных органов, судов и общественных организаций, ведущих работу по примирению сторон. В то же время сотрудничество с представителями органов местного самоуправления, реабилитационными и социальными службами необходимо для полноценного осуществления самих программ примирения. На такой подход по внедрению упомянутых форм взаимодействия судей Украины с соответствующими организациями и ориентирует в своих последних постановлениях Пленум Верховного Суда Украины.

Поэтому, по нашему мнению, такие альтернативные способы преодоления уголовных конфликтов как медиация или восстановительное правосудие в Украине нужно развивать и воплощать в реальную жизнь. Поскольку, в частности, медиация имеет положительные последствия не только для потерпевшего и

правонарушителя, она могла бы стать конкретным механизмом реализации права сторон на примирение и способствовать дальнейшей гуманизации правосудия. Но главным должно стать то, что, как форма примирения между потерпевшим и преступником, медиация должна быть доступна всем гражданам государства для обеспечения их конституционного права на равенство перед судом.

В данной статье мы попытались решить указанную выше проблему с помощью применения общего диалектического метода научного познания действительности, который позволил рассмотреть институт примирения сторон в его развитии, взаимосвязи и взаимодействии, а так же позволил разрешить и проанализировать эффективность действующих правовых норм, которые касаются примирения сторон. В процессе работы использовались и отдельные научные методы: исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, статистический, метод моделирования и прогнозирования. Исторический метод применялся для изучения становления и развития норм о примирении сторон в уголовном процессе. Сравнительно-правовой метод использован для выявления особенностей применения основания о примирении сторон в различные периоды времени в странах мира. Формально-логический метод применен при определении таких понятий, как "примирение", "альтернативы уголовному преследованию" и др. Для определения перспектив развития примирения сторон в Украине был использован метод моделирования и прогнозирования. С помощью статистического метода было собрано и использовано в исследовании данные следственной и судебной статистики.

ლიტერატურა

References:

1. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2002. – 544 с.
2. Филин Д.В. Прекращение уголовного дела с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности // Проблемы законности: Респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2002. – Вип. 55. – С. 148-153.
3. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. - М.: Наука, 1974. – 232 с.
4. Лесниевски–Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика.– М.: Издательство НОРМА, 2000. – 400 с.
5. Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант? // Российская юстиция. – 1999. - № 12. – С. 41–42.

6. Сверчков В.В. Уголовное право: Общая часть: Краткий курс лекций. - М.: Юрайт - Издат, 2004. - 256 с.
7. Головки Л. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. - 1998. - № 11. - С. 37-40.
8. Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: Монографія. – К.: Атіка, 2004. – 296 с.
9. Кримінальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. - 2001. - № 25-26. - Ст. 131.
10. Кримінальний процесуальний кодекс України : Закон України від 13 квіт. 2012 р. // Голос України. — 2012. — № 90—91. — 19 травня.
11. Головки Л. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. - 1998. - № 11. - С. 37-40.
12. Алиқперов Х.Д. Новый УК: проблемы освобождения от уголовной ответственности // Законность. - 1999. - № 4. – С. 12-14.
13. Баулін О.В., Карпов Н.С., Поповченко О.І., Савицький Д.О. Спрощене досудове провадження в Україні: історія, сучасність, перспективи: Навчальний посібник. – К.: Семенко Сергій, 2004. - 151 с.
14. Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы: Учебн. Пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 304 с.
15. Маляренко В.Т., Войтук І.А. Відновлювальне правосуддя: можливості запровадження в Україні // Вісник Верховного Суду України. – 2004. - № 8 (34).- С. 34-63.
16. Економічна і соціальна Рада ООН. Резолюція від 24 липня 2004 року Основні принципи застосування програм відновного правосуддя у кримінальних справах // Відновне правосуддя в Україні: Спецвипуск.- 2005.- С. 48-52.

Рецензент: Професор Сергей Слинко, доктор юридических наук. Кафедра уголовно-правовых дисциплин факультета права и массовых коммуникаций Харьковского национального университета внутренних дел, Украина.

ელენე სოლოვიოვა
მხარეთა შერიგების ინსტიტუტი უკრაინის სისხლის
სამართლის პროცესში: რეფორმირებისა და სრულყოფის
პრობლემები

რეზიუმე

სტატიაში გახსნილია უკრაინის სისხლის სამართლის პროცესში მხარეთა შერიგების ინსტიტუტის ჩამოყალიბებისა და განვითარების პრობლემები. შემოთავაზებულია მისი სრულყოფის რიგი ღონისძიებები, გაანალიზებულია უკრაინის

სისხლის სამართლის პროცესში მხარეთა შერიგების რეალიზაცია, როგორც სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობისაგან განთავისუფლების ინსტიტუტის ერთერთი შემადგენელი ნაწილი, ასევე განხილულია მხარეთა შერიგების გამო პიროვნების სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობისაგან განთავისუფლების საფუძვლები.

საკვანძო სიტყვები: მხარეთა შერიგება, სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობისაგან განთავისუფლება, სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობის ალტერნატივები, დანაშაული, სისხლის სამართლის წარმოება, შეთანხმება, ექვმიტანილი, ბრალდებული.

რეცენზენტი: პროფესორი სერგეი სლინკო, იურიდიულ მეცნიერებათა დოქტორი. შინაგან საქმეთა ხარკოვის ეროვნული უნივერსიტეტის სამართლისა და მასობრივი კომუნიკაციების ფაკულტეტის სისხლის სამართლის დისციპლინების კათედრია.

**ELENA SOLOVIEVA
INSTITUTE OF RECONCILIATION PARTIES IN CRIMINAL
PROCEEDINGS UKRAINE: PROBLEMS REFORM AND
IMPROVEMENTS**

Summary

The article reveals the problems of formation and development of the institute conciliation in criminal proceedings in Ukraine. A number of measures to improve it, analyzed the implementation of reconciliation in the criminal process of Ukraine as one of the components of the Institute for exemption from criminal liability, as well as considered grounds for excluding a person from criminal responsibility in connection with the reconciliation of the parties.

Keywords: conciliation, exemption from criminal liability, alternative criminal liability, crime, criminal proceedings, the agreement, the suspect, the accused.

Reviewer: Professor Sergey Slinko. Doctor of Law, Professor of Criminal Law, Faculty of Law and Mass Communications of the Kharkov National University of Internal Affairs, Ukraine.

დავით ასლანიშვილი ტრანსნაციონალური
კორპორაციების (ტნკ) რეგულირების ზოგიერთი ასპექტი

ტნკ წარმოადგენს მნიშვნელოვან ფიგურას გლობალური მართვის სისტემაში, თამაშობს დიდ როლს გლობალიზაციაში და როგორც ირიბად ისე უშუალოდ მონაწილეობს მსოფლიო ეკონომიკურ და პოლიტიკურ პროცესებში.

საერთაშორისო სამართლებრივი ურთიერთობების რეგულირების განმტკიცების პირობებში, ტნკ-ს სამართლებრივი სტატუსი სათანადოდ უნდა განისაზღვროს. ტნკ-ს სპეციფიკიდან გამომდინარე, მათ აქვთ განყოფილებები მრავალი ქვეყნის ტერიტორიაზე და ტნკ ვერ მოექცევა რომელიმე ერთი ქვეყნის იურისდიქციაში და მისი საქმიანობა ვერ დარეგულირდება რემოელიმე ცალკე აღებული ქვეყნის ეროვნული კანონმდებლობით, იგი შეიძლება გადაწყვეტილი იყოს მხოლოდ საერთაშორისო სამართლის ჩარჩოებში. ტნკს სამართლებრივი სტატუსის განსაზღვრის პერსპექტივად გვესახება საერთაშორისო სამართლებრივი ნორმების უნიფიკაცია ეროვნული სამართლებრივი ნორმების გათვალისწინებით. უნიფიცირებული ნორმების იმპლემენტაციით ნაციონალურ სამართლებრივ სისტემაში, რათა მოხდეს ტნკს რეგულაცია, როგორც საერთაშორისო ისე ნაციონალურ სამართლებრივი სისტემებით.

საკვანძო სიტყვები: გლობალური მართვის სისტემა, ეროვნული სამართლებრივი ნორმები, საერთაშორისო სამართლი.

მსოფლიო ეკონომიკის განვითარების თანამედროვე ეტაპზე ტნკ-ები საერთაშორისო ეკონომიკური კავშირების ძირითადი წარმმართველნი და გლობალიზაციის მთავარი სუბიექტები არიან. მართალია ხშირად მათ განიხილავენ, როგორც გლობალიზაციის პროცესების შედეგს, მაგრამ უნდა ვადიაროთ, რომ ისინი, თავის მხრივ, გლობალიზაციის მამოძრავებელ ძალებს წარმოადგენენ.

ტნკ-ებს განვითარების მრავალსაუკუნოვანი ისტორია გააჩნიათ. მათი ჩამოყალიბება იწყება XII საუკუნიდან, თუმცა მისი როლისა და სტრუქტურის მიხედვით თანამედროვე ტიპის ტნკ შეიქმნა XVII საუკუნეში ბრიტანეთის ოსტინდოეთის კომპანიის სახით.

ტრანსნაციონალური კომპანია მიხნეულია კომპანიად, რომელიც რამდენიმე ქვეყანაში ფლობს საწარმოო ქვედანაყოფებს ან მინიმუმ ორ ქვეყანაში მაინც აწარმოებს მომსახურებას. მას გააჩნია სათაო ოფისი ერთ სახელმწიფოში და ფილიალები სხვა სახელმწიფოებში. კორპორაციის ძირითადი მიზანია მსოფლიო ბაზრებისთვის საქონლის მაქსიმალურად დაბალ ფასში წარმოება. ამ მიზნის მიღწევა შესაძლებელია პროდუქციის წარმოებისათვის ყველაზე წარმატებული ადგილის შერჩევით ან მასპინძელი სახელმწიფოსგან საგადასახადო შეღავათების მიღებით. ამგვარ კომპანიების ძლიერი გავლენა აქვს საერთაშორისო ურთიერთობებზე და ადგილობრივ ეკონომიკაზე.

იმისთვის რათა მივაკუთნოთ კომპანია ტრანსნაციონალურს იყენებენ შემდეგ კრიტერიუმებს:

- ქვეყნების რაოდენობა, რომელშიც მოქმედებს კომპანია (მინიმუმ ორიდან ექვსამდე და მეტი);
- ქვეყნების განსაზღვრული რაოდენობა, რომელშიც განთავსებულია კომპანიის საწარმოო სიმძლავრეები;
- კაპიტალიზაციის განსაზღვრული ზომა, რომელსაც მიაღწია კომპანიამ;
- უცხოური ოპერაციების მინიმალური წილი შემოსავლებში, რომელსაც მიაღწია კომპანიამ (არანაკლებ 25%)
- აქციების საკონტროლო პაკეტის არანაკლებ 25%-ის ფლობა სამ ან მეტ ქვეყანაში;
- კომპანიის პერსონალისა და მალალი დონის ხელმძღვანელობის ინტერნაციონალური შემადგენლობა.

ტრანსნაციონალური კორპორაციები ფლობენ უდიდეს ფინანსურ საშუალებებსა და ტექნიკურ რესურსებს. ისინი ეწევიან მნიშვნელოვან საქმიანობას კოორდინირებულს გლობალური სტარტეჯის ფარგლებში. მრავალნაციონალური კორპორაციები, გილპინის აზრით, ცდილობენ განავრცონ და გაიმაგრონ საბაზრო პოზიციები კორპორაციული გადაწყვეტილებების მიღების ვერტიკალური ინტეგრაციის და ცენტრალიზაციის გზით.[1] ჯენერალ მოტორსი, დიამლერ კრაისლერი, ტოიოტა, ფორდ მოტორი, ნესტლე და სხვა. ამის ტიპიური მაგალითებია.

ტნკ-ს თავისი საქმიანობიდან გამომდინარე რამდენიმე ქვეყნის იურიდიქციასთან უწევს დაქვემდებარება, რაც აძნელებს მათ გაკონტროლებას, რომელიმე ერთი ქვეყნის

კანონმდებლობის მიერ. ამიტომ, მათი საქმიანობის სამართლებრივი რეგულირება ხდება საერთაშორისო დონეზე.

ტნკების კაპიტალი, ხშირ შემთხვევაში, აღემატება მარავალი სახელმწიფოს ბიუჯეტს, რაც განაპირობებს მათ გავლენას მიმღებ ქვეყანაზე. ტრანსნაციონალური კომპანიები ხშირად ერევიან ადგილობრივი ხელისუფლების პოლიტიკაში, იწყებენ ახალი მთავრობების ფორმირების კამპანიას, რომლებიც სასურველ რეაგირებას მოახდენენ მათ მოთხოვნებზე. ამავე დროს ადგილობრივი მაღალჩინოსნების მოსყიდვა არის მნიშვნელოვანი ინსტრუმენტი, რომელიც ხშირად გამოიყენება სხვადასხვა ქვეყნებში. ტნკების მიერ ადგილობრივი კომპანიების შექმნა და პრივატიზაცია ზოგიერთ ყოფილ სოციალისტურ ქვეყანაში შეიძლება ჩაითვალოს ფართომაშტაბიან მოსყიდვის და კორუფციის მაგალითად. ასეთ შემთხვევებში მიმღები ქვეყნისა და ტნკ-ს პასუხისმგებლობის გამოყოფა საკმაოდ რთულია და საჭირო ხდება საერთაშორისო არბიტრების ჩარევა. ტნკების საქმიანობის საერთაშორისო-სამართლებრივ რეგულირებას რეგიონალურ დონეზე გარკვეული შედეგი მოაქვს, თუმცა ქვეყნების დაცვა ჯერ არ შეუძლია. განსაკუთრებით იმ ქვეყნებისა, რომლებიც დამოუკიდებლად დაადგნენ განვითარების გზას. სწორედ მათ წამოაყენეს საკითხი ახალი ეკონომიკური წესრიგის შესახებ, რომლის ფარგლებშიც განხორციელდება ტნკების საქმიანობის სამართლებრივი რეგულაცია. ამ შემთხვევაში იგულისხმება ტნკების საქმიანობის სამართლებრივი რეგულირების უნივერსალური მეთოდი.

1948 წელს ბავარიაში ხელი მოეწერა საერთაშორისო სავაჭრო ორგანიზაციის ქარტიას,[2] რომელიც მიმართული იყო უცხოური ინვესტიციების დაცვისკენ დამიმღები ქვეყნების მთავრობების მიერ ტნკების საქმიანობის კონტროლისკენ. თუმცა ამერიკის, დიდი ბრიტანეთის და რამდენიმე სხვა ქვეყნის მთავრობებმა, რომელმაც ხელი მოაწერეს ამ დოკუმენტს უარი თქვეს მის რატიფიცირებაზე. 1974 წელს ხელმოწერილმა ეკონომიკური უფლებებისა და ვალდებულებების ქარტიამ[3] კიდევ უფრო შეზღუდა ტნკების საქმიანობა. 1974 წელს ასევე შეიქმნა გაეროს მთავრობათაშორისი კომისია, რომელმაც დაიწყო ტნკ-ს ქვეყნის კოდექსის პროექტის შემოშავება. კომისიის შემადგენლობაში შედიოდა სპეციალური “ჯგუფი 77”. მათი საქმიანობა დაიწყო მასალების შესწავლით, რომელმაც ცხადყო ტნკების

საქმიანობის შინაარსი, ფორმები და მეთოდები. ამ მიმართულებით მნიშვნელოვან ნაბიჯს წარმოადგენს ტნკ-ს კოდექსის შემუშავება. ეს პროცესი შედგება ექვსი ეტაპისგან: (1) პრემიულა და მიზნები (2) განსაზღვრება და გამოყენების სფერო (3) ტნკ-ების საქმიანობა: ა. საერთო და პოლიტიკური მდგომარეობა. ბ. ეკონომიკური, პოლიტიკური და ფინანსური მდგომარეობა. გ. ინფორმაციის გავრცელება. (4) ტნკ-ების რეჟიმი (5) მთავრობათა შორის თანამშრომლობა (6) ქცევის კოდექსის განხორციელება. კოდექსის პროექტში ფორმულირებულია ტნკ-ების საქმიანობის პრინციპები, რომლებიც ატარებენ პროგრესულ ხასიათს, მაგალითად, იმ ქვეყნების სუვერენიტეტის პატივისცემა, რომელშიც ისინი საქმიანობენ; ამ ქვეყნების კანონმდებლობის დაცვა; ეკონომიკური და პოლიტიკური მიზნების გათვალისწინება; ქვეყნების ფასეულობების და ტრადიციების პატივისცემა; საშინაო საქმეებში ჩაურევლობა და გარემოს დაცვა. საბოლოოდ, ამ პროექტის დამტკიცება მაინც ვერ მოხერხდა შემდეგი მიზეზების გამო: ჯგუფის წევრებს შორის განსხვავებული აზრის ქონა ტნკ-ს განმარტების შესახებ, დამოკიდებულება ტნკ-ებსა და ქვეყნების ვალდებულებას შორის, ტნკ-ს საქმიანობის დარეგულირება საერთაშორისო კანონის ფარგლებში და სხვა.[4] დასაწყისში გაეროს სპეციალური ჯგუფის მუშაობის მიზანი იყო კონტროლის დაწესება კორპორაციებზე, თუმცა 80-იანი წლებიდან ჯგუფის მუშაობის ფოკუსირება მოხდა ტნკ-ს საქმიანობის დადებითი შედეგების შესწავლაზე და პირდაპირი უცხოური ინვესტიციების მოზიდვაზე.

მსოფლიო ეკონომიკის გლობალიზაციისა და ქვეყნებს შორის ეკონომიკური ინტეგრაციის გაძლიერების პერიოდში მნიშვნელოვნად იზრდება ტნკ-ების, როგორც საერთაშორისო ეკონომიკური ურთიერთობის მონაწილეების როლი. ტნკ-ებს ეკითხნენ ან მათ მიერ კონტროლირებადია წარმოების და მომსახურების კომპლექსები, რომლებიც იმყოფებიან იმ ქვეყნის ფარგლებს გარეთ, სადაც ისინი არიან განლაგებულნი. ტნკ-ებს აქვთ ფილიალების ფართო ქსელი სხვადასხვა ქვეყნებში და იკავებენ წამყვან ადგილებს ამა თუ იმ საქონლის წარმოებასა და რეალიზაციაში.[5] საერთაშორისო სამართლის განვითარების პროცესში ტნკ-ის სტატუსი უნდა დარეგულირდეს. ოპტიმალური გამოსავალი იქნებოდა ტნკ-ების საქმიანობის რეგულირებისას გამოყენებულ იქნეს, როგორც საერთაშორისო, ასევე

ადგილობრივი სამართლის ნორმების ადგილობრივ კანონმდებლობაში იმპლემენტაცია.

ტნკ-ების ეკონომიკური სიძლიერის ზრდასთან ერთად გაჩნდა სხვადასხვა თეორიები, რომლებიც უკავშირდება სახელმწიფო მართვის ზოგიერთი სექტორის კორპორაციებისათვის გადაცემას. უკრაინელი მეცნიერისა და იურისტის საერთაშორისო სამართალში, იგორ ლუკაშუკის ნაშრომში “დემოკრატია, კაპიტალი, სახელმწიფო”[6] გამყარებულია აზრი, რომ ტნკ-ები ავიწროებენ სახელმწიფო სისტემას, რადგანაც მათ სჭირდებათ ახალი უფრო ფართო ასპარეზი. სხვა თეორიტიკოსები თავაზობენ სახელმწიფოებს გადასცენ საბაზრო ეკონომიკის მართვის სფერო საერთაშორისო სავალუტო ფონდს და მსოფლიო ბანკს. ამ კონცეფციების პრაქტიკაში რეალიზება მოახდინეს დასავლეთის ქვეყნებმა. მათმა მთავრობებმა შექმნეს კოალიციები კორპორაციებთან და საერთაშორისო ორგანიზაციებთან, ისეთები როგორებიც არიან გაერო და მსოფლიო ბანკი.

საერთაშორისო ბიზნესის წარმართვაზე მნიშვნელოვანწილად საკუთარი და მიმღები ქვეყნების კანონი ახდენს გავლენას. ეს კანონები განაპირობებენ კომპანიის მიერ ბაზრის არჩევას, პროდუქციაზე ფასების დაწესებას, საჭირო რესურსების ღირებულებას (სამუშაო ძალა, ნედლეული, მასალები და ტექნოლოგიები).

სხვადასხვა ქვეყნის სამართლებრივი სისტემები განსხვავდება ერთმანეთისაგან ისტორიული, კულტურული, პოლიტიკური და რელიგიური ნიშნებით, რაც საერთაშორისო კომპანიების წინაშე ბევრად უფრო რთულ ამოცანებს აყენებს. მათ უნდა დაიცვან არა მხოლოდ საკუთარი ქვეყნის, არამედ იმ ქვეყნების კანონებიც, სადაც მათი ბიზნესი ფუნქციონირებს.

ამრიგად, ტნკ წარმოადგენს მნიშვნელოვან ფიგურას გლობალური მართვის სისტემაში, თამაშობს დიდ როლს გლობალიზაციაში და როგორც ირიბად ისე უშუალოდ მონაწილეობს მსოფლიო ეკონომიკურ და პოლიტიკურ პროცესებში.

საერთაშორისო სამართლებრივი ურთიერთობების რეგულირების განმტკიცების პირობებში, ტნკ-ს სამართლებრივი სტატუსი სათანადოდ უნდა განისაზღვროს. გასათვალისწინებელია, რომ ტნკს სპეციფიკა ისეთია, რომ მათ აქვთ განყოფილებები მრავალი ქვეყნის ტერიტორიაზე და ტნკ

ვერ მოექცევა რომელიმე ერთი ქვეყნის იურისდიქსიაში და მისი საქმიანობა ვერ დარეგულირდება რემოელიმე ცალკე აღებული ქვეყნის ეროვნული კანონმდებლობით, იგი შეიძლება გადაწყვეტილი იყოს მხოლოდ საერთაშორისო სამართლის ჩარჩოებში. ტნკს სამართლებრივი სტატუსის განსაზღვრის პერსპექტივად გვესახება საერთაშორისო სამართლებრივი ნორმების უნიფიკაცია ეროვნული სამართლებრივი ნორმების გათვალისწინებით. უნიფიცირებული ნორმების იმპლემენტაციით ნაციონალურ სამართლებრივ სისტემასში, რათა მოხდეს ტნკს რეგულაცია, როგორც საერთაშორისო ისე ნაციონალურ სამართლებრივი სისტემებით.

ლიტერატურა

References:

1. The Political Economy of International Relations, Robert Gilpin, Princeton University Press, Princeton 1987.
2. Kenen, Peter B. (1999 – first published 1994). "The Evolution of Trade Policy". The International Economy (Volume I). in English: Cambridge University Press.
3. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М., Волтерс Клувер, 2005 г., с. 197
4. Наталуха В.В. Международный частный бизнес и государство. М.: 1985. С.166.
5. Ervin Laszlo. Evolution of the Global Corporation: A Systemic Perspective// World Futures: Journal of General Evolution, 1556-1844, Volume 63, Issue 8, 2007, Pages 563 – 567
6. Лукашук И.И. Демократия, капитал, государство// Журнал российского права. 2000. №1. С.114.

David Aslanishvili

Some Aspects of the Regulation of Transnational Corporations

Summary

TNCs play important role in global management system, globalization and straightly and indirectly takes part in the economic and political processes of the world.

Strengthening of the international legal regulation of relations, the legal status of TNCs should be determined properly. The important point is that the parts of TNCs are located in different countries, that means it's impossible TNCs to fall under the jurisdiction of any one country, and its

activity can't be regulated in a separate national legislation. It can only be resolved within the framework of international law. The legal status determination of TNK's is expected to be managed by unification of international legal norms with the forese of national legal norms; implementation of unified norms in national legal system, so that it can be manageable to regulate TNKs by the international and national legal systems.

Keywords: global management system, national legislation, international law.

Reviewer: Professor Nunu Ovsianikova, Georgian Technical University

დავით ასლანიშვილი

Некоторые аспекты регулирования транснациональных корпораций

Резюме

ТНК играет значительную роль в глобальной системе управления. Как косвенно, так и непосредственно участвует в мировых экономических и политических процессах.

Необходимо учесть специфику ТНК. У неё есть свои отделы на территории многих стран, и поэтому ТНК не может попасть под юрисдикцию какой – либо одной страны. Её деятельность не регулируется национальным законодательством отдельно взятой страны. Это может решиться только в рамках международного права. Определенный правовой статус ТНК в перспективе видется в унификации международных прововых норм, учитывая национальные правовые нормы. Имплементацией унифицированных норм в национальные правовые системы, происходит регуляция ТНК, как международными, так и национальными правовыми системами.

Ключевые слова: глобальной системе управления, национальные правовые системы, международное право.

Рецензент: Профессор Нуну Овсянникова, Грузинский технический университет

УДК 343.98

Андрей Щербаковский

**СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ИНФОРМАЦИИ, ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В статье предложена классификация оперативно-розыскной информации, используемой при расследовании преступлений, и критерии разграничения от иных видов правовой информации. Выделены и раскрыты составляющие оперативно-розыскной информации: содержание, источники происхождения, способы, приемы и субъекты получения, носители, цель использования.

Ключевые слова: *уголовно-релевантная информация, классификация, виды информации, оперативно-розыскная информация, расследование преступлений.*

В современной науке понятие «информация» является одним из фундаментальных. В переводе с латинского языка «информация» (informatio) – это разъяснение, представление, сведения о предметах, явлениях и процессах окружающего мира [1, с. 717]. Подобное определение содержится и в ст. 1 Закона Украины «Об информации», под которой понимают документированные или публично оглашенные сведения о событиях и явлениях, которые существуют в обществе, государстве и окружающей природной среде [2]. В области права под «информацией» также понимают «данные», «сведения», «сообщения», «знание». Начиная с 60-х годов XX века, раскрытие и расследование преступлений большинство авторов рассматривает как процесс выявления, изъятия, накопления, переработки и использования информации [3, с. 4], то есть как процесс, который можно интерпретировать как систему действий по восприятию, обработке, хранению, передаче и использованию информации [4, с. 36].

Вопросам, связанным с разработкой проблем определения понятия, получения и использования оперативно-розыскной информации, в рамках оперативно-розыскной науки посвящены работы таких ученых, как В.М. Аتماжитов, А.М. Бандурка, Д.И. Бедняков, В.Г. Бобров, В.И. Галаган, А.А. Долгий, А.Ф. Долженков, А.Ф. Думко, Г.А. Душейко, А.С. Вандышев, Д.В. Гребельский, А.В. Губин, И.П. Козаченко, В.А. Колесник, В.И. Лебеденко, А.Г. Лекарь, Д.И. Никифорчук, С.С. Овчинский, Ю.Ю. Орлов, Н.А. Погорецкий, В.Г. Самойлов, Г.К. Синилов, А.П. Снигерев, В.И. Тищенко, В.Ф. Чеботарев, И.Ф. Харабериуш, В.Г. Хахановский, В.В. Шендрик, В.В.

Яременко и другие. Однако, на основании анализа литературных источников можно сделать вывод, что несмотря на имеющиеся наработки ученых по этой тематике некоторые аспекты названной проблемы до сих пор остаются дискуссионными. Поэтому *целью статьи* является комплексное исследование понятия оперативно-розыскной информации о преступлениях, выделение и раскрытие отдельных ее составляющих.

Несмотря на то, что понятие «информация» нашло широкое применение в правовой литературе, его исследованию посвящено значительное количество научных работ, до сих пор не выработано общепринято определения. Содержание его неоднозначно и зависит от области применения. В литературных источниках по оперативно-розыскной деятельности, криминалистике и уголовному процессу наряду с «информацией» синонимично используются термины «данные», «сведения», «факты», «события», «обстоятельства», «фактические данные». Кроме того, в специальной литературе, посвященной расследованию преступлений, по отношению к информации широко используются термины «правовая», «судебная», «следственная», «тактическая», «оперативно-розыскная», «криминалистическая», «криминалистически значимая», «доказательственная», «ориентирующая», «первичная», «процессуальная» и др. Разнообразие понятий обусловлено различными методологическими подходами к их определению, а также различным пониманием назначения и содержания информации в расследовании преступлений. В.В. Бирюков правильно отмечает: критериями отграничения различных видов информации, используемой при расследовании преступлений, составляет «происхождение информации, знания, средства, методы и методики, используемые при познании объектов и фиксации результатов этого познания, а также его целевое назначение» [5, с. 88].

Информация, фигурирующая в уголовном судопроизводстве, может быть классифицирована по различным основаниям. Наиболее общим основанием дифференциации правовой информации в сфере уголовного судопроизводства является связь составляющих ее сведений с совершенным преступлением. По этому основанию любую информацию можно отнести к *уголовно-релевантной* или *нейтральной*. Под уголовно-релевантной информацией Н.В. Кручинина понимает самые различные сведения, имеющие значение для выявления и раскрытия преступлений, изобличения и уголовного преследования виновных лиц и решения других задач в уголовном судопроизводстве [6, с. 34]. Соответственно нейтральная информация

не содержит каких-либо сведений, важных для расследования преступлений.

По способу получения в соответствии с требованиями уголовно-процессуального кодекса информация разделяется на *процессуальную* и *непроцессуальную* [7, с. 66-67]. По значению в доказывании можно выделить *доказательственную* и *ориентирующую (организационно-тактическую)* информацию. Впервые разделение информации на доказательственную и ориентирующую предложили Р.С. Белкин и А.И. Винберг, исследуя понятие информации с точки зрения теории доказательств. Доказательственной они считали информацию, которая составляет содержание доказательств, выступает средством и служит целям доказывания, а ориентирующая информация получается из непроцессуальных источников и доказательственного значения не имеет [8, с. 66-67]. В.Я. Колдин и Н.С. Полевой называют доказательственной любую информацию о расследуемом событии и связанных с ним обстоятельствах, которая используется в процессе доказывания [9, с. 39-40]. Мы согласны с Е.Д. Лукьянчиковым, который указывает, что приведенные определения основываются на различных основаниях, используемых для классификации понятий [10, с. 95]. Распределение информации на процессуальную и непроцессуальную осуществляется по способу получения и документирования данных в соответствии с нормами УПК. Доказательственность – свойство информации подтверждать или опровергать существование определенного факта, подлежащего доказыванию по уголовному делу. Поэтому доказательственная информация включает сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию в уголовном производстве, то есть тех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания. Ориентирующая информация используется для организационно-тактических целей: выдвижения версий, определения направлений расследования, планирования следственных действий, прогнозирования возможной линии поведения участников расследования и т.п. На наш взгляд, доказательственная и ориентирующая информация может быть получена, как процессуальными, так и непроцессуальными средствами. Очевидно, что доказательственная информация, которая является содержанием доказательств, должна быть получена исключительно процессуальным путем. Однако сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, могут быть получены и непроцессуальным способом, например, в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. Ориентирующий характер также имеет информация процессуального (показания свидетеля, используемые для розыска

პრестუპნიკა, ვადაი ეკსპერტა ო ვიდე ორუჟია ო სრელიანო ბული), ტაკ ი ნეპროცესუალნო ბროიხოდენია (რეზულტატი ოპერატიუო-როზისკნოხ მეროპრიატიოხ, დანნიე კრიმინალისტიკისკიხ ოუტოხ, ობოშენია ბრესსი ი დრ.).

ვ ვადაისმოსი ოტ სუბიეკტოხ ი მეთოდოხ (სრედსტუო) დობვაიანია ი ისპოლზოვანია ინფორმაცია ონა მობეკ ბიტი დიფერენციროვანა ნა *კრიმინალისტიკისკიუ, ეკსპერტნიუ* ი *ოპერატიუო-როზისკნიუ*. კრიმინალისტიკისკი ინფორმაცია – ეტი სვედენია ო სობიტიი ბრესტუპლენია, ბოლენნიე სლედოვატელემ ვ რეზულტატი ეგო ცელენაბრენნო ბოზნანია კრიმინალისტიკისკიხ სრედსტაიხ ი მეთოდაიხ ს ცელიე ისპოლზოვანია ვ რასლედოვანია. ეკსპერტნა ინფორმაცია დობვაეტი ბუტემ ეკსპერტნო ისლედოვანია ბრედსტაბლენნიხ სუდებნოუ ეკსპერტუ ობიეკტოხ ს ისპოლზოვანია სპეციალნოხ ზნანია. სპეციფიკა ოპერატიუო-როზისკნიო ინფორმაცია ვ ბო, ოო სვედენია ო ბოვოთაიხიხ, სოვრშაემოხ ი სოვრშენნიხ ბრესტუპლენიახ ბოლუაეტი უბოლნოშენნიხ ოპერატიუოხ ბოზრადელენიაიხ ვ რეზულტატი ბრენენია ნეგლასნოხ სილ, სრედსტო ხ მეთოდოხ ოპერატიუო-როზისკნიო ბეაქტელნოტი ილი გლასნო ბოლენნიხ, ნო ბროვრენნიხ ნეგლასნოხ ბუტემ დანნიოხ [11, ს. 5].

ბო ბოსლედოვატელნოტი ბოლუენია ვ ბეორია ოპერატიუო-როზისკნიო ბეაქტელნოტი ვადაიეტი *ბრევიჩნიუ (სიგნალნიუ)* ოპერატიუო-როზისკნიუ ინფორმაციუ. ბრევიჩნა ოპერატიუო-როზისკნა ინფორმაცია ბრედსტაბლენი სობოი სოვოკუბნოტი რანეე ნეიზბესტნიოხ სვედენია, ბოლენნიოხ ვ ოსტანოვლენნო ნორმატიუო-ბრავოვიოხ აკტაიხ ბორაბდომ, ო ბრესტუპნოხ ნაბრენიაოხ ბიეო ხ იო სვიაზიოხ, ბრედიბეაოხ, ფაქტაოხ, სობიტიოხ ხ ბროცესაოხ კრიმინოგენნო ბოხარაქტერა ხ ბიეაოხ, სკრიაეოხიხ ოტ ორგანოხ რასლედოვანია, სუდა, ოკლონაეოხიხ ოტ ოტბიავანია ოგოლენო ბოკაზანია, ა ბაკბე ო ბეზბესტნო ოტსუბსტუეოხიოხ ბიეაოხ ხ ნეოპოზნანნიოხ ბრუბაოხ, ბრედსტაბლენი ოპერატიუო ინტერეს.. ონაკო სოვრშენნო ობევიდნო, ოო ბრევიჩნა (სიგნალნა) ინფორმაცია ბრებუეტი ბრებრეკი, ოუტოშენია, დოპოლნენია ბრეა ოსტანოვლენია ბოო, სოოტბესტუეოხ ბი ბეაქტელნოტი ბოლენნიე დანნიე. სჩიბაემ, ოო ბაკუო დოპოლნბელნიუ ინფორმაციუ მობნო ნაბატი *ბოსლედოეი (ბრებრენნიო)*. ბრებრენნა ოპერატიუო-როზისკნა ინფორმაცია სოზაეტი ბრებოსილკი ხ ბიაეტი ოსტანოვიე ბრეა ბრებრენნია ბალბეაქტელნოტი ოპერატიუო-როზისკნოხ მეროპრიატიოხ ილი სლედსტენნიოხ ბეაქტელნიოხ.

ბო სოოტბესტუეო ბოლენნიოხ სვედენია ბაქტა ბეაქტელნოტი, ობსტანტელსტაბლენი ბრესტუპლენია ინფორმაციუ მობნო კლასიფიციროვანა ნა *დოსტოვრნიუ, ბეროატიუო* ხ *ნედოსტოვრნიუ*. დოსტოვრნიო ბიაეტი

ინფორმაცია, которая правдиво отражает обстоятельства совершенного, совершаемого или готовящегося преступления. Недостоверная информация таким свойством не обладает, а вероятная информация занимает промежуточное положение, в связи с тем, что сведения нельзя признать ни достоверными, ни недостоверными.

Таким образом, приведенная классификация показывает разнообразие используемой при расследовании преступлений информации, а также, на наш взгляд, может служить уточнению терминологического аппарата языка криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Рассмотрим содержание оперативно-розыскной информации.

Анализ содержательного аспекта используемой в расследовании преступлений оперативно-розыскной информации показывает, что она содержит практически неограниченное количество разновидностей фактов, явлений, событий, характеристик предметов и лиц. Такое ее состояние объясняется тем, что преступления совершаются во многих сферах общественной жизни на почве как случайных, так закономерных отношений, и характеризуются многообразием мотивов. Содержание оперативно-розыскной информации отличается широким разнообразием сведений, относящихся также к характеристике оперативной обстановки, основных сил, средств и методов оперативной деятельности, оценке результатов их использования [12, с. 144; 13, с. 33]. По нашему мнению для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений наиболее ценной составляющей оперативно-розыскной информации являются сведения о признаках преступления и причастных к нему лицах. А.М. Бандурка указывает, что главными источниками оперативно-розыскной информации всегда являются лица, документы, материальные объекты, средства беспроводной и проводной связи, электронные системы обработки информации, другие обстоятельства [14, с. 564]. Носителями полученной оперативно-розыскной информации являются материалы оперативно-розыскного дела, которые являются воплощают материально-документированное закрепление информации. Поэтому полученная информация сосредотачивается в оперативно-розыском деле в виде рапортов, справок, меморандумов, протоколов, фото-, видео-, аудиоматериалов, заявлений, сообщений, объяснений, актов и материалов проверок, инвентаризаций, ревизий финансово-хозяйственной деятельности предприятий, учреждений и организаций, копий любых документов, указывающих на признаки преступления, а также обстоятельства, способствующие его раскрытию; рапортов оперативных работников,

матеріалів перевірок по автоматизованим банкам даних, оперативним учетам і др. Целью використання оперативно-розшукової інформації о злочинах в відповідності со ст. 10 Закону України «Об оперативно-розшуковій діяльності» являються: виявлення ознак злочину, які служать поводами і основами для початку досудового розслідування; отримання фактичних даних, які можуть бути доказами в кримінальному виробстві; виявлення, пресічення і розслідування злочинів, розшук злочинців і осіб, без вести пропавших. Необхідно підтримати думку В.В. Шендрика, що однією із сучасних завдань оперативних підрозділів, яка відображає їх превентивну діяльність, являється попередження злочинів [15, с. 23].

Предложеною підходом дозволяє дати визначення оперативно-розшукової інформації і розмежувати її від інших видів правової інформації. Оперативно-розшукова інформація – це дані (фактичні дані) о протиправних діяннях окремих осіб і груп, відповідальність за які передбачена Кримінальним кодексом, о осіб, які готують, здійснюють або здійснили злочин, і осіб, які приховують отслідства і суду, отримані уповноваженими оперативними підрозділами згідно діючому законодавству від громадян, предметів, документів, інформаційних мереж з використанням оперативно-розшукових методів, прийомів і оперативно-технічних засобів, зафіксовані в матеріалах оперативно-розшукового справи, які використовують для попередження, виявлення, пресічення злочинів, початку кримінального виробства, формування доказів, прийняття тактичних і процесуальних рішень.

Література

References:

1. Юридична енциклопедія: в 6 т. – К.: Українська енциклопедія, 1998. – Т. 2. – 744 с.
2. Про інформацію : Закон України від 2.10.1992 № 2657-ХІІ (із змінами, внесеними згідно із Законами України станом на 01.01.2014) // Відомості Верховної Ради. – 1992. – № 48. – Ст. 650.
3. Усманов Р.А. Информационные основы предварительного расследования / Р.А. Усманов. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 208 с.
4. Полевой Н.С. Криминалістическа кібернетика. Теорія інформаційних процесів і систем в криминалістиці: учеб. посібник / Н.С. Полевой. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 322 с.

5. Бірюков В.В. Теоретичні основи інформаційно-довідкового забезпечення розслідування злочинів: монографія / В.В. Бірюков. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2009. – 664 с.
6. Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09/Н.В. Кручинина; Московский государственный открытый университет. – М., 2003. – 442 с.
7. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений /Д.И. Бедняков. – М.: Юридическая литература, 1991. – 208 с.
8. Белкин Р.С. Криминалистика и доказывание / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М: Юридическая литература, 1969. – 172 с.
9. Колдин В.Я. Информационные процессы и структуры в криминалистике / В.Я. Колдин, Н.С. Полевой. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – 344 с.
10. Лук'янчиков Є.Д. Методологічні засади інформаційного забезпечення розслідування злочинів: Монографія / Є.Д. Лук'янчиков. – К.: Нац. акад. внутр. справ України, 2005. – 360 с.
11. Козаченко І.П. К вопросу об информационном обеспечении оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / И.П. Козаченко // Актуальные вопросы получения, оценки и использования информации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. – Киев: НИиРИО КВШ МВД СССР, 1986. – С. 3–7.
12. Дидоренко Э.А. Основы оперативно-розыскной деятельности в Украине: учебное пособие Ч. 1 / Э.А. Дидоренко, Б.И. Бараненко, В.А. Глазков и др. – Луганск: Луганский гос. ун-т внутр. дел, 2006. – 344 с.
13. Овчинский А.С. Информация и оперативно-розыскная деятельность / А.С.Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 367 с.
14. Бандурка О.М. Теорія і практика оперативно-розшукової діяльності: монографія / О.М. Бандурка. - Харків: Золота миля, 2012. – 620 с.
15. Шендрік В.В. Попередження злочинів оперативними підрозділами органів внутрішніх справ України: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Шендрік ; Харківськ. нац. ун-т внутр.. справ. – Харків, 2012. – 40 с.

Рецензент: Доктор юридических наук, старший научный сотрудник Владислав Шендрік. Начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Харьковского национального университета внутренних дел.

ანდრეი შერბაკოვსკი
დანაშაულის გამოძიების დროს გამოყენებული ოპერატიულ-სამძებრო ინფორმაციის შინაარსი და სახეები

რეზიუმე

სტატიაში შემოთავაზებული არის დანაშაულის გამოძიების დროს გამოყენებული ოპერატიულ-სამძებრო ინფორმაციის კლასიფიკაცია და მათი გამოჯენა სხვა სახის სამართლებრივი ინფორმაციისაგან. გამოყოფილი და გახსნილი არის ოპერატიულ-სამძებრო ინფორმაციის კომპონენტები: შინაარსი, წარმოშობის წყაროები, საშუალებები, მიღების ხერხები და სუბიექტები, მატარებლები, გამოყენების მიზანი.

საკვანძო სიტყვები: კრიმინალურ-რელევანტური ინფორმაცია, კლასიფიკაცია, ინფორმაციის სახეები, ოპერატიულ-სამძებრო ინფორმაცია, დანაშაულის გამოძიება.

რეცენზენტი: ვლადისლავ შენდრიკი, იურიდიულ მეცნიერებათა დოქტორი, უფროსი მეცნიერ თანამშრომელი, ხარკოვის შინაგან საქმეთა ეროვნული უნივერსიტეტის ოპერატიულ-სამძებრო საქმიანობის კათედრის უფროსი.

Andrew Scherbakovsky

MAINTENANCE AND OPERATIONAL-SEARCH TYPES OF INFORMATION USED IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Summary

The paper proposes a classification of operational and investigative information, used in the investigation of crimes and the criteria of differentiation from other types of legal information. Identified and disclosed components of operational and investigative information: content, origins, methods, techniques and subjects receiving, media, purpose of use.

Keywords: criminal-relevant information, classification, types of information, operational-search information, the investigation of crimes.

Reviewer: Senior Fellow Vladislav Shendrik, Head of the department of operative-search activity of Kharkov National University of Internal Affairs, Doctor of Law, Ukraine.

УДК – 342.7 (477)

Александр Кушниренко
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ
УКРАИНЫ

В статье анализируется ситуация с реализацией в Украине конституционных прав и свобод с точки зрения их конституционного закрепления и реализации. Указывается на те проблемы, которые существуют в этой сфере в государстве в частности, на недостаточную эффективность политических, юридических и иных гарантий.

Ключевые слова: *права человека, основы конституционного строя, социальное государство, гарантии прав и свобод человека.*

Конституция Украины в ст. 2 рассматривает человека, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность наивысшей социальной ценностью. Тем самым мы можем утверждать, что конституция декларирует свое понимание взаимоотношений государства и человека, выдвигая в первые ряды именно человека. Уважение к человеку, его защита являются неотъемлемым признаком любого правового государства, его обязанностью. Именно данный принцип служит предпосылкой решения всех конкретных проблем правового регулирования статуса человека и гражданина в Украине.

В становлении любого демократического общества одной из наиболее важных была и продолжает оставаться проблема всеобщего и гармонического развития человека, обеспечении его прав и свобод. Права, свободы и обязанности человека всегда вызывали серьезный интерес среди ученых. Этой проблемой занимались, в частности, С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, А.Н. Головистикова, В.Ф. Погорилко, П.Н. Рабинович, В.В. Речицкий и многие другие, которые в своих монографических трудах, научных статьях исследовали и анализировали положение проблемы прав человека на разных исторических этапах развития государственности.

Безусловно, в развитии теории прав, свобод и обязанностей человека и гражданина значение имеют классические работы Г. Гегеля, М. Драгоманова, Ш. Монтескье, Б. Спинозы, Ж. Руссо и др.

И тем не менее актуальные аспекты этой интересной проблемы, на наш взгляд, всегда будут нуждаться в дальнейшем исследовании,

исходя из того, что мир постоянно изменяется, а сама жизнь ставит перед обществом и государством все новые и новые вызовы.

В данной статье мы постараемся проанализировать ситуацию с реализацией в Украине конституционных прав и свобод, так как проблема гарантированности и реализации гражданами своих прав и свобод является актуальной общественно значимой проблемой как для Украины, так и для многих современных государств. Будет сделана попытка обобщить теоретические подходы относительно проблем обеспечения конституционных прав и свобод и предложить собственную позицию по этому вопросу.

Истоки современного понимания прав и свобод человека и гражданина следует искать в существующих двух основных направлениях юридической мысли: естественно-правовом и позитивистском. Естественно-правовые теории рассматривают права человека как неотъемлемые, вытекающие из естественной природы самого человека, а позитивистское направление подходит к ним как категории, установленной государством. В настоящее время указанные теории в чистом виде встречаются довольно редко. Это объясняется тем, что в своем правотворчестве любой законодатель ограничен определенными условиями и обстоятельствами. Эти объективные, а нередко и субъективные факторы, определяющие, волю законодателя, и составляют то естественное право, на котором основывается прежде всего право позитивное.

Безусловно, естественно-правовая теория, в соответствии с которой все люди от рождения наделены неотъемлемыми правами, которые не при каких обстоятельствах не могут быть проигнорированы, является крайне привлекательной. В то же время, как отмечает М.А. Никифорова, значение и объем каждого права должны быть уяснены, содержание и принадлежность каждой коррелирующей этому праву обязанности должны быть сформулированы, а также уточнены допустимые пределы исключений и ограничений. Независимо от того, выполняется ли эта работа авторами конституций, законодателями в порядке обычной процедуры принятия нормативных актов или судами, она может рассматриваться как позитивизация прав человека посредством права [1, с. 11].

Закрепленные в Конституциях права и свободы, оставаясь нравственно-политическим императивом, приобретают юридическую форму и становятся правовым институтом конституционного права. При этом неотчуждаемость, естественный характер прав и свобод прямо закрепляется в Конституции (ст. 21 Конституции Украины). По отношению к общим правам, закрепленным в текущем отраслевом

законодательстве, конституционные права рассматриваются как обладающие юридическим верховенством. Поэтому любой акт, который нарушает конституционные права или противоречит им можно признать неконституционным. Такой конституционный контроль могут осуществлять либо суды общей юрисдикции, либо специальные органы конституционного правосудия, которые выступают в качестве своеобразного механизма по позитивизации прав человека. Поскольку такая правовая практика во многом выступает как поиск компромисса в сфере прав человека, то возможные (и очень часто так бывает) случаи, когда объем соответствующих прав суживается, что дает возможность говорить об ущемлении или нарушении прав человека. Поэтому для личности именно конституционное признание прав и свобод имеет важное значение.

Важно помнить, что специфика конституционного статуса заключается не только в том, что он включает в себя основные права, свободы и обязанности, но и в том, что нормы, закрепленные конституцией, носят преимущественно обобщенный, в значительной степени абстрактный характер [2, с. 30].

Конституция не только определяет основы конституционного строя, выступает как бы моделью социальной организации. Особенности социально-экономического, политического и исторического развития делают не всегда простым выявление основных направлений формирования концепции конституционного статуса личности в различных государствах. Именно место и процесс взаимовлияния и взаимообогащения правовых систем существующих государств.

Общезвестно, что историческая заслуга «открытия» прав человека и гражданина принадлежит западным государствам. Условно можно выделить три фазы, которые эти государства прошли в своем историческом развитии, приведшем к формированию современной западной концепции прав человека. Первую можно определить как период зарождения либеральной демократии (начиная с XVIII столетия, Англия, США, Франция и др.). Вторую фазу исторического развития можно назвать «испытанием фашизмом» или иными формами авторитаризма и тоталитаризма, что привело к грубейшему отходу от принципов и ценностей демократии, подавлению прав и свобод личности. Третью фазу можно определить как период восстановления и укрепления демократии после Второй мировой войны [3, с. 244-245]. Важным элементом этого процесса стала

выработка конкретной и детализированной концепции и системы защиты прав и свобод человека и гражданина.

Во внутреннем праве это нашло отражение в том, что в нормы конституций многих государств были включены положения о правах и свободах человека и гражданина, а на международном уровне был принят ряд очень важных международно-правовых актов, которые определяют реализацию и гарантирование прав и свобод в государствах, которые признают эти права и свободы как универсальную ценность. В данном случае речь идет, в первую очередь, о таких важнейших документах как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод (с протоколами), Конвенции о правах ребенка и многих других.

В то же время следует упомянуть и на некоторые особенности западной концепции прав и свобод. Как представляется, главная особенность последней состоит в том, что подтверждая классические, гражданские и политические права и свободы человека, она признает социально-экономические права, а также права третьего поколения, что делает ее оптимальной для универсальной трактовки прав и свобод личности.

Безусловно, эта концепция не лишена противоречий, хотя бы исходя из существующей в этих государствах рыночной экономики. Неoliberalизм и существующие социально-экономические права уживаются трудно. В этих условиях достаточно сложной является и роль государства, которое, с одной стороны, должно быть максимально либеральным, уважать автономию человека и частную жизнь. С другой стороны государство должно гарантировать права и свободы, которые оно признает.

Сегодня практически все западные государства в той или иной степени являются «социальными», признающими ценность социально-экономических прав личности и социальной роли государства. Несколько иная ситуация существует в бывших социалистических государствах, а также в государствах развивающихся (третьего мира).

В постсоциалистических государствах новые конституции, в которых декларируются основные права и свободы, закрепляют нормы и принципы международного права, возрождаются собственные исторические традиции.

Если в качестве примера рассматривать Украину, то Конституция провозглашающей ее в качестве суверенного и независимого,

демократического, социального правового государства (ст. 1). Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются как высшей социальной ценностью (ч. 1 ст. 3). Раздел о правах и свободах следует сразу после закрепления основ конституционного строя. Закреплен достаточно широкий перечень прав и свобод. В частности, многие из существующих ныне в действующей Конституции Украины прав и свобод ранее не регулировались на конституционном уровне. Это и право каждого человека на жизнь, свобода передвижения, свободный выбор места проживания, право свободного выезжать из Украины, право на забастовку. Признается право частной собственности и право предпринимательской деятельности. В Конституции содержится также очень важный принцип, согласно которому права и свободы человека, а также их гарантии определяют содержание и направление деятельности государства и что государство отвечает перед человеком за свою деятельность. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека признается главной обязанностью государства (ч. 2 ст. 3).

Вышесказанное дает основание говорить о том, что нормы Конституции Украины об основных правах и свободах человека и гражданина нельзя рассматривать вне связи с признанием человека, его прав и свобод наивысшей социальной ценностью, как одним из фундаментальных принципов основ конституционного строя нашего государства. Это также означает, что в данные нормы нельзя вносить изменения и дополнения, которые бы противоречили этому принципу. В условиях действия этого принципа государство не вправе выходить за установленные им границы взаимоотношений с человеком. Только действуя в интересах человека, пребывая в конституционных рамках, государство вправе называть себе конституционным.

Одной из основ конституционного государства является народный суверенитет. Именно носитель этого суверенитета – народ – состоящий из граждан, от которых и исходит власть. В конституционном государстве народ является демократическим сообществом, которое сознательно ориентируется на защиту человека как наивысшей ценности. Государство призвано защищать человека как данность, а не формировать или преобразовывать его в духе надуманных идеалов [4, с. 98].

Хотелось бы также обратить внимание и на всем хорошо известное обстоятельство, что подлинно правовым может быть лишь такое государство, в котором обеспечено равенство всех его граждан перед законом. Такое равенство граждан перед законом и равенство конституционных прав и свобод закреплено в ст. 24 Конституции

Украины. Государство, гарантируя такое равенство, закрепляет в ч. 2 ст. 24 норму о том, что не может быть привилегий или ограничений по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места проживания, по языковым или другим признакам. Женщина и мужчина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. И в то же время эти важные принципы в Украине нередко не соблюдаются. Грубым нарушением равенства граждан есть установление ничем не оправданных привилегий для отдельных граждан, государственных служащих (например, для народных депутатов Украины), наличие номенклатурных должностей, на которые не распространяются общие правила приема на работу и увольнение, давление должностных лиц на правоохранительные и судебные органы, с целью принятия нужных решений. Имеет место нарушение принципа социальной справедливости во многих сферах общественной жизни и это обстоятельство крайне негативно воспринимается гражданами. Здесь следует еще раз упомянуть, что функционирование правового государства исключает сокращение и воспроизводство в будущем всех форм правового неравенства, предполагает последовательное внедрение в жизнь принципов социальной справедливости [5, с. 61-62].

Равенство людей перед законом Ж. Ж. Руссо рассматривал в качестве политического фактора свободы. Ибо если в государстве обнаружится хотя бы один индивид, не подчиненный закону, то все остальные неизбежно окажутся в его власти [6, с. 340]. С этой точкой зрения известного украинского конституционалиста В.В. Речицкого трудно не согласиться.

Для признания, соблюдения и защиты прав человека необходимо, чтобы государство предпринимало существенные усилия не только в сфере совершенствования правовых форм, но и в сферах экономики, социальной и других сферах. В данном случае речь можно вести о развитии здравоохранения, образования, обеспечение жильем и т.д. В Украине эти задачи являются более, нежели актуальными. Объяснить это можно тем, что к сожалению, в государстве неоправданно затянулся процесс реформирования многих сфер общественной жизни. В условиях не завершенного до сих пор мирового экономического кризиса, роста преступности, обнищания населения и других крайне негативных обстоятельств, права человека очень часто не соблюдаются.

Давая общий анализ состояний прав человека в Украине в 2012 г., директор Харьковской правозащитной группы Е. Захаров отметил следующее. В 2005-2009 годах мы отмечали позитивные намерения государства относительно прав человека, но соответствующая государственная политика была неэффективной, бессистемной и хаотичной. В 2010-2011 годах мы были вынуждены констатировать, что эта политика вообще отсутствует. Права человека не были приоритетом для руководства государства, а нарушений прав человека и основополагающих свобод становилось все больше и больше. В 2012 году политика государства в этой сфере несколько изменилась, и ситуация с правами человека стала пестрой и мозаической. Наблюдались позитивные, иногда успешные, действия органов власти в отдельных сферах, направленные на осуществление украинцами своих прав, но в других сферах изменений на лучшее либо не состоялось, либо, наоборот, результаты усилий привели к еще большим нарушениям [7, с. 7].

В Конституции Украины права и свободы закрепляются в разных формулировках. Некоторые права закреплены декларативно (каждый имеет право на жилье), другие как гарантии (каждому гарантируется свобода мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений), третьи – как объект охраны или защиты со стороны государства или закона (семья, детство, материнство и отцовство охраняются государством). Мы полагаем, что различие формулировок не умаляет признание тех или иных прав граждан, поскольку нормы Конституции имеют прямое действие, а само по себе закрепление того или иного права есть своеобразная его гарантия, во всяком случае невозможности его отрицания [8, с. 252-253].

Вместе с тем формулировки «охраняются государством» и «находятся под защитой закона» по существу означают, что соответствующие права обеспечены специальным законом.

На наш взгляд, для реализации указанного принципа важное значение имеет и ответственность конкретного человека перед обществом, другими людьми, государством. Человек, который игнорирует права человека и свободы других людей, не уважает их достоинство, не может требовать признания и своего достоинства, своих прав и свобод. В демократическом обществе становление личности происходит в условиях свободы, заключенной в определенные рамки. Для Д. Ролза свобода выступает первым и самым важным принципом справедливости, с которого все начинается [9, с. 60]. Согласно его теории каждый индивид должен иметь право доступа к основной свободе, сопоставимое с аналогичным правом

других, из чего вытекает невозможность возникновения политических обязанностей у граждан. Свобода необходима людям уже хотя бы потому, что подлинный выбор, который они совершают в пользу того или иного вида активности, возможен лишь в условиях свободы. Действительно, хотя политическая свобода выступает не единственной разновидностью свободы в человеческой культуре, ее отсутствие разрушает все остальные виды свобод.

Сильное государство, как утверждает Ф. Фукуяма, это единственная гарантия обеспечения верховенства права. Но чтобы стать правовым, государство должно обрести легитимность [10, с. 25-26]. Согласно А. Пикока, человечество не выживет, если не поставит социальные ценности выше сиюминутных удовольствий [11, с. 125]. С другой стороны, как доказывал Б. Рассел, все то, что может и должно существовать, уже существует [12, с. 434].

Действующая Конституция Украины, как уже отмечалось выше, закрепила широкий перечень основных прав и свобод, которые можно классифицировать на личные (гражданские), политические, экономические, социальные, в сфере культуры и экологии. Представляется, что такой установленный Конституцией порядок их расположения имеет далеко не техническое значение, а отражает соответствующую концепцию правового статуса личности, которую придерживается государство.

Личные права и свободы не только открывают раздел о правах и свободах человека и гражданина, но и объем их значительно шире, нежели это было в предшествующих Конституциях. Их специфическими особенностями является то, что они есть неотчуждаемыми и принадлежат каждому от рождения, они не вытекают из принадлежности человека к гражданству. К числу личных прав можно отнести: право на жизнь; право на уважение достоинства человека; на свободу и личную неприкосновенность; неприкосновенность жилища; тайна переписки, телефонных разговоров, телеграфной и иной корреспонденции; недопустимость вмешательства в личную и семейную жизнь; свобода передвижения; свободный выбор места проживания; право свободно выезжать из Украины; свободу мысли и слова; на свободное выражение своих взглядов и убеждений; свободу мировоззрения и вероисповедания; на брак.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что становление в Украине полноценного гражданского общества проходит очень болезненно и, как правильно отмечал В.В. Речицкий, эффективно работающие на Западе

политические и правовые модели действуют далеко не в полную силу [6, с. 431]. Наблюдаются и определенные проблемы с реализацией гражданами свободы слова, а ведь именно она является одной из основ демократического общества, выражает общечеловеческие ценности, помогает раскрыть потенциал личности, есть одно из главных и безусловных достижений осуществляемой в Украине политической реформы [13, с. 157].

Политические права и свободы, в отличие от личных, связаны с обладанием гражданством Украины. Как и личные. Они выступают в качестве естественных прав и свобод, а поэтому их нельзя рассматривать в качестве установленных государством. Государство признает, соблюдает и защищает политические права и свободы. К числу таковых относятся: право на свободу объединения в политические партии и общественные организации, включая профсоюзы; право принимать участие в управлении государственными делами; во всеукраинском и местных референдумах; свободно избирать и быть избранными; свобода мирных собраний; право на обращение (петиции).

Особую группу основных прав и свобод человека и гражданина составляют социально-экономические права и свободы. Они касаются таких важных сфер жизни человека как собственность, труд, отдых, здоровье и призваны обеспечить физические, материальные, духовные и другие социально значимые потребности личности. Конституция Украины 1996 года закрепила несколько иной подход к реализации этих прав и свобод. По существу государство постепенно отказывается от той роли, когда оно окружало человека своей опекой. Можно говорить о том, что сегодня ответственность ложится не только на государство, а на всех субъектов экономической и социальной деятельности при возрастающей активности и индивидуальной ответственности самого человека.

К социально-экономическим правам, закрепленным в Конституции, относятся: право на собственность; право на предпринимательство; право на труд; на забастовку; на отдых; на социальную защиту; на жилье; на достаточный жизненный уровень; на охрану здоровья; на медицинскую помощь; на медицинское страхование; на образование.

Украина по Конституции является социальным государством, а трудности, стоящие перед социально ориентированным государством, связаны с тем, что оно должно соблюдать баланс между свободной экономикой и определенными способами воздействия на перераспределительные процессы в духе справедливости, «выравнивание

социальных неравенств». Отказываясь от роли ночного сторожа и «стремясь обеспечить всем гражданам достойный уровень жизни, государство не должно переступать черту, за которой начинается грубое вмешательство в экономику, подавление инициативы и свободы предпринимательства» [14, с. 19].

Несмотря на некоторые трудности, вызванные как объективными, так и субъективными причинами, мы наблюдаем дальнейшее развитие предпринимательства, рыночных отношений. Ведь лишь частный собственник по настоящему активен. Как писал В. Фон Гумбольдт, человек предпочитает праздность принудительному труду. Обладание же автономными ресурсами стимулирует его к деятельности. Развитие рыночных отношений всегда сопровождается ростом индивидуальной свободы [15, с. 50]. Таким образом собственность – это главный экономический фактор свободы. В политическом смысле свобода является более важной, чем достаток [7, с. 340], утверждает В.В. Речицкий.

В связи с этим уместно заметить, что в Украине новая система гарантий социально-экономических прав еще не сложилась. Переход на уровень рыночной экономики все еще не обеспечивает осуществление тех социальных функций, которые присущи демократическим, социальным, правовым государствам. Существовавшие же ранее гарантии значительно сузились. И тем не менее, хотя новая экономическая и социальная роль государства изменила характер государственных гарантий прав граждан в этой сфере, она никаким образом не снизила его ответственность за создание системы таких гарантий.

Социальная роль государства закреплена в ст. 1 Конституции Украины как одна из важных основ конституционного строя Украины.

Конституция Украины закрепила также право на безопасную для жизни и здоровья природную среду, относящейся к экологическим правам, а также свободу литературного, художественного, научного и технического творчества, относящееся к правам человека в сфере культуры. Несмотря на определенные успехи в этой сфере, состояние с реализацией гражданами данных прав и свобод вряд ли можно оценивать высоко.

Не имея возможности детально проанализировать основные права и свободы, закрепленные в действующей Конституции, тем не менее укажем, что особенность Основного Закона Украины заключается не только в расширении перечня конституционных прав и свобод, но и в иной трактовке их содержания. В качестве примера можно привести право человека на жилище. Несмотря на кажущуюся

императивность этой нормы, эта норма сформулирована таким образом, что государство создает условия, при которых каждый гражданин будет искать возможность: построить жилье; приобрести его в собственность; взять жилье в аренду. А вот тем гражданам, которые нуждаются в социальной защите, жилье будет предоставляться государством и органами местного самоуправления бесплатно или за доступную для них плату согласно закона. В то же время важной гарантией реализации этого права есть положение о том, что никто не может быть принудительно лишен жилья, иначе как на основании закона по решению суда.

Таким образом, и об этом уже отмечалось, социально-экономические права предусматривают целенаправленную деятельность государства относительно создания материальных предпосылок их реализации. Причем, практически все они по определению являются собственно правами, а не свободами.

Вместе с тем природа социально-экономических прав считается дискуссионной в связи с проблемами относительно их реализации. При этом нередко внимание акцентируют на том, что на основе соответствующих положений норм Конституции не возникают субъективные права, которые могут быть замещены в суде. Соглашаясь с таким пониманием этой категории конституционных прав, в то же время мы поддерживаем мнение профессора В.Н. Шаповала о том, что их реализация объективно ограничена даже в развитых странах, а поэтому социально-экономические права иногда рассматриваются как задекларированные государством социальные цели [16, с. 244].

Дискуссионность природы социально-экономических прав исторически обусловлена так называемой либеральной концепцией прав и свобод, в соответствии с которой государство должно самоограничиваться созданием только юридических гарантий реализаций субъективных прав граждан. Но сегодня такая концепция несколько утрачивает свое значение в связи с той социальной функцией, которая признана демократическим, социальным, правовым государством.

Закрепление на конституционном уровне широкого перечня прав и свобод человека создает правовую основу для их защиты, является непременным условием функционирования демократического государства, приверженного идеей свободы и самоценности человеческой личности.

Литература

References:

1. Никифорова М.А. Гражданские права и свободы в США: судебная доктрина и практика. М., 1991.
2. Конституционный статус личности. М., 1989.
3. Сравнительное конституционное право. М., «Манускрипт», 1996.
4. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М. 1999.
5. Кушниренко А.Г., Слинько Т.Н. Конституционное право Украины в вопросах и ответах. X. 2012.
6. Речицкий В.В. Политический предмет Конституции. К. 2012.
7. Права человека в Украине – 2012. Доклад правозащитных организаций. X.; «Права человека», 2013.
8. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., Норма-Нифра. М. 1999.
9. Rawls A. Theory of justice. – N. – V.: Oxford University Press, 1973
10. Фукуяма Ф. Америка на распутье. М.: АСТ., 2007.
11. Пикок А. Теология перед лицом революции: вызов и стимул // Много мифов. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст. – М.: АСТ, 2007.
12. Рассел Б. История западной философии. Ч. 1. – М.: Миф, 1993.
13. Слинько Т.Н. Свобода слова в условиях народовластия. Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине: сб. науч. трудов / Т.Н. Слинько, А.Г. Кушниренко / – X.: Право. 2012. – С. 157
14. Права человека и социальное государство в России. Под ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2013.
15. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
16. Шаповал В.Н. Сравнительное конституционное право, К. 2007.

Рецензент: Татьяна Слинько, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Украины Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

ალექსანდრე კუშნირენკო
ადამიანის უფლებები პოსტსაბჭოთა უკრაინის კონსტიტუციური
წყობის საფუძვლების კონტექსტში

რეზიუმე

სტატიაში გაანალიზებულია უკრაინაში ადამიანის კონსტიტუციური უფლებებისა და თავისუფლებების რეალიზაცია მათი კონსტიტუციური *закрепления* და რეალიზაციის კუთხით. აღნიშნულია ის პრობლემები, რომლებიც სახელმწიფოში არსებობენ ამ სფეროში, კერძოდ პოლიტიკური, იურიდიული და სხვა გარანტიების არასაკმარის ეფექტიანობაზე.

საკვანძო სიტყვები: ადამიანის უფლებები, კონსტიტუციური წყობის საფუძვლები, სოციალური სახელმწიფო, ადამიანის უფლებებისა და თავისუფლებების გარანტიები.

რეცენზენტი: ტატიანა სლინკო, იურიდიულ მეცნიერებათა კანდიდატი, იაროსლავ ბრძენის სახელობის ეროვნული იურიდიული უნივერსიტეტის უკრაინის კონსტიტუციური სამართლის კათედრის დოცენტი.

Oleksandr Kushnyrenko

RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL ORDER POST-SOVIET UKRAINE

Summary

The situation concerning constitutional rights and freedoms in Ukraine is analyzed from the point of view of their constitutional realization and conformation. The problems that exist in this sphere in the state are underlined; in particular, insufficient political, legal and other guarantees are mentioned.

Keywords: human rights, the basic of constitutional foundation, social state, guarantee of human rights and freedoms.

Reviewer: Tatyana Slinko PhD (Law), Associate Professor, Department of Constitutional law, Yaroslav Mudryi National Law University

ს ა ზ ო ბ ა ლ ო ე ბ ა

УДК: 351: 329.7

Александр Котуков

**НЕФОРМАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО
ОБЩЕСТВА**

В статье рассмотрены понятие и функции неформальной коммуникации в современном обществе, определены способы неформальной коммуникации между органами власти и населением, одними из основных среди которых являются коммуникации с помощью социальных сетей в интернете.

***Ключевые слова:** информационное общество, интернет, взаимодействие, информация, коммуникация, неформальная коммуникация, социальный эффект*

Постановка проблемы. Современные тенденции мирового развития связаны со становлением демократического, открытого общества, формирование которого происходит на базе сложно структурированной системы социальной коммуникации. Источником указанных изменений послужила всеобщая информатизация, ставшая следствием информационной революции конца прошлого столетия. Результатом информатизации стал глобальный сдвиг от индустриального к информационному обществу, основанному на распространении, потреблении, изготовлении информации и производных от нее знаний, а также на коммуникации, которая осуществляется с помощью электронных носителей и информационно-коммуникационных технологий. В таких условиях качественных изменений требуют и отношения между органами власти и обществом. Их основой должны стать различные формы коммуникации, которые будут строиться с учетом тенденций развития информационного общества.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы развития информационного общества нашли свое отражение в работах таких ученых, как Д. Белл, Дж. К. Гэлбрейт, Р. Инглехарт, М. Кастельс, М. Маклюэн, И. Масуда, Э. Тоффлер и др. Д. Основы научного подхода к анализу современных коммуникативных систем

были заложены такими исследователями, как Дж. Александер, Э. Арато, К. Апель, Э. Геллнер, Э. Гидденс, Дж. Дьюи, Дж. Кин, К. Манхейм, Р. Шрамм. Анализ проблем организации коммуникаций между органами власти и общественностью на постсоветском пространстве представлены в трудах таких украинских ученых, как В. Бакуменко, Н. Балабанова, В. Давыденко, В.Дзюндзюк, Н. Диденко, В. Мартыненко, В. Олуйко, А. Орлов, Г. Почепцов, Н. Сокур, В. Соловых, Ю. Сурмин, С. Хаджирадева, И. Ходжило, П. Шевчук, В. Якимец и др. Однако вопросы построения системы неформальных коммуникаций между органами власти и населением пока не стали объектом серьезных научных исследований в украинской науке.

Таким образом *целью статьи* является теоретическое обоснование сущности неформальных коммуникаций а также определение возможных способов организации неформальных коммуникаций органов власти с общественностью в современном обществе.

Изложение основного материала. Коммуникация – чрезвычайно многогранный процесс, который реализуется в различных сферах и на различных уровнях социальных отношений. Он исследуется различными науками: психологией и лингвистикой, языкознанием и социальной психологией, социологией и логикой, философией и педагогикой, политологией и государственным управлением, а также дополняется исследованиями в таких научных направлениях, как риторика, административный менеджмент, связи с общественностью и др. Стоит отметить, что в XX-XXI вв. проблема социальных коммуникаций превратилась в одну из центральных и актуальных научных тем, в разработке которой приняли участие мыслители разных направлений и школ: трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, институционализма Т. Веблена, структурного функционализма Т. Парсонса, бихевиоризма Г. Лассуэла, постструктурализма П. Бурдьё и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. При этом представители всех научных школ сходятся во мнении, что коммуникация выступает основной формой социального взаимодействия между людьми, а особенность коммуникативной деятельности заключается в ее вездесущности, проникновении во все другие виды деятельности.

Американский политолог Л. Пай называл коммуникацию «паутиной общества», которая создает основу для организованного установления в обществе властных отношений [12]. Таким образом, играя роль своеобразной социальной инфраструктуры, коммуникация, по его мнению, отвечает за нормальное функционирование и развитие

всей социальной системы. Г. Лассуэлл предложил модель коммуникационного процесса, которая включает пять элементов: 1) кто? (передает сообщение) – коммуникатор; 2) что? (передается) – сообщение (текст); 3) как? (осуществляется передача) – канал; 4) кому? (направлено сообщение) – реципиент (аудитория); 5) с каким эффектом? – обратная связь (эффективность коммуникации) [10].

П. Лазарсфельд ввел в научный оборот понятие «лидер мнения», то есть социально активного человека, который может трансформировать намерения коммуникатора (способствуя или, наоборот, препятствуя им), дополнив традиционную модель Г. Лассуэла еще одним элементом, от которого зависит эффективность процесса коммуникации [11].

Итак, понятие «коммуникация» является более широким, чем понятие «общение» и предусматривает не только обмен информацией, но и определенные дальнейшие эффекты, которые отображаются на внутреннем (мотивы) или внешнем (действия) уровнях субъектов коммуникации. Таким образом, проблема организации коммуникации становится центральной и для науки государственного управления, в фокусе которой находится вопрос принятия и реализации управленческих решений, а также их эффективности.

При этом в последнее время проблема модернизации системы коммуникаций между органами власти и населением становится доминантной объектно-предметной сферой в современном научном государственно-управленческом дискурсе. Это обусловлено рядом причин, среди которых главными выступают:

- необходимость повышения социальной эффективности государственного управления, одним из основных критериев которой является удовлетворенность населения [1];
- потребность в научном осмыслении развития коммуникационных систем в системе государственного управления, реальных возможностей продвижения последней к открытости и интеграции в национальное информационное пространство;
- активное развитие наукоемких технологий и тотальная информатизация общества, кардинально меняет направленность и ценностно-смысловое содержание государственно-управленческих процессов;
- важность целостного научного осмысления сущности открытых коммуникационных систем как механизма управления, который, по определению К. Поппера, регулирует процессы социализации личности «открытого общества» [6];
- необходимость внедрения инновационных коммуникационных

моделей в практику государственного управления.

Г. Алмонд при оценке уровня эффективности коммуникации между властью и обществом предлагает в качестве основных рассматривать следующие факторы: степень однородности передаваемой информации, мобильность информации (т.е. ее способность к постоянному обновлению), объем информации, направление потоков информации. Последнее, по его мнению, является крайне важным фактором, поскольку, по его мнению, в современных демократических обществах потоки «сверху-вниз» и наоборот должны быть примерно одинаковыми по интенсивности [13].

Т. Адорно и М. Хоркхаймер при этом выделяли три основных способа коммуникации между властью и обществом: посредством общественно-политических институтов; средств массовой информации и неформальных контактов [8]. Таким образом они подчеркивали, что социальная коммуникация может быть организованной, официальной, структурированной, проявлением взаимодействия различных социальных институтов, т.е. формальной. Но вместе с этим она может быть неформальной и неофициальной, что не делает ее менее значимой.

Между тем, если в современном государственном управлении огромное внимание уделяется именно первым двум способам, то третий остается практически без внимания. Вследствие этого, в научной литературе фактически отсутствует представление обо всем спектре неформальной коммуникации, о роли неформальной коммуникации в системе массовой коммуникации, о функциональных характеристиках неформальной коммуникации, в том числе о роли неформальной коммуникации в стабилизации и дестабилизации общественных отношений. При этом роль неформальной коммуникации в общей структуре социальной коммуникации имеет тенденцию к росту [2].

Стоит отметить, что многие зарубежные исследователи коммуникации уделяли внимание именно этому аспекту общественного взаимодействия. Так, в частности, исследования различных аспектов неформальной коммуникации связаны с работами философов А. Бергсона и М. Маклюэна, антропологов М. Глакмена и К. Клакхон, психологов З. Фрейда, Г. Олпорта, Л. Постмена и П. Экмана, этнографа М. Херсковича, политологов Г. Лассуэла, С. Кара- Мурзы и др. Обобщение мнений представителей различных научных подходов позволяет отметить, что неформальная коммуникация – это направленное движение социальной информации в социальном пространстве и времени, которое основывается на взаимной

заинтересованности коммуникаторов в получении информации и характеризуется преимущественно межличностным характером, адресностью, простотой, удобством, доверчивостью, толерантностью, нестандартизированностью (отсутствием четких требований к времени коммуникации и объему информации, которая передается).

Основными социальными функциями неформальной коммуникации выступают: информативная, диагностическая, интегративная, компенсаторная, социального контроля, активизирующая, энергетическая, креативная, стабилизирующая [7].

При этом неформальная коммуникация имеет следующие особенности:

- свобода от цензуры;
- не всегда рациональный характер обработки информации;
- личностный характер передаваемой информации (касается отдельно взятого индивида);
- ориентация на собственный опыт коммуникаторов;
- отсутствие видимых статусных барьеров между участниками коммуникации.

Становясь сегментом массовой коммуникации, неформальная коммуникация находит авторство, обеспечивает структурирование и дозирование информации, и начинает обладать характеристиками социального дискурса: актуальность, убедительность и даже побуждение к действию. Смысловое поле неформальной коммуникации конструируется за счет актуализации информации, ее злободневности.

Исходя из этого, можно отметить, что превалирующими в системе коммуникации между органами власти и населением является ее стабилизирующая и творческая роли (поиск новых способов решения конфликтных ситуаций, противоречий, новых способов действия и т.д.). Таким образом в системе социальных отношений неформальная коммуникация является важнейшим компонентом механизма ненасильственного сохранения социального порядка. Так, в частности, во время социальных конфликтов, неформальная коммуникация выполняет функции коммуникативного конфликтогена, формирования информационного и эмоционального поля конфликтного взаимодействия, нахождения предпосылок для создания конструктивного климата для проведения переговоров между конфликтующими сторонами [9].

Неформальная коммуникация как форма социального информационного обмена проходит через большое количество разноуровневых каналов. В современных условиях наиболее

распространенным интерактивным средством неформальной коммуникации выступает сеть интернет, являясь каналом получения и передачи любой социальной и личной информации.

Виртуальный характер неформальной коммуникации в интернете (анонимность, почти полное отсутствие социального контроля, ослабление влияния социальных норм и т.д.) имеет тенденцию к усилению виртуализации содержания коммуникативной информации, одновременно делая ее глобальной, благодаря чему в определенной мере осуществляется компенсация процесса атомизации современного урбанизированного общества. При этом мировая сеть расширяет рамки возможностей коммуникации, позволяет решать ряд личностных проблем (например, дефицита внимания в реальном мире, отсутствия единомышленников, невозможности получения необходимых консультаций по решению насущных проблем и т.д.).

Канадский философ М. Маклюэн в своих исследованиях предположил, что в современном обществе электронная система становится продолжением центральной нервной системы человека, а средства коммуникации, изменяя среду, вызывают расширение чувственного восприятия, ведя к изменению образа мышления и деятельности человека, в результате чего изменяется социум [5]. «Электронная система» С Маклюэна нашла свое продолжение в сетевом обществе, или «обществе сетевых структур», научное представление о котором впервые сформулировал М. Кастельс [4]. Сетевая структура, согласно М. Кастельсу, представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов, содержание которых зависит от характера самой сетевой структуры. Сети, в свою очередь, образуют открытые структуры, которые расширяются путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети. Общество, которое возникает в условиях информационной эры и в котором доминирующие функции и процессы организованы по принципу сетей, становится сетевым обществом («network society»). Новые информационные технологии обеспечивают материальную основу для всестороннего проникновения сетевой формы в структуры общества. М. Кастельс утверждал, что «сетевая логика» «влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, чем конкретные интересы людей, которые находят свое выражение в формировании таких сетей». Отношения интересубъективности, состоящие в сети, формируют принципиально иное коммуникативное пространство, определяют характер и природу новых форм общностей, межличностного и делового общения. При этом такая интересубъективность становится действенным фактором

самоорганизации общества и мощным стимулом общественного развития [3].

Сетевые структуры имеют высокие динамические характеристики, связанные, прежде всего, с обменом информацией. Они играют важную роль в установлении системы эффективной коммуникации, значительно сокращая объем и затраты на обмен информацией. Сети становятся институтами, способствующими развитию целого ряда сфер в информационном обществе. Одновременно сети выступают в качестве источника «перестройки» отношений между властью и обществом, обеспечения демократического контроля и участия, формирование механизмов электронного управления. Использование информационных технологий, сети интернет в государственном управлении не только позволяет оперативно получать информацию и принимать решения, но и вызывает множество коренных организационных изменений. Сокращается бюрократический аппарат, пересматриваются традиционные взгляды на роль и механизмы кооперации, существенно повышаются темпы роста производительности труда, принятия и реализации управленческих решений.

Таким образом, крайне важным среди других способов неформальных коммуникаций (непосредственное общение, общение по телефону и т.д.) между органами государственного управления и населением, развивать коммуникации посредством сети интернет, строя систему постоянного сетевого диалога. Под сетевым диалогом в данном случае понимается процесс симметричной или асимметричной коммуникации органов власти с гражданами и их различными объединениями посредством использования интернета, направленный на обеспечение участия общественности в выработке стратегий развития территории и влияния на принятие государственно-управленческих решений. Формами сетевого диалога могут выступать участие в чате и интернет-конференциях, обсуждение политических программ, нормативных инициатив, проектов политических решений на форумах, сайтах, блогах, «живых журналах», «социальных сетях», организация интернет-голосований, референдумов, социологических опросов и т.д. Таким образом, интернет, обладающий свойствами открытости, диалогичности, мобильности позволяет проявлять большую социальную активность граждан и поэтому становится важным фактором влияния на власть и принимаемые ею решения, одновременно являясь критерием демократичности государственно-управленческого процесса и залогом успешного развития институтов гражданского общества.

Таким образом, активное развитие неформальных коммуникаций между органами власти и общественностью с помощью сети интернет представляется важным по ряду причин, в частности, для:

- сохранения социального порядка и стабильности;
- развития пространства информационно-коммуникативных технологий и интерактивных коммуникаций;
- формирования на этой основе форм межсубъектных взаимодействий, взаимовлияний;
- демократизации процесса выработки и согласования политических и государственно-управленческих решений, путем включения в него широких слоев населения;
- становления новой диалогической организационной культуры в органах власти;
- развития электронного документооборота и механизмов электронного управления.

Кроме того, развитие неформальных коммуникаций с помощью сети интернет будет способствовать:

- объединению жителей определенной территории в единое электронное коммуникационное поле;
- формированию новых союзов, ассоциаций, развитию партнерства и кооперации;
- обеспечению активного участия в массовом коммуникационном процессе лиц, лишенных возможности непосредственного общения с другими людьми (прежде всего, людей с ограниченными физическими возможностями);
- развитию международной и межрегиональной коммуникации.

Эти возможности активизируют влияние граждан на определение тактических и стратегических целей развития социума как на местном и региональном, так и на государственном уровне. Таким образом, с помощью неформальных сетевых коммуникаций граждане будут способны не только получать, распространять и создавать политическую и административную информацию, но и организовывать общественно-политический и государственно-управленческий дискурс, который будет формироваться с помощью сетевого диалога.

Выводы. Новые модели государственного управления, демократизация и глобальная интернетизация социокультурного пространства вызывают необходимость пересмотра традиционных способов взаимодействия между органами власти и населением, способствуя внедрению в практику государственного управления новых коммуникативных моделей. Между тем, новая система

კომუნიკაცი მედუ ორგანაი ვლასტი ი ობშესთვო დოლჟნა ნე თოლკო სოოთვესთვოთა ორვნიო რავითია ობშესთვა, ნო ი იმეტი ოპერეჟაოი ხარაქერი, ობესეჩივია თემ სამიო ეო პროგრესივნიო რავითიე. მოდერნიზაცია კომუნიკაცი დოლჟნა ბეტი ნაპრავლენა ნა ფორმირანიე ოკრუთი კომუნიკაციონნიო სისტემი, დომინირუიო ხარაქერიტიკაი კოტორი ნარეადუ ს ოკრუთესთვო ივლენთა ვისოკი ვარიაცივნიო, დინამიკნიო, გიბკნიო ი სპოსობნიო ოპერატივნიო რეაგიროთა ნა პოტრებნიო ობშესთვა.

თაკოი ეფფექტი მოჟეტი ობესეჩიტი აქტივნიო ისპოლზოვანიე ნეფორმალნიო კომუნიკაცი, კოტორე პრედესთავლიოთ სობოი ვიდი სოციალნიო კომუნიკაცი, ოსნოვანიი ნა ვაიმიანიო ჯაინტერესოვანიოტი კომუნიკატორი ვ პოლუჩენიე ინფორმაცი ი კოტორი ხარაქერიზუეტი ადრესნიო, პროსთოტი, უდობსთვო, ნესტანდარტიზიროვანიოთა. ოდნიო ივ ფორმ თაკიო კომუნიკაცი ივლენთა სეთეოვი დიალოგი, კოტორი პრედესთავლიე სობოი პროცესი სიმეტრიკნიო ილ ასიმეტრიკნიო კომუნიკაცი გრავდანი ი ორ დრლიკნიო ობედიენიი ს ორგანაი ვლასტი პოსრედსთვო ისპოლზოვანიე სეტი ინტერნეტი, ნაპრავლენნიი ნა ობესეჩენიე უჩასთია გრავდანი ვ ვირაბოტკე სტრატეგიი რავითია ტერიტორიი ი ვლიანიე ნა პრინიეტიე პოლიტიკესკიო ი გოსუდარსთვენნიო-უპრავლენესკიო რეშენიი. სრედი ნაპრავლენიი დალეიშქიო ისლედოვანიო მოჟო ვიდელტი რასმოტრენიე როლი ნეფორმალნიო კომუნიკაცი ვ ელექტორალნიო პროცესაი ი ვ სოვანიე პოლიტიკესკიო კოალიციი (ასოციაციი, ლობბისტსკიო გრუპი) ნა რეგიონალნიო ი მესთნიო ორვნიე. ვაჟნიო პრობლემი, კოტორა იმეტი თეორეტიკესკიო ი პრიკლადნიო პრაქტიკესკიო ჯნაჩენიე, თაკჟე ივლენთა ოსმესლენიე როლი ნეფორმალნიო კომუნიკაცი ვ პოლიტიკესკიო პროვოკაციაი ი ვ ინფორმაციონნიო ვიოთაი.

ლიტერატურა

References:

1. Дзюндзюк В. Б. Эффективність діяльності публічних організацій: [монографія] / В. Б. Дзюндзюк. – Х.: Вид-во ХарПІ УАДУ „Магістр”, 2003. – 236 с.
2. Дмитриев А. В. Неформальная политическая коммуникация / А. В. Дмитриев, В. В. Латынов, А. Т. Хлопьев. – М.: РОССПЭН, 1997. – 200 с.
3. Кастельс М. Интернет – галактика. Міркування щодо Інтернету, бізнесу і суспільства / М. Кастельс; [пер. з англ.]. – К.: Ваклер, 2007. – 304 с.

4. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.– 640 с.
5. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / К. Поппер; пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
7. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова, 2002. 461 с.
8. Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно; пер. с нем. М. Кузнецова. – М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
9. Цой Л. Н. Конфликтное содержание в коммуникации / Л. Н. Цой // Мир психологии. – 2000. – № 2. – С. 26–33.
10. Lasswell H. Propaganda, Communication, and Public Opinion / H. Lasswell // A Comprehensive Reference Guide. Princeton, Princeton University Press, 1946. – 435 p.
11. Lazarsfeld P. Qualitative Analysis / P. Lazarsfeld // Historical and Critical Essays. – New York: Allyn and Bacon, Inc., 1972. – 365 p.
12. Pye L. The Blackwell Encyclopaedia of Political Institutions / L. Pye / Political Communication. – Oxford – New York, 1987. –P. 442
13. Almond G. The American People and Foreign Policy / G. Almond. – New York: Harcourt, Brace and company, 1950. – 269 p.

Рецензент: Вячеслав Дзюндзюк, доктор наук по государственному управлению, профессор, заведующий кафедрой политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

აღიქვანდრე კოტუკოვი

არაფორმალური კომუნიკაცია, როგორც სახელმწიფო მართვის ეფექტიანობის გაზრდის ინსტრუმენტი ქსელური საზოგადოების განვითარების პირობებში

რეზიუმე

სტატიაში განხილულია თანამედროვე საზოგადოებაში არაფორმალური კომუნიკაციის ცნება და ფუნქციები,

განსახვდერულია ხელისუფლების ორგანობესა და მოსახლეობას შორის არაფორმალური კომუნიკაციის საშუალებები, რომელთა შორის ერთ-ერთი ძირითადია კომუნიკაცია სოციალური ქსელების მეშვეობით ინტერნეტში.

საკვანძო სიტყვები: ინფორმაციული საზოგადოება, ინტერნეტი, ურთიერთქმედება, ინფორმაცია, კომუნიკაცია, არაფორმალური კომუნიკაცია, სოციალური ეფექტი.

რეცენზენტი: პროფესორი ვიანესლავ ძიუნძიუკი, სახელმწიფო მართვის დოქტორი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის გამგე.

Alexander Kotukov

INFORMAL COMMUNICATION AS INSTRUMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION PERFORMANCE INCREASING IN THE FRAMEWORK OF NETWORK SOCIETY DEVELOPMENT

Summary

The article describes the concept and functions of informal communication in modern society, defined methods of informal communication between the authorities and the population are defined, one of the main ones is the communication via online social networks.

Keywords: information society, internet, interaction, information, communication, informal communication, social impact.

Reviewer: Viacheslav Dziundziuk, doctor of sciences, professor, Head of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine.

ს რ ს ქ ტ ი ი ს

УДК 351:911.372.7

Максим Мусеев КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ИНФРАСТРУКТУРНЫМ РАЗВИТИЕМ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

Статья посвящена рассмотрению возможности использования различных подходов в управлении развитием инфраструктуры крупных городов. Определяются особенности, достоинства и недостатки этих подходов, предлагается комплексный подход к управлению развитием инфраструктуры крупных городов.

Ключевые слова: *инфраструктура, развитие, подходы, крупные города, управление.*

В последние десятилетия наблюдается существенный рост интереса как ученых, так и практиков к вопросам управления крупными городами и их инфраструктурами. Во многом это происходит благодаря, во-первых, стремительному росту крупных городов [5]; во-вторых, осознанию того, что именно города преимущественно способствуют росту благосостояния и социально-экономическому развитию [7]; в-третьих, через усиливающуюся в результате процессов глобализации конкуренцию между городами за различные ресурсы, и наличие эффективной инфраструктуры является важным фактором такой конкуренции.

Все это происходит на фоне ряда процессов и особенностей деятельности органов власти, которые актуализировались за последнее время. Прежде всего, это реализация принципов устойчивого развития, которые оказывают все большее давление на органы власти различного уровня. Это приводит к тому, что становится недостаточно иметь просто эффективную в экономическом понимании инфраструктуру, она должна быть «дружелюбной» по отношению к окружающей среде, причем в долгосрочном периоде и с учетом климатических изменений.

Сложность финансирования и управления городской инфраструктурой усиливается также и нестабильностью современного финансового сектора, где принимаются основные инвестиционные решения. Все более и более глобализованный и взаимосвязанный

финансовый мир вызвал ряд недавних финансовых кризисов (азиатский финансовый кризис 1997 года, глобальный финансовый кризис 2008 года, европейский дебиторский кризис 2011 года). И хотя сейчас предпринимаются активные попытки установить со стороны государств и их объединений контроль над финансовым сектором, очевидно, что тесная взаимосвязанность глобальных финансовых систем будет способствовать возникновению финансовых «эпидемий» и в будущем.

Постоянно и быстро развиваются новые технологии, что также оказывает влияние на городскую инфраструктуру и управление ей. Причем речь идет не только о «непосредственных» технологиях (новые материалы, новые коммуникации, более эффективное использование материалов и энергии и т.п.), но также и о новых технологиях финансирования, обслуживания клиентов, управления инфраструктурой, т.е. имеется в виду все то, что обеспечивает эффективность (пользуясь компьютерным языком) как «hardware», так и «software» городской инфраструктуры.

Большую роль здесь сыграла так называемая «микроэкономическая реформа» [4], что прошла в большинстве развитых странах в последние двадцать-тридцать лет. Главные цели данной реформы в отношении городской инфраструктуры состояли в том, чтобы создать гибкость и непрерывность в обеспечении инфраструктурных услуг на основе дифференцирования и инноваций в отношении как технологий, так и самого процесса предоставления услуг. Во многих странах это подкреплялось социальными гарантиями в отношении «минимальных» услуг, независимо от того, предоставлялись ли они публичными или частными организациями.

Вообще, основной направленностью реформы было намерение структурировать процессы предоставления социальных услуг таким образом, чтобы они стали максимально прозрачными и подотчетными гражданам и чтобы затраты, преимущества и риски, связанные с ними, идентифицировались, ассигновались и управлялись на том уровне, где эти услуги предоставляются. Хотя механизмы достижения этого в различных странах применялись разные.

Толчком для реформы стала ситуация 1970-х – начала 1980-х годов, когда высокий уровень инфляции и замедление экономического роста привели к росту безработицы во многих развитых странах. Одним из путей выхода из данной ситуации было повышение налогов, что дало бы дополнительные средства, которые можно было бы направить на оживление экономики, однако, против этого существовало серьезное общественное сопротивление [4]. Поэтому

было принято решение пойти по пути реструктуризации экономики, что вылилось в борьбу с монополистами как в частном, так и в публичном секторе.

Именно монополисты предоставляли большинство инфраструктурных услуг, при этом используя традиционную бюрократическую модель управления, ставшую уже к тому времени неэффективной и неадекватной сложившимся условиям, а также основанной на технократическом подходе к управлению, что часто игнорировал его социальные аспекты. Однако поскольку современная инфраструктура выполняет социально-экономическую роль, то недостаточно ограничиться увеличением числа построенных дорог, новых водо- и газопроводов и т.п., необходимо также обеспечить равноправный доступ всех жителей к инфраструктурным объектам и услугам. Добиться этого получилось после ликвидации большинства монополистов и перехода к преимущественно аутсорсинговой модели предоставления инфраструктурных услуг при жестком контроле со стороны территориальных общин и местных органов власти.

Еще одной особенностью реформы стала ее комплексность. Недостаточно повысить эффективность какого-то одного из секторов экономики, чтобы повысить ее эффективность в целом. Так же точно невозможно повысить эффективность городской инфраструктуры, уделяя внимание и развивая лишь только одну из ее составляющих, не увязывая воедино координацию усилий по развитию их всех, а также с управлением городской землей и недвижимостью.

Вообще, в последнее время многие исследователи в рамках комплексного подхода к управлению территориями уделяют все больше внимания так называемым «пространственным моделям». Данные модели направлены на определение того, каким образом совместное пространственное расположение и совместные действия, поддерживаемые соответствующими коммуникациями, создают конкурентные преимущества, что имеют синергетическую природу, для организаций и целых поселений, в частности через стимулирование инноваций [6]. Это еще раз подчеркивает важность городской инфраструктуры, которая как раз и делает возможной такую синергию совместных действий, для социально-экономического развития городов, а также актуализирует вопросы эффективного управления инфраструктурой и инфраструктурным развитием.

Хотя в настоящее время в основе инфраструктурного развития и лежит управление по результатам, появившееся в менеджменте частных организаций, но все же инфраструктурное развитие представляет собой процесс, который в основном приносит

общественную пользу и базируется на общественных затратах, соответственно, «плохо» управляется одними рыночными инструментами, а требует совместных усилий публичного, частного и третьего секторов.

Также следует отметить, что хотя «традиционные» дисциплины, такие как градостроительство, городское планирование, архитектура, экономика городов, социология, экология и др. довольно успешно решают отдельные задачи инфраструктурного развития, ни одна из них самостоятельно не способна обеспечить его в целом, соответственно, управление инфраструктурным развитием требует междисциплинарного подхода в рамках реализации единой политики городского развития.

Инфраструктура важна для любого населенного пункта, но особенно важна она все же для крупных городов. Крупные города представляют собой места предельной концентрации людей, ресурсов, информации и деятельности [3]. Благодаря непосредственной близости и взаимодействию люди получают взаимную выгоду как для себя, так и для местной экономики, создают потенциал для креативности и инновационности. Однако, хотя и понятно, что именно люди и их идеи закладывают фундамент для создания «успешных городов», их комфортное и даже безопасное существование, а также реализация выработанных идей невозможны без наличия соответствующей инфраструктуры, которая обеспечивает надлежащее функционирование экономических, социальных, гуманитарных, экологических и других городских систем. Иными словами, эффективная городская инфраструктура не создает сама по себе конкурентоспособные, инновационные города, но ее отсутствие существенно мешает их возникновению, функционированию или развитию.

Важность городской инфраструктуры для отмеченных процессов возрастает в крупных городах и потому, что здесь она характеризуется высокими капиталовложениями и требует постоянного обслуживания и реинвестирования для ее не только эффективного, но и просто бесперебойного функционирования. Кроме того, каждый крупный город, существующий достаточно давно, имеет «инфраструктурное наследие», определяемое тем, каким образом инфраструктура инвестировалась и обслуживалась в прошлом. Долговечность и постоянность инвестиций в инфраструктуру влияет на весь процесс городского развития и городские структуры и системы в течение многих десятилетий, поскольку обычно инфраструктурные услуги являются не только конечными, но и промежуточными для

производства других услуг и продуктов.

Поэтому городская инфраструктура должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь дело с изменяющимися условиями и требованиями, что еще раз подчеркивает важность долгосрочного, стратегического подхода к ее инвестированию и планированию развития и улучшения существующих сетей и систем. Целенаправленные стратегические инвестиции в инфраструктуру, которые направлены на поддержание ее гибкости, могут осуществить значительное положительное воздействие не только на инфраструктурное развитие города, но и на его социально-экономическое развитие в целом. Более того, по мнению многих авторов, городское будущее в еще большей степени зависит от комплексного и стратегического управления инфраструктурным развитием, с учетом бюджетных и других финансовых ограничений и требований устойчивого развития, связанных преимущественно с активностью городских территорий [3].

На заре урбанистики многие исследователи рассматривали городскую инфраструктуру как нечто исключительно материальное, – транспорт, сети водоснабжения, канализация, электрические, газовые, телефонные сети и т.п., – то, что назвали экономической инфраструктурой. Однако города, как отмечалось выше, организованы, в первую очередь, вокруг людей, поэтому наряду с экономической существуют также, как отмечалось ранее, социальная и институциональная инфраструктура. Т.е. городская инфраструктура имеет три основные составляющие, совместное скоординированное управление которыми необходимо для ее эффективного функционирования и развития. Таким образом, важнейшее значение для социально-экономического развития крупных городов приобретают вопросы управления их инфраструктурой.

Ключевой проблемой с управлением городской инфраструктурой и ее развитием как единой системой является постоянное и повторяющееся взаимодействие между ее элементами, и ее реакция на изменения, происходящие в этих элементах [2]. Наглядным примером тут может служить строительство новой линии метро, которая для многих людей существенно уменьшает время, чтобы добраться из дома на работу. После такого строительства стоимость земли и квартир вдоль линии возрастает, соответственно, там активизируется строительство, которое, в свою очередь, влечет расширение сетей водо-, газо-, электроснабжения и т.п. Увеличение количества жителей приводит также к появлению новых или расширению старых школ, учреждений здравоохранения, торговых точек и др. Кроме того, со

временем может понадобиться организация новых маршрутов и наземного транспорта, что будет требовать реконструкции дорог, вложения средств в закупку новых транспортных единиц и т.п. Т.е. возникает явный мультипликативный эффект воздействия на всю инфраструктуру в результате изменения одного из ее элементов, что конечно же необходимо учитывать при планировании и управлении ее развитием.

Такой же мультипликативный эффект достигается благодаря использованию концепции «управление по результатам» («management by outcomes»). Это достаточно известная концепция в бизнесе, но в связи с реализацией в публичном управлении моделей нового публичного менеджмента управление по результатам получило широкое распространение и в публичном секторе (наряду, например, с такими концепциями как «сплошное управление качеством» («total quality management»), реинжиниринг («reengineering») и др., также прошедшими в публичный сектор из частного).

В управлении по результатам результат понимается как влияние на различные элементы экономики или сообщества, обеспечивающее достижение определенной цели; при этом как цель, так и результаты должны быть измеримыми [2]. Чтобы показать, каким образом управление по результатам приводит к мультипликативному эффекту, рассмотрим такой пример. Предположим, что в качестве цели определено повышение доступности жителей города к услугам, расположенным в центре города. В качестве измерительного индикатора можно взять сокращение среднего времени поездки с окраин в центр на 10% за 5 лет. Добиться этого можно увеличив (оптимизировав) количество транспортных маршрутов и количество единиц общественного транспорта. Однако увеличение количества транспортных средств повлечет за собой необходимость реконструкции дорожной сети, строительство новых дорог или расширение старых (что также позволит быстрее передвигаться по городу на частных автомобилях). Кроме того, необходимо будет пересмотреть и организацию движения транспорта по новым и старым дорогам.

Каждый из полученных четырех результатов, – оптимизация транспортных маршрутов, закупка (аренда) транспортных средств, реконструкция (строительство) дорог, новая организация движения транспорта, – по отдельности представляет определенную ценность для города и его жителей, но именно вместе они позволяют получить необходимый эффект в виде сокращения времени поездок. Причем не всегда взаимосвязь между результатами и эффектом является явной.

Например, в каком-либо районе города могут увеличить число пешеходных дорожек с хорошим покрытием, а также уличное освещение, и это может привести к увеличению числа людей, занимающихся бегом после работы вечером, что в перспективе благоприятно скажется на состоянии общественного здоровья.

Именно вследствие возникновения подобных мультипликативных эффектов для управления инфраструктурным развитием является очень важным наличие единой и целостной политики городского развития, в которой отражены вопросы доступности жилья, доступа к жилищно-коммунальным, транспортным, образовательным и др. услугам. Хотя само понятие «политики» («*policy*») трактуется достаточно широко. Как отмечается по этому поводу в одной из работ: «Эта множественность значений неизбежна, поскольку политика – это стенографическое описание всего, от анализа прошлых решений до особенностей современного политического мышления» [1, с. 6. перевод наш. – М.М.].

Исходя из такого широкого понимания политики выделяют несколько направлений ее реализации и типов ее инструментов [1]:

«политика через законы», что подразумевает формирование соответствующей нормативно-правовой базы;

«политика через действие», что подразумевает принятие и реализацию управленческих решений различного характера;

«политика через деньги», реализуемая через использование бюджетных и фискальных инструментов;

«политика через убеждение», с использованием информационных ресурсов, доступных для органов власти;

«политика через взаимодействие», что подразумевает развитие взаимоотношений органов власти с другими акторами из частного и третьего сектора для совместного решения задач и достижения целей.

Однако в контексте нашей темы изложенное требует некоторых замечаний. Во-первых, в иерархической системе политика на более низких уровнях управления (оперативная политика) используется не только как рамочная структура, но и как инструмент реализации политики более высоких уровней управления (стратегической политики). Во-вторых, понятие «политика через деньги» является слишком широким, целесообразно разделять бюджетные и фискальные инструменты, поскольку они могут использоваться отдельно друг от друга и по-разному. В-третьих, целесообразно также комбинировать «политику через действие» и «политику через взаимодействие», поскольку это позволяет принимать более рациональные решения, учитывающие интересы всех городских

стейкхолდეროვ, ი რეალიზოვოვოთ ეტი რეშენიო ეფექტივოეო ბლოგორო სოვმესთნიმ უსილიომ, თ.ე. სოვოოოო ეფექტი სინერგიი, ო კორომ გოვოროლო ვოშე. ვ-ოეტერთო, დო სოვრემენნიო, კოკ პრავილო, ვოხოოობროვოოთნიო ჯილეთი მეგოპოლისო სოროე სლედოეთ ისოლზოოოთ ნე თოლოკო უბეჯდენი, ნო ი თოკოი ინსტრუმენტი კოკ უპრავლენიო ზნოინიო (*knowledge management*).

ს უოეთ ოთიო ზოშენიოთ ი ოსოოოოოოთ ნო იდეოთ იზოვსთნიო სპეციოლისტი ვ სფერო გოროდსოკო უპრავლენიო ლ. ნეილსონი [4], მოკოო პრედოოოოთი თოკოი ნობორი ინსტრუმენთო უპრავლენიო ინფრასტრუქტურნიმ რავითიემ: ნორმოთივნი-პრავოოო ბოოო, გოროდსოკო პოლიტიკო, ბიუჯეტნიე ინსტრუმენტი, ფისკოლნიე ინსტრუმენტი, უბეჯდენი, სტრუქტურო სოთრუდნიოესთო, უპრავლენიო ზნოინიო. პრი ეთომ ვოკოო პოოოერკნუთ, კოთ ესლი პეროოე ოეტოე ინსტრუმენტიო ჯოვოლენოთ ტრადიციონნიოთნი, თოკოთ, კოთ დოვნი ისოლზოოთენო დოო უპრავლენიო რავითიემ გოროდსოკო ინფრასტრუქტუროთ ი გოროდოთ ვ ოოლომ, უბეჯდენი ი სოთრუდნიოესთო სთლი ისოლზოოთენოთ ვ სოვოოი ს ვნედრენიემ ი ვობლიოონიო უპრავლენიო მოდელი ნოოოო პობლიოონიო მენეჯმენტი, თო უპრავლენიო ზნოინიოთნი ჯოვოლენოთ ინსტრუმენტი, სოვოოთნიმ ს ინოოოოოიონნიოთნი პოოოოოთნი კ უპრავლენიო რავითიემ ინფრასტრუქტუროთ გოროდოთ.

პრიოოე კოოოოთნი ი როსოოთრენნიოთნი ინსტრუმენთოთ, ისოლზოოთენოთ ვ უპრავლენიო ინფრასტრუქტურნიმ რავითიემ, იმეოთ სოოი ოსობენოთნი ი სპეციფიოესოკიე რეზოლთოთნი, პოეტოოოთი ოოესოოობოოოოთნი ისოლზოოთენოთ იოთ ვ კოპლექსე, თ.ე. ვ როკოთ ოოოთნი კოპლექსოონიო პოოოოთნი. ეთო ოსობენოთნი ვოკოოთნი, უოითოოოთნი, კოთ ინფრასტრუქტურნიე რავითიემ პრედოოოთენოთ სოოოთნი სოკოოთნი პროოესტი, ზოვოისოოთნი ნე თოლოკო ოთ მესთნიო ორგოთნი ვლასთი, ნო ი დოოთნიო ოოოოთნი, კოოოთნი იოთ კოოოთნი სოოი ინტერესოთნი ი ოოიო დეოთენოთნი. ნო, ვ თო ჯე ვრემოთ, იმენოთ ორგოთნი ვლასთი დოლჟნი იგროთი ოსოოთნიო როლ, კოკ ვ პლანიოოოთნი რავითიემ ინფრასტრუქტუროთ, თოკ ი ვ ეო ოსოოოთენი, კონსოლიდიროთნი უსილიო დოოთნი ოოოოთნი, ობესოეოოთნი რეოლიზოოთნი კოპლექსოონიო პოოოოთნი ნო პროკტიკე.

ლიტეროთურა

References:

1. Colebatch H.K. Beyond the Policy Cycle / H.K. Colebatch. – Sydney: Allen and Unwin, 2006. – 336 p.
2. Foth M. (Ed.). Handbook of Research on Urban Informatics: The Practice and Promise of the Real-Time City/ M. Foth. – Hershey, PA: IGI Global, 2009. – 319 p.

3. Glaeser E. Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier and Happier / E. Glaeser. – London: Macmillan, 2011. – 352 p.
4. Neilson L. Instruments of governance in urban management / L. Neilson // Australian Planner. – 2002. – Vol. 39. – P. 22-41.
5. United Nations Population Fund (UNFPA). Unleashing the potential of urban growth. – New York: UNFPA, 2007. – 243 p.
6. World Bank. World development report 1997: The state in a changing world. – New York: Oxford University Press, 1997. – Режим доступа: http://wdronline.worldbank.org/worldbank/a/c.html/world_development_report_1997/abstract/WB.0-1952-1114-6.abstract.
7. World Bank. World development report 2009: Reshaping economic geography. – Washington, DC: World Bank, 2009. – Режим доступа: http://wdronline.worldbank.org/worldbank/a/c.html/world_development_report_2009/abstract/WB.978-0-8213-7607-2.abstract.

Рецензент: Вячеслав Дзюндзюк, доктор наук по государственному управлению, профессор, заведующий кафедрой политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

მაქსიმ მუსევევი

დიდი ქალაქების ინფრასტრუქტურული განვითარების მართვისადმი კომპლექსური მიდგომა

რეზიუმე

სტატია ეძღვნება დიდი ქალაქების ინფრასტრუქტურის განვითარების მართვაში განსხვავებული მიდგომების გამოყენების შესაძლებლობას. განსაზღვრულია ამ მიდგომების თავისებურებები, ღირსებები და ნაკლოვანებები, შემოთავაზებულია დიდი ქალაქების ინფრასტრუქტურული განვითარების მართვის კომპლექსური მიდგომა.

საკვანძო სიტყვები: ინფრასტრუქტურა, განვითარება, მიდგომები, დიდი ქალაქები, მართვა.

რეცენზენტი: პროფესორი ვიანესლავ ძიუნძიუკი, სახელმწიფო მართვის დოქტორი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული

სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის გამგე.

Maxim Museyev

**COMPLEX APPROACH TO MANAGEMENT OF
MEGALOPOLISES' INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT**

Summary

The possibilities of using various approaches for managing the development of megalopolises' infrastructure are analyzed; features, advantages and lacks of these approaches are defined; the complex approach to management of megalopolises' infrastructure development is proposed.

Keywords: infrastructure, development, approaches, megalopolises, management.

Reviewer: Viacheslav Dziundziuk, doctor of sciences, professor, Head of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine.

УДК 331.522

Игорь Шурма

ПЕРЕДОВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ

Проведен анализ моделей социальной политики, которые используются в развитых странах. Определены основные тенденции развития социальной защиты инвалидов, показаны способы и инструменты социализации людей с ограниченными возможностями, среди которых особое внимание уделено стимулированию работодателей, государственно-частному партнерству на местном уровне и инклюзивному образованию.

Ключевые слова: *социальная защита, инвалиды, социальная помощь, социализация, интеграция, права, трудоустройство, образование*

Постановка проблемы. Реализация курса на европейскую интеграцию, которая является сегодня актуальной для многих постсоветских стран, включая Украину, не представляется возможной без создания соответствующей системы социальных стандартов. Именно поэтому изучение передового зарубежного опыта, в частности, относительно особенностей реализации государственной политики в социальной сфере, является важным аспектом определения дальнейших путей совершенствования государственного управления, в целом. При этом особое значение в современных условиях, является выявление практик успешного решения проблем людей с ограниченными возможностями, которым уделяется большое внимание в социальной политике стран Западной Европы и США.

Анализ последних публикаций. Проблемы социальной защиты активно рассматриваются многими украинскими учеными, в частности, П. Базилюком, И. Гнибиденко, С. Горбуновой-Рубан, В. Елагиним, Э. Либановой, Ю. Саенко, В. Скуратовским, А. Чухно и др. Среди западных исследователей особого внимания заслуживают работы О. Видермана, Т.М. Гансли, К. Грильбергера, М. Дика, С. Майбурга, Д. Маршалла, Г. Мюрдаля, У. Тиссена, Л. Флекена, Г. Фукса, Л. Эрхарда, Г. Эспинг-Андерсена и др. Между тем, исследований, посвященных систематизации ведущего зарубежного опыта в сфере государственного управления социальной защитой инвалидов, сегодня практически нет.

Целью статьи является обобщение зарубежного опыта социальной защиты инвалидов и определение инновационных инструментов государственной социальной политики относительно лиц с особыми потребностями.

Изложение основного материала. Отметим, что права инвалидов в течение длительного времени является предметом повышенного внимания со стороны Организации Объединенных Наций и других международных организаций. Так, еще более 30 лет назад, в 1981 году, Генеральной Ассамблеей ООН была утверждена Всемирная программа действий в отношении инвалидов, которая стала значительным толчком в решении проблем инвалидов и обеспечения реализации их прав и возможностей во всем мире [1]. Этот документ закреплял права инвалидов на одинаковые с другими гражданами возможности получения социальных благ и равное участие в общественной жизни. С этого времени, в большинстве развитых стран стал реализовываться целый ряд государственных программ, направленных на усовершенствование процессов социализации инвалидов, повышению их возможностей для трудоустройства, доступа к объектам социальной инфраструктуры и т.д. В то же время, стоит отметить, что каждая страна имеет свою специфику их внедрения.

Шведский ученый Г. Эспинг-Андерсен [28] выделил три типа социальной защиты в странах с рыночной экономикой.

Первый тип защиты – либеральный. При его использовании государство ограничивается помощью тем, кто лишен возможности иметь другие доходы.

Второй тип защиты – консервативный, согласно которому в системе социальной защиты доминирует классическая модель социального страхования, основанная на принципе «что ты сделал».

Третий тип защиты – социал-демократический. В рамках данной модели устанавливаются определенные социальные стандарты для всех граждан и социальная помощь предоставляется независимо от наличия других доходов [27].

Между тем, в чистом виде такие модели практически не существуют и каждая страна самостоятельно выбирает собственные подходы к решению социальных проблем, в частности, и относительно защиты инвалидов. Далее рассмотрим особенности государственного регулирования процесса социальной защиты инвалидов в разных странах.

1. США (государственная политика наиболее соответствует либеральной модели социальной защиты).

Несмотря на длительные исторические традиции использования либеральной модели, в последнее время органы государственной власти в США направляют значительную часть средств на обеспечение социальной защиты населения. Среди мер по социальной поддержке населения США следует отметить:

- разработку программ профессиональной подготовки и переподготовки кадров;
- обеспечение адресности социальной помощи (в частности, предоставление талонов на бесплатное получение продовольственных товаров, субсидий на получение жилья, страхование для получения бесплатной медицинской помощи и т.д.).

2. Германия (наиболее соответствует консервативной модели социальной защиты).

Подход к социальной защите населения в Германии основывается на концепции «социальной рыночной экономики», разработанной Л. Эрхардом [25]. Она направлена на гармоничное сочетание усилий государства и граждан в решении социальных проблем, в частности, в сфере трудоустройства, здравоохранения и т.д.

В общем, в Германии насчитывается более 4 млн инвалидов, нуждающихся в помощи и особой заботы со стороны государства. И все они имеют право на соответствующие виды социальной, психологической, медицинской и профессиональной реабилитации [15]. Мероприятия, направленные на их социализацию, начинаются с момента установления инвалидности и продолжаются до полного включения инвалида в трудовой процесс и жизнь общества. В системе здравоохранения активно используется социальное страхование на случай болезни. Даже временно работающие по найму безработные и пенсионеры в соответствии с «Законом о страховании» подлежат страхованию на случай болезни [9]. Финансовая помощь инвалидам, получившим травму на производстве, предоставляется на протяжении всего периода реабилитации путем предоставления выплат, размер которых обусловлен предыдущим заработком. Как правило, она выплачивается в размере 80 % общей суммы заработной платы и увеличивается в зависимости от темпов развития экономики.

Инвалиды, которые являются полностью или частично нетрудоспособными, имеют возможность получения пенсии до достижения пенсионного возраста [3].

Двадцать лет назад, в 1994 г. Германия существенно усовершенствовала законодательство по социальной защите инвалидов [2]. Новая система помощи предусматривает внедрение обязательного медицинского ухода для инвалидов на дому и в

стационарных учреждениях, включая уход за телом, питание, передвижение и помощь по дому (например, покупки, приготовление пищи и уборка). При этом государство взяло на себя гарантии выплаты материальной помощи людям, которые нуждаются в длительном уходе. Те, кто попадает под действие выплаты, могут выбрать помощь в виде услуг по определенной стоимости или наличными. Причем стоимость ваучера на услугу больше, чем то, что выдается наличными.

При обсуждении данного закона подчеркивалось, что система, кроме прочего, создается для увеличения занятости населения путем расширения сферы услуг на местном уровне, особенно услуг по уходу на дому. Также подчеркивалось, что выплата помощи деньгами не означает покрытие всех расходов по уходу, а предназначена для того, чтобы сделать значительный вклад в снижение расходов семьи по уходу или компенсировать те затраты, которые образуются при уходе самими членами семьи. Для финансирования выплаты пособия установлены взносы на уровне 1% от зарплаты и 1,7 % от зарплаты поровну из работающих и работодателей [5, с. 184]. Пенсионеры и лица, получающие уход, также осуществляют эти взносы из своего пенсионного дохода.

3. Швеция (наиболее соответствует социал-демократической модели).

Концепция «социальной рыночной экономики» Л. Эрхарда имеет много общего с концепцией «социальной ориентации рынка» Г. Мюрдала, послужившей основой для построения системы государственного управления социальной защитой в Швеции.

Социальной защитой Г. Мюрдаль называл систему правовых, социально-экономических и социально-психологических гарантий, в частности, создание условий для повышения уровня благополучия граждан [18]. Причем он отличал социальную защиту для трудоспособного и нетрудоспособного населения. Для трудоспособных она предусматривает создание условий для труда, обеспечение экономической самостоятельности и предпринимательства. Для нетрудоспособных – создание определенного уровня жизнеобеспечения.

Обеспечение социальной защиты, как отмечал Г. Мюрдаль, предусматривает реализацию нескольких ключевых направлений деятельности государства по обеспечению:

- граждан высоким прожиточным минимумом и оказания помощи тем, кому в силу объективных причин она нужна;
- своевременной приостановки предоставления льгот и

привилегий тем, кто в них уже не нуждается;

- экологической безопасности граждан;
- защиты от преступности;
- условий для защиты политических и гражданских прав и свобод, защиты от политических преследований и произвола чиновников, идеологического давления;
- свободы культурной и духовной жизни;
- максимальной социальной стабильности.

И по созданию условий:

- обеспечивающих удовлетворение потребностей граждан в социальных благах: образовании, здравоохранении и т.д.;
- для получения необходимых для полноценной жизни доходов любыми средствами, не противоречащими закону;
- для труда наемных работников, обеспечения их защиты от негативных воздействий и колебаний экономики.

Заметим, что система социальной защиты инвалидов в Швеции функционирует на основе четко нормативно установленных социальных стандартов. Это означает, что в случае возникновения инвалидности каждый человек может рассчитывать на тот жизненный уровень, который был у нее до этого. А любой инвалид с детства будет иметь гарантированный государством уровень жизни, все необходимые условия для самореализации, удовлетворения своих потребностей и защиты своих прав.

При этом шведская модель социальной защиты предусматривает, что:

- значительная часть национального дохода аккумулируется у государства;
- национальная экономика динамично развивается;
- создаются условия для привлечения внешних и внутренних инвестиций;
- поддерживается высокий уровень занятости населения;
- обеспечивается относительно невысокий уровень инфляции.

Обобщение современного зарубежного опыта позволяет выделить ряд тенденций по развитию системы социальной защиты инвалидов.

1) Большинство институциональных услуг финансируются местными органами власти.

Непосредственное предоставление услуг при этом может осуществляться общественными организациями или частными лицами. В Великобритании, например, местные органы власти формируют целевые бюджеты, из которых финансируется

институциональный уход и уход на дому. Это было введено для того, чтобы обеспечить более гибкий подход к организации обслуживания и повысить степень реагирования на различные нужды в сфере социального обслуживания [24, с. 71].

2) Сфера социальной защиты считается важным сектором занятости на местном уровне.

Во многих странах государство берет обязательства по финансированию услуг лиц, которые помогают инвалидам. В таких странах, как Австралия, Ирландия, Великобритания, уже несколько лет на правовой основе в сферу социального обеспечения внедрена система оплаты труда лиц, предоставляющих услуги. В Великобритании эта помощь направлена на лиц трудоспособного возраста, которые предоставляют услуги, и большинство людей, получавших эту помощь, являются детьми или супругами недееспособных людей. Ряд стран ввели специальные пенсии для людей трудоспособного возраста, которые отказываются от работы, чтобы обеспечить уход за недееспособными лицами [7, с. 213]. В Австрии, наряду с Германией, в начале 1990-х гг. приняты законы по обеспечению возмещения расходов на длительный уход за недееспособными лицами. Таким образом Австрия заменила систему выплат помощи, финансируемых из федерального и местных бюджетов, на унифицированную систему помощи по длительному уходу. С целью обеспечения данных расходов взносы по страхованию по болезни были подняты в 1993 г. на 0,4 % для нанимателей и наемных лиц; на 0,8 % – для лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью и фермеров, и на 0,5 % – для пенсионеров [16]. При этом, к позитивам такой системы можно отнести следующее:

- основной целью помощи является повышение независимости инвалидов путем предоставления им денежных ресурсов на оплату ухода в собственном доме или в специальных учреждениях;

- возможность в значительной мере облегчить бремя местных бюджетов по социальной помощи;

- рост занятости населения для обеспечения ухода на дому.

3) Обеспечение комплексного подхода к предоставлению социальной помощи.

Так, например, в Польше законодательно установлены следующие принципы организации социального обслуживания [0, с. 72]:

- всеобщность, т.е. охват всех медицинских сфер и всех нуждающихся;

- комплексность, что предполагает решение всех аспектов

существующей проблемы;

- раннее применение, рассчитанное на начало реабилитации вместе с классическими методами лечения;
- непрерывность, предусматривающую цикл тесно связанных между собой медицинских профилактических и социальных мероприятий.

4) Развитие социального партнерства.

Реализация большинства государственных программ в данной сфере предусматривает активное вовлечение негосударственных организаций. В частности, в Финляндии и других скандинавских странах большое внимание уделяется организации и развитию взаимодействия между различными общественными организациями, органами здравоохранения и социальной защиты при оказании помощи инвалидам. При этом, например, значительная часть расходов на приобретение протезов для инвалидов компенсируется за счет негосударственных взносов [22].

5) Внедрение системы стимулирования работодателей относительно трудоустройства инвалидов.

Распространенными являются такие формы стимулирования:

- гибкая система квотирования, которая учитывает количество работников на предприятии, ситуацию на рынке труда, форму собственности предприятия, и предусматривает, в частности, зачисление одного инвалида с тяжелыми формами инвалидности (Австрия, Испания, Люксембург, Германия, Польша, Венгрия, Франция, Япония);

- прогрессивная система «штрафования» работодателей за невыполнение норматива, при которой сумма штрафов за каждое незанятое инвалидом место увеличивается по геометрической прогрессии;

- субсидии и льготы, направленные на поощрение тех предприятий, которые обеспечивают трудоустройство инвалидов в большей степени, чем это предусмотрено действующей системой квотирования (Австрия, Испания);

- высокие государственные субсидии на заработную плату инвалидов (в Германии, как говорилось выше, – 80 % в течение первых двух лет, в Швеции – 50 % (в течение всего периода работы инвалида));

- пользование льготами и субсидиями малыми предприятиями, на которые не распространяется система квотирования (Германия);

- большие адресные субсидии на каждое рабочее место, которое занимает инвалидом, без ограничения количества трудоустроенных

инвалидов (Испания);

– налоговые льготы, которые предоставляются работодателям за каждого трудоустроенного инвалида с высокой степенью инвалидности (Чехия и Словакия);

– применение дифференцированного подхода относительно мер стимулирования на использование труда инвалидов в зависимости от размеров предприятий (США) [5].

Как видно из вышеприведенного, наиболее распространенными инструментами поощрения работодателей в развитых странах к найму или сохранению занятости инвалидов являются финансово-экономические инструменты: субсидии, льготы, дотации.

Наряду с финансово-экономическим во многих странах распространено также социально-психологическое стимулирование работодателей за наем или сохранение занятости инвалидов. Так, Ирландская национальная компания по реабилитации ввела эмблему «Реальность инвалидности» как подтверждение соблюдения стандарта равных возможностей для инвалидов на предприятиях. Эмблему для рекламирования своей продукции могут использовать те работодатели, которые создали на своем предприятии наибольшее количество рабочих мест для инвалидов [14, с. 88].

В Индии предприниматели, которые взяли на работу больше людей с инвалидностью, ежегодно в Международный день инвалидов отмечаются Президентом страны [23, с. 201]. В других восточных странах, в частности Японии и Республике Корея, уже несколько лет проводятся национальные конкурсы, в которых инвалиды демонстрируют свои трудовые способности. Такие конкурсы способствуют позитивному восприятию общественностью в целом и работодателями частности возможности полноценного участия людей с инвалидностью в сфере социально-трудовых отношений [23, с. 208].

б) Поддержка создания социально-экономических интеграционных предприятий.

Такая практика впервые была распространена в Австрии. Деятельность таких предприятий регулируется Федеральным законом об инвалидах и Федеральным законом о трудоустройстве инвалидов [6]. В этих законах, в частности, определено, что социально-экономические интеграционные предприятия являются:

– такими учреждениями, которые создаются юридическими лицами с целью занятости и трудоустройства инвалидов, которые вследствие характера инвалидности еще не могут или больше не могут быть занятыми на общем рынке труда, но могут работать с минимальной экономической производительностью;

- эффективным инструментом государственной политики на рынке труда, которые создаются как инструмент, предназначенный для интеграции и реинтеграции трудоспособных инвалидов в открытый рынок труда;
- по форме – малыми предприятиями, на которых заняты в среднем 22 работника.
- по правовому статусу – «общества с ограниченной ответственностью».

Финансовое обеспечение интеграционного предприятия осуществляется следующим образом: 75 % расходов на экономическую деятельность предприятие обеспечивает собственными поступлениями, 25 % расходов финансируется путем дотаций из специального государственного фонда [12, с.39].

Во многих странах, благодаря таким предприятиям, работающие инвалиды составляют в среднем половину лиц от общего количества людей с ограниченными возможностями. Так, в США работают 29 % граждан, имеющих инвалидность, в Великобритании - 40 %, Италии – 55 %, Швеции – 60 %, Китае – 80 % [13].

7) Реализация большого количества образовательных проектов для этой категории людей.

Стоит отметить, что сопровождение организации обучения инвалидов существует во всех развитых странах мира. Сопровождение получения образования осуществляется в соответствии со Стандартными правилами обеспечения равных возможностей для инвалидов, одобренных Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 20 декабря 1993 г. [21].

Что касается высшего образования, то наиболее известными системами сопровождения обучения студентов-инвалидов в мире являются Центры поддержки студентов с инвалидностью Кембриджского и Оксфордского университетов (Великобритания). Служба поддержки инвалидов также успешно функционирует в Южно-Иллинойском университете (США), в Университете Манитобы (Канада), Университете г. Карлсруэ (Германия), Ягеллонском университете (Польша) [17, с. 20].

Относительно среднего образования, то в Европе и США получили распространение сразу несколько подходов, в частности: «widening participation» (расширение доступа к образованию), «mainstreaming» (основное направление) и «inclusion» (включение) [26]. Е. Ярская-Смирнова указывает, что первые два («widening participation»), («mainstreaming») предусматривают, в первую очередь, расширение социальных контактов, а не получение образования.

Интеграция в образовательную среду в данном случае означает удовлетворение потребностей детей с ограниченными возможностями в общении. Что касается третьего подхода («inclusion»), то он предусматривает реформирование массовых школ и перепланировку учебных помещений таким образом, чтобы они соответствовали потребностям всех детей без исключения. Как отмечают В. Алексеева и И. Сошина: «Цель инклюзивного образования – предоставить всем учащимся возможность полноценной социальной жизни, активной жизни в коллективе» [9, с. 5]». Инклюзивные образовательные программы позволяют детям с недостатками получать необходимый социальный опыт [11, с. 148]. Таким образом термин «inclusion» наиболее точно определяет и описывает процесс равного сосуществования людей в образовательной среде и, прежде всего, детей с особыми потребностями.

Выводы. Большинство развитых стран признают, что активная государственная политика по социализации инвалидов важна как для них самих, так и для государства, поскольку способствует повышению жизненного уровня инвалидов, увеличению качества их жизни, а также возможностей для самореализации. Именно поэтому государственная политика в этой сфере предусматривает максимальную активизацию потенциала лиц с ограниченными возможностями в контексте психологической, образовательной, профессиональной, трудовой реабилитации, а также трудоустройства.

Инновационными инструментами социального обслуживания инвалидов при этом можно считать:

- активное развитие инклюзивного образования, которое позволяет детям-инвалидам расширять свой круг общения, повышать самооценку и раскрывать свои способности и таланты;
- открытие интеграционных предприятий, которые дают возможность нуждающимся не только зарабатывать дополнительные средства, но и чувствовать свою полезность для общества;
- введение особых ваучеров на социальную помощь, компенсаций и дополнительных выплат лицам, которые ухаживают за нуждающимися, что дает возможность не только повысить качество предоставляемых услуг, но и создать дополнительные рабочие места в социальной сфере;
- создание дополнительных бюджетов целевого использования, предназначенных для финансирования удовлетворения социальных потребностей, пополнение которых осуществляется за счет бюджетов различных уровней, а также взносов физических и юридических лиц.

Литература

References:

1. Богданов С. Соціальний захист інвалідів. Український та польський досвід / С. Богданов. – К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002. – 93 с.
2. Всемирная программа действий в отношении инвалидов (3 декабря 1982 года) [Электронный ресурс]: Режим доступа. – http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_427.
3. Вяяхуопус Е. Кантор В.З. Социальная реабилитация инвалидов с нарушениями сенсорной, двигательной и интеллектуальной сферы. М.: Издательство «Папирус», 2009. – 304 с.
4. Гаврюшенко Г. Працевлаштування осіб з обмеженими фізичними можливостями: світовий досвід / Г. Гаврюшенко // Соціальний захист. – 2005. – № 11 [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://info.rehab.org.ua/russian/periodyka/sots_zaxust/11-2005/a10/
5. Галямова З.Х. Зарубежный опыт трудоустройства инвалидов / З.Галямова // Материалы конференции «Социальная работа в сфере занятости, Нижний Новгород, 2008, – С. 43 – 46.
6. Гриненко А.М. Соціальна політика. – К.: КНЕУ, 2006. – 309 с.
7. Зарубежный опыт комплексной реабилитации инвалидов. Сборник информационно-методических материалов. /Авт. кол. ЦИЭТИН – О.С. Андреева, Д.И. Лаврова, В.С. Сазонов и др. М.: РООИ «Пилигрим», 2001. – 193 с.
8. Заславская Т.И. Социология экономической жизни: очерки теории / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. – М.: Наука, 1991. – 442 с.
9. Зозуля Т.В. Комплексная реабилитация инвалидов. М.: Академия, 2005. – 304 с.
10. Іпатов А.В. Державне регулювання медико-соціальних проблем інвалідів: зарубіжний досвід для України / А.В. Іпатов // [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://www.nbuv.gov.ua>
11. Клименюк Н. В. Інклюзія людей з особливими потребами до суспільного життя : історичний аспект / Н. В. Клименюк // Наукові праці Чорноморського державного ун-ту ім. Петра Могили комплексу “Києво-Могилянська академія” : наук.-метод. журнал. – 2009. – Вип. 99. – С. 148-153.
12. Корнюшина Р.В. Зарубежный опыт социальной работы: Учебное пособие. - Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. - 84 с.
13. Кравченко М. В. Актуальні проблеми соціального захисту інвалідів в Україні [Електронний ресурс] / М. В. Кравченко // Державне

- управління: теорія та практика. – 2010. – №2 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.academy.gov.ua/ej/ej12/txts/10kmvziu.pdf
14. Кузьмин К. В. История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века) : учеб. пособие для высш. шк. / К. В. Кузьмин, Б. А. Сутырин. М. : Академ. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 480 с.
15. Ламбарт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь / Х. Ламбарт. - М.: «Дело», 1993. – 224 с.
16. Мельник С. Законодавчо-нормативне забезпечення державної соціальної політики щодо інвалідів / С. Мельник, Г.Гаврюшенко // Україна: аспекти праці. – 2010. – № 6. – С. 16-20.
17. Мігалуш А. О. Інклюзивна освіта та супровід навчання і виховання – основа інтеграції в суспільство людей з особливими потребами / А. О. Мігалуш // Актуальні проблеми навчання та виховання людей з особливими потребами : зб. наук. праць. – № 6(8). – К. : Університет “Україна”, 2009. – 484 с.
18. Мюрдаль Г. Мировая экономика: проблемы и перспективы / пер. с англ. А. В. Еврейскова и О. Г. Клесмет. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 159 с..
19. Пейн М. Социальная работа : современная теория / М. Пейн. М. : Академия, 2007. - 400 с.
20. Соціальна робота: В 3 ч. – К.: Вид. дім «Києво – Могилянська академія», 2004. – 166 с.
21. Стандартні правила забезпечення рівних можливостей інвалідів : Резолюція ГА ООН від 20 грудня 1993 р. № 48/96 // Дзвони серцець. – 7-8 червня 2002 р. – С. 2.
22. Стойка А. Зарубіжний досвід організації обслуговування соціально незахищених верств населення / А. Стойка // [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://www.nbuv.gov.ua/Portal/soc_gum/Dums/2009_3/09savvn.pdf
23. Холостова Е. И. Социальная работа с инвалидами : учеб. пособие / Е. И. Холостова. М. : Дашков и К, 2007. – 240 с.
24. Червінська Л.П. Мотивація персоналу в менеджменті: стан, проблеми, напрями розвитку / Л. П. Червінська. – К.: Підприємство «Правда Ярославичів», 1997. – 203 с.
25. Эрхард Л. Благосостояние для всех [Текст] : / Л.Эрхард. - М. : Начала-Пресс,1991. – 336 с.
26. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная работа с инвалидами / Е. Р. Ярская-Смирнова, Э. К. Наберушкина. СПб. : Питер, 2004. – 316 с.
27. Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies / G. Esping-Andersen. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 120 p.

28. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 35 p.

Рецензент: Профессор Вячеслав Дзюндзюк, заведующий кафедрой политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, доктор наук по государственному управлению.

იგორ შურმა
ინვალიდების სოციალური დაცვის სახელმწიფოებრივი
რეგულირების მოწინავე საზღვარგარეთული გამოცდილება

რეზიუმე

ჩატარებულია სოციალური პოლიტიკის იმ მოდელების ანალიზი რომლებსაც იყენებენ განვითარებულ ქვეყნებში. განსაზღვრულია ინვალიდების სოციალური დაცვის განვითარების ძირითადი ტენდენციები, ნაჩვენებია შზღუდული შესაძლებლობების მქონე ადამიანების სოციალიზაციის საუკლებები და ინსტრუმენტები, რომელთა შორის განსაკუთრებული ყურადღება დათმობილი აქვს დამსაქმებელთა სტიმულირებას, ადგილობრივ დონეზე კერძო-სახელმწიფოებრივ პარტნიორობას და ინკლუზიურ განათლებას.

საკვანძო სიტყვები: სოციალური დაცვა, ინვალიდები, სოციალური დახმარება, სოციალიზაცია, ინტეგრაცია, უფლებები, დასაქმება, განათლება.

რეცენზენტი: პროფესორი ვიანესლაჟ ძიუნდიუკი, სახელმწიფო მართვის დოქტორი, უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის გამგე.

Igor Shurma

**LEADING INTERNATIONAL EXPERIENCE OF STATE
REGULATION OF SOCIAL PROTECTION OF DISABLED
PEOPLE**

Summary

The analysis of social policy models that are used in developed countries is made. The main trends of the development of social protection of the disabled people are defined, and the tools of socialization of people with disabilities are shown, with special emphasize on stimulus for employers, public-private partnership at the local level and inclusive education.

Keywords: social protection, disabled people, social assistance, socialization, integration, law, employment, education.

Reviewer: Viacheslav Dziundziuk, doctor of sciences, professor, Head of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine.

CONTENTS

THEORY

Oleh Shepetyak Problems of Religion and Theology in Modern Culture-----	5
Natia Koiava Public Field of 21 st Century Georgia – Main Functions, Goals, Challenges-----	21
Olga Iarotskaya Theocentrism and Anthropocentrism as a Diversity of Church Identity in the Modern Secular World-----	40
Khatia Markozashvili A State and a Civil Society-----	53
Boris Dziundziuk THE SPREADING OF VIRTUAL COMMUNITIES: POTENTIAL THREAT-----	60
Tornike Nioradze Comparative Analysis of Local Government in the United States-	73
Dmitry Polkovnichenko THE PECULIARITIES OF PUBLIC MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF EMERGENCIES-----	80
Volodymyr Loboichenko THE PECULIARITIES OF STRATEGY WORKING OUT FOR PUBLIC ORGANIZATIONS-----	89
David Shamoev Ethics in Public Service-----	99
Nikolai Orlov SOME LESSONS FOR PUBLIC AUTHORITIES AND BODIES OF WAR ON THE BACKGROUND OF EVENTS AROUND EVROMAYDANA ANTITERORISTICHSKOY OPERATIONS IN UKRAINE-----	107

ECONOMIC

Ivane Okriashvili Some Aspects of the Public Finance Management-----	114
Mykhajlo Medvid, Mykola Baksheiev PROBLEMS OF FORMATION, DEVELOPMENT AND USE OF MILITARY RESERVE OF HUMAN RESOURCES-----	124
Sergey Belay Justification Indicators Monitoring Mechanism of the Socio- Economic Crisis (Situations)-----	136

LAW

ELENA SOLOVIEVA INSTITUTE OF RECONCILIATION PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS UKRAINE: PROBLEMS REFORM AND IMPROVEMENTS-----	148
David Aslanishvili Some Aspects of the Regulation of Transnational Corporations-----	160
Andrew Scherbakovsky MAINTENANCE AND OPERATIONAL-SEARCH TYPES OF INFORMATION USED IN THE INVESTIGATION OF CRIMES-----	167
Oleksandr Kushnyrenko RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL ORDER POST-SOVIET UKRAINE-----	175

SOCIETY

Alexander Kotukov INFORMAL COMMUNICATION AS INSTRUMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION PERFORMANCE INCREASING IN THE FRAMEWORK OF NETWORK SOCIETY DEVELOPMENT-----	188
--	-----

PRACTICE

Maxim Museyev

COMPLEX APPROACH TO MANAGEMENT OF
MEGALOPOLISES' INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT----- 199

Igor Shurma

LEADING INTERNATIONAL EXPERIENCE OF STATE
REGULATION OF SOCIAL PROTECTION OF DISABLED
PEOPLE----- 209

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Олег Шепетяк Проблемы религии и богословия в современной культуре-----	5
ნათია კოიავა Публичная сфера Грузии XXI века – основные функции, цели и вызовы-----	21
Ольга Яроцкая Теоцентризм и антропоцентризм как разновекторные церковные идентичности в современном секулярном мире-----	40
Хатია Маркозашвили Государство и гражданское общество-----	53
Борис Дзюндзюк РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА-----	60
Торнике Ниорадзе Сравнительный анализ местного самоуправления в США -----	73
Дмитрий Полковниченко ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ-----	80
Владимир Лобойченко СПЕЦИФИКА ВЫРАБОТКИ СТРАТЕГИИ ДЛЯ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ-----	89
Давид Шамоев Этика на государственной службе-----	99
Николай Орлов НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ДЛЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ФОНЕ СОБЫТИЙ ВОКРУГ ЕВРОМАЙДАНА И АНТИТЕРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ В УКРАИНЕ-----	107

ЭКОНОМИКА

Иване Окриашвили
Некоторые аспекты управление государственными финансами--- 114

Михаил Медвидь, Николай Бакшеев ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ВОЕННОГО РЕЗЕРВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
РЕСУРСОВ----- 124

Сергей Белай
Обоснование индикаторов механизма мониторинга кризисных
явлений (ситуаций) социально-экономического происхождения- 136

ПРАВО

ЕЛЕНА СОЛОВЬЕВА
ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ И
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ----- 148

Давид Асланишвили
Некоторые аспекты регулирования транснациональных
корпораций----- 160

Андрей Щербаковский
СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ИНФОРМАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ----- 167

Александр Кушниренко
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ----- 175

ОБЩЕСТВО

Александр Котуков
НЕФОРМАЛЬНАЯ КОММУНАКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО
ОБЩЕСТВА----- 188

ПРАКТИКА

Максим Мусеев

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ
ИНФРАСТРУКТУРНЫМ РАЗВИТИЕМ КРУПНЫХ ГОРОДОВ 199

Игорь Шурма

ПЕРЕДОВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ 209

ავტორები

დავით ასლანიშვილი ნიკოლოზ ბაკშევები	საჯარო მმართველობის მაგისტრი შეზღუდული პასუხისმგებლობის სასოფლოსამეურნეო საზოგადოების «რუაწიკის» დირექტორი. (უკრაინა) სამხედრო მეცნიერებათა კანდიდატი, უფროსი მეცნიერ თანამშრომელი, უკრაინის უკრაინის ეროვნული გვარდიის ეროვნული აკადემიის სამეცნიერო-საორგანიზაციო განყოფილების უფროსი. (უკრაინა) ტარას შევცენკოს სახელობის კიევის ეროვნული უნივერსიტეტის ფილოსოფიის ფაკულტეტის რელიგიათმცოდნეობის კათედრის ასპირანტი. (უკრაინა)
სერგეი ბელაი	
ოლგა იაროცკაია	
ალექსანდრე კოტუკოვი	უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის დოცენტი, სოციოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატი. (უკრაინა) იურიდიულ მეცნიერებათა კანდიდატი, იაროსლავ ბრძენის სახ. ეროვნული იურიდიული უნივერსიტეტის უკრაინის კონსტიტუციური სამართლის კათედრის დოცენტი. (უკრაინა)
ალექსანდრე კუშნირენკო	
ვლადიმერ ლობოჩენკო	უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის ასპირანტი. (უკრაინა)
ხატია მარკოზაშვილი მიხაილო მედვიდი	საჯარო მმართველობის მაგისტრი ეკონომიკურ მეცნიერებათა კანდიდატი, უფროსი მეცნიერ თანამშრომელი, დოქტორანტი,

მაქსიმ მუსყევი	უკრაინის ეროვნული გვარდიის ეროვნული აკადემია (უკრაინა) უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის ასპირანტი. ხარკოვის საქალაქო საბჭოს ლენინის რაიონის ადმინისტრაციის თავმჯდომარე. (უკრაინა)
თორნიკე ნიორაძე ნიკოლოზ ორლოვი	საჯარო მმართველობის მაგისტრი სახელმწიფო მართვის მეცნიერებათა დოქტორი, დოცენტი, უკრაინის ეროვნული გვარდიის ეროვნული აკადემიის ოპერატიული ხელოვნების კათედრის პროფესორი. (უკრაინა)
ივანე ოქრიაშვილი დიმიტრი პოლკოვნიჩენკო	საჯარო მმართველობის მაგისტრი უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის ასპირანტი. (უკრაინა)
ელენე სოლოვიოვა	იურიდიულ მეცნიერებათა კანდიდატი, შინაგან საქმეთა ხარკოვის ეროვნული უნივერსიტეტის სამართლისა და მასობრივი კომუნიკაციების ფაკულტეტის სისხლის სამართლის დისციპლინების კათედრის პროფესორი. (უკრაინა)
ოლეგ შეპეტიაკი	ბორის გრინჩენკოს სახელობის კიევის უნივერსიტეტის საზოგადოების ინსტიტუტის ფილოსოფიის კათედრის დოცენტი, უკრაინის მეცნიერებათა ეროვნული აკადემიის ფილოსოფიის ინსტიტუტის რელიგიათმცოდნეობის განყოფილების დოქტორანტი. (უკრაინა)

ანდრეი შერბაკოვსკი	ხარკოვის შინაგან საქმეთა ეროვნული უნივერსიტეტის მაძიებელი, უკრაინის შშს მთავარი სამმართველოს ორგანიზებულ დანაშაულთან ბრძოლის სამმართველოს ოპერაწმუნებული. (უკრაინა)
დავით შამოვეი	საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის დოქტორანტი
იგორ შურმა	უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის პოლიტოლოგიისა და ფილოსოფიის კათედრის დოცენტი, სოციოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატი. (უკრაინა)
ბორის ძიუნძიუკი	უკრაინის პრეზიდენტთან არსებული სახელმწიფო მართვის ეროვნული აკადემიის ხარკოვის სახელმწიფო მართვის რეგიონალური ინსტიტუტის სოციალური და ჰუმანიტარული პოლიტიკის კათედრის ასპირანტი. (უკრაინა)
ნათია ქლიავა	საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის დოქტორანტი

Authors

David Aslanishvili Mykola Baksheiev	MPA- Master of Public Administration Director of the agricultural LLC "Rzhavchyk". (Ukraine)
Sergey Belay	PhD in military science, senior researcher, chief of scientific-organization department National Academy of the National Guard of Ukraine, Kharkov. (Ukraine)
Boris Dziundziuk	Post-graduate student of Social and Humanitarian Policy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine. (Ukraine)
Olga Iarotskaya	Post-graduate student of Department Religious of Philosophy Faculty of Taras Shevchenko National University of Kyiv. (Ukraine)
Natia Koiava	Doctoral Candidate, Georgian Technical University
Alexander Kotukov	PhD in Sociology, associate professor of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine. (Ukraine)
Aleksandr Kushnirenko	PhD (Law), Associate Professor, Department of Constitutional law, Yaroslav Mudryi National Law University. (Ukraine)
Volodymyr Loboichenko	Post-graduate student of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine. (Ukraine)
Khatia Markozashvili Mykhajlo Medvid	MPA- Master of Public Administration Candidate of economics, senior researcher, doctoral degree researcher, National Academy of National Guard of Ukraine. (Ukraine)

Maxim Museyev	Head of Administration of Lenin District of Kharkiv City Council, post-graduate student of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine. (Ukraine)
Tornike Nioradze	MPA- Master of Public Administration
Nikolai Orlov	Ph.D. Associate Professor of Public Administration, Professor, Department of Operational Art National Academy of the National Guard of Ukraine. (Ukraine)
Ivane Okriashvili	MPA- Master of Public Administration
Dmitry Polkovnichenko	Post-graduate student of Political Science and Philosophy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine. (Ukraine)
Elena Solovieva	Ph.D of Law, Professor of Criminal Law, Faculty of Law and Mass Communications of the Kharkov National University of Internal Affairs. (Ukraine)
David Shamoev	Doctoral Candidate, Georgian Technical University
Igor Shurma	Post-graduate student of Social and Humanitarian Policy Chair of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine. (Ukraine)
Oleh Shepetyak	Candidate of philosophical Sciences, Docent of Department of Philosophy of Borys Grinchenko Kyiv University. (Ukraine)
Andrew Scherbakovsky	Detective of the Office for Combating Organized Crime of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine in Kharkiv region, police major, Applicant of Kharkov National University of Internal Affairs. (Ukraine)

Авторы

Давид Асланишвили Николай Бакшеев	Магистр публичного управления Директор сельськохозяйственного общества с ограниченной ответственностью «Ржавчик». (Украина)
Сергей Белай	кандидат военных наук, старший научный сотрудник, начальник научно- организационного отдела Национальной академии Национальной гвардии Украины, г. Харьков. (Украина)
Борис Дзюндзюк	Аспирант кафедры социальной и гуманитарной политики Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. (Украина)
Александр Котуков	Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политологии и философии Харри НАГУ, г. Харьков. (Украина)
Натиа Коиава	Докторантка Грузинского технического университета
Александр Кушниренко	Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Украины Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого. (Украина)
Владимир Лобойченко	Аспирант кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. (Украина)
Хатиа Маркозашвили Михаил Медвидь	Магистр публичного управления Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, докторант, Национальная академия Национальной гвардии Украины (Украина)

Максим Мусеев	Председатель администрации Ленинского района Харьковского городского совета, аспирант кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. (Украина)
Торнике Ниорадзе Николай Орлов	Магистр публичного управления Доктор наук государственного управления доцент, профессор кафедры оперативного искусства Национальной академии Национальной гвардии Украины. (Украина)
Иване Окриашвили Дмитрий Полковниченко	Магистр публичного управления Аспирант кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. (Украина)
Елена Соловьева	Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета права и массовых коммуникаций Харьковского национального университета внутренних дел. (Украина)
Давид Шамоев	Докторантка Грузинского технического университета
Олег Шепетяк	Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института общества Киевского университета имени Бориса Гринченко, докторант отделения религиоведения Института философии Национальной Академии Наук Украины. (Украина)
Андрей Щербаковский	Оперуполномоченный Управления по борьбе с организованной преступностью Главного управления МВС Украины в Харьковской области, майор милиции, соискатель Харьковского национального университета внутренних дел. (Украина)

Игорь Шурма

Аспирант кафедры социальной и гуманитарной политики Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. (Украина)

Ольга Яроцкая

Аспирантка Киевского национального университета имени Тараса Шевченка, кафедра религиоведения философского факультета. (Украина)

ქურნალის რედაქლეგია

ნანა ავალიანი	ისტორიის მეცნიერებათა დოქტორი, საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტროს მრჩეველი (საქართველო)
რუდიგერ ანდრესენი	ბერლინის უნივერსიტეტის პროფესორი ეკონომიკის დარგში, საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის საპატიო დოქტორი (გერმანია)
მეუფე აბრაამი (გარმელია)	დასავლეთ ევროპის მიტროპოლიტი (საქართველო)
ევგენი ბარათაშვილი	საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის პროფესორი, ეკონომიკისა და ბიზნესის მართვის დეპარტამენტის ხელმძღვანელი (საქართველო)
გიორგი ბაღათურია	საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის პროფესორი (საქართველო)
ოთარ ბაღათურია	პასუხისმგებელი მდივანი, პოლიტიკის დოქტორი (საქართველო)
რასა ბელოკაიტე	ვიტაუტას დიდის უნივერსიტეტის პროფესორი (ლიტვა)
ანასტასია განიჩი	რუსეთის მეცნიერებათა აკადემიის ცენტრალური აზიის, კავკასიისა და ურალ-ვოლგისპირეთის შემსწავლელი ცენტრის მეცნიერ-მუშაკი, დოცენტი (რუსეთი)
იური გორიციკი	მოსკოვის ენერგეტიკული ინსტიტუტის პროფესორი (რუსეთი)
ვახტანგ გურული	ივანე ჯავახიშვილის სახ. თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის პროფესორი (საქართველო)
შოთა დოლონაძე	მთავარი რედაქტორი, საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის პროფესორი, (საქართველო)
ელუნ დრაკე ჰარალდ ვერტცი	ევროპის საბჭოს ექსპერტი (საფრანგეთი) სორბონას უნივერსიტეტის „პარი-8“-ის პროფესორი ინფორმატიკის დარგში (საფრანგეთი)
გენადი იაშვილი	საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის პროფესორი, საჯარო მმართველობისა და ელექტრონული ბიზნესის დეპარტამენტის ხელმძღვანელი (საქართველო)
სერჯო კამიზი	“ლა საპიენდა“-ს უნივერსიტეტის პროფესორი (იტალია)

რინარდ მასი	ნოტრდამის უნივერსიტეტის პროფესორი (ნიდერლანდების სამეფო)
მიხაილო მედვიდი	უკრაინის ეროვნული გვარდიის ეროვნული აკადემიის პროფესორი (უკრაინა)
როინ მეტრეველი	აკადემიკოსი. საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის ვიცე-პრეზიდენტი (საქართველო)
იოშიკა მიცუი	იოკოჰამას ეროვნული უნივერსიტეტის პროფესორი (იაპონია)
ბადრი ნაკაშიძე	მ. ლომონოსოვის სახელობის მოსკოვის უნივერსიტეტის სახელმწიფო მართვის ფაკულტეტის პროფესორი (რუსეთი)
ლიზავეტა ჟახანინა	კანზასის სახელმწიფო უნივერსიტეტის პროფესორი (ამერიკის შეერთებული შტატები)
ბუდი ნურანი რუჩჯანა	პაჯაჯარანის უნივერსიტეტის პროფესორი. (ინდონეზია)
რამონ პიეტრო-სუარესი გერტ სურმიულენი	ევროპის საბჭოს ექსპერტი (ესპანეთი დოქტორი, ლოჯისტიკური კომპანიის პრეზიდენტი (გერმანია)
ქეთი ქოქრაშვილი	საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის პროფესორი, ადმინისტრაციის ხელმძღვანელი (საქართველო)
ოთარ ქონორაძე	მთავარი რედაქტორის მოადგილე, საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის პროფესორი (საქართველო)
რუსუდან ქუთათელაძე	საქართველოს ტექნიკური უნივერსიტეტის პროფესორი, ბიზნეს-ინჟინერინგის ფაკულტეტის დეკანი (საქართველო)
მაია ჩხეიძე	საქართველოს უნივერსიტეტის პროფესორი (საქართველო)
ენდრიუ ლენუქს ჰარდინგსი	კინგსკოლეჯის პროფესორი (დიდი ბრიტანეთი)

EDITORIAL BOARD

NANA AVALIANI	PhD of History, adviser Ministry of Foreign affairs of Georgia (Georgia)
RUDIGER ANDRESEN	Professor of Economics of Berlin University, Doctor of Honour of Georgian Technical University (Germany)
His Eminence ABRAHAM (GARMELIA)	Metropolitan of Western Europe (Georgia)
EVGENI BARATASHVILI	Professor of Georgian Technical University, Head of Department of Economics and Business Management (Georgia)
GIORGI BAGATURIA	Professor of Georgian Technical University (Georgia)
OTAR BAGATURIA	Responsible Editor, Ph.D. (Georgia)
RASA BELOKAITE	Professor of the University of Vitautas the Great (Litva)
MAIA CHKHEIDZE	Professor of University of Georgia (Georgia)
ELUN DRUCKE	Expert of European Council (France)
SHOTA DOGONADZE	Chief Editor, Professor of Georgian Technical University, (Georgia)
ANASTASIA GANICH	Docent, Scientific worker of Central Asia, Caucasus and Ural-Volga researcher center of the Avcademy of Sciences of Russia (RF)
YURI GORITSKIY	Professor of Moscow Power Engineering Institute (RF)
VAKHTANG GURULI	Professor of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University (Georgia)
ANDRU LENUKS HARDINGS	Professor of King's college (UK)
GENADI IASHVILI	Professor of Georgian Technical University, Head of the Public Administration and Electronic Business Department (Georgia)
SERGIO CAMIZ	Professor of the University of Roma „La Sapienza“ (Italia)
KETI KOKRASHVILI	Professor of Georgian Technical University, Head of the Administration (Georgia)
OTAR KOCHORADZE	Deputy Editor-in-Chief, Professor of Georgian Technical University (Georgia)
RUSUDAN KUTATELADZE	Professor of Georgian Technical University, Dean of Business-Engineering faculty (Georgia)
RICHARD MAAS	Professor of the University of Notrdam (The Netherlands)

MYKHAILO MEDVID	Professjr of National Academy of National Guard of Ukraine. (Ukraine)
ROIN METREVELI	Academician. Vice President of Georgian Academy of Sciences (Georgia)
IOSHIKA MITSUI	Professor of National University of Yokohama (Japan)
BADRI NAKASHIDZE	Professor of M.Lomonosov Moscow State University (RF)
RAMON PIETRO-SUARES	Expert of European Council (Spain)
BUDI NURANI RUCHJANA	Professor of the University of Padjadjaran (Indonesia)
GERT SURMIULEN	Doctor, preident of Logistic company (Germany)
LIZAVETA DJAKHANINA	Professor of Kanzas State University (USA)
HARALD WERTZ	Professor of Informatics of Sorbona University "Pari-8" (France)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

НАНА АВАЛИАНИ	Советник МИД Грузии, доктор исторических наук (Грузия)
Владыко АВРААМ (ГАРМЕЛИЯ)	Митрополит Западной Европы (Грузия)
РУДИГЕР АНДРЕСЕН	Профессор экономики Берлинского университета, почетный доктор Грузинского технического университета (Германия)
ГЕОРГИЙ БАГАТУРИЯ	Профессор Грузинского технического университета (Грузия)
ОТАР БАГАТУРИЯ	Ответственный секретарь, Ph.D. (Грузия)
ЕВГЕНИЙ БАРАТАШВИЛИ	Профессор Грузинского технического университета, руководитель департамента экономики и управления бизнесом (Грузия)
РАСА БЕЛОКАЙТЕ	Профессор университета Витаутаса Великого (Литва)
ХАРАЛЬД ВЕРТЦ	Профессор информатики Сорбонского университета «Пари-8» (Франция)
АНАСТАСИЯ ГАНИЧ	Доцент, научный сотрудник исследовательского центра Центральной Азии, Кавказа и Урал-привольжья АН РФ (РФ)
ЮРИЙ ГОРИЦКИЙ	Профессор Московского энергетического института (РФ)
ВАХТАНГ ГУРУЛИ	Профессор Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили (Грузия)
ЕЛУН ДРАКЕ	Эксперт Совета Европы (Франция)
ШОТА ДОГОНАДЗЕ	Главный редактор, профессор Грузинского технического университета, (Грузия)
СЕРДЖИО КАМИЗ	Профессор Римского Университета «Ла Сапиенза» (Италия)
КЕТЕВАН КОКРАШВИЛИ	профессор Грузинского технического университета, глава администрации университета (Грузия)
ОТАР КОЧОРАДЗЕ	Заместитель главного редактора, профессор Грузинского технического университета (Грузия)
РУСУДАН КУТАТЕЛАДЗЕ	Профессор Грузинского технического университета, декан факультета Бизнес-инжинеринга (Грузия)

РИЧАРД МААС	Профессор университета Нотрдам (Нидерланды)
МИХАЙЛО МЕДВИДЬ	Профессор Национальной академии Национальной гвардии Украины (Украина)
РОИН МЕТРЕВЕЛИ	Академик. Вице-президент АН Грузии (Грузия)
ИОШИКА МИЦУИ	Профессор национального университета Йокогамы (Япония)
БАДРИ НАКАШИДЗЕ	Профессор МГУ им. М.Ломоносова (РФ)
РАМОН ПЬЕТРО-СУАРЕС	Эксперт Совета Европы (Испания)
БУДИ НУРАНИ РУЧДЖАНА	Профессор университета Паджаджаран (Индонезия)
ГЕРТ СУРМИЮЛЕН	Доктор, президент логистической компании (Германия)
МАЙА ЧХЕИДЗЕ	Профессор Университета Грузии (Грузия)
ЛИЗАВЕТА ЖАХАНИНА	Профессор государственного университета Канзас (США)
ЭНДРЮ ЛЕНУКС ХАРДИНГС	Профессор кингсколледжа (Великобритания)
ГЕННАДИЙ ЯШВИЛИ	Профессор Грузинского технического университета, руководитель департамента публичного управления и электронного бизнеса (Грузия)